

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

Виль Быков

ВМЕСТО
ПРЕДИСЛОВИЯ

МОЛЧАЛИВЫЕ
ИЛИ ЗАПУГАННЫЕ?

ЗА ЧТО БОРОЛАСЬ
ПРОТЕСТУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ

ПОСЛЕВЬЕТНАМСКОЕ
ПОКОЛЕНИЕ

КТО ОНИ,
ИДУЩИЕ НА СМЕНУ

Издательство
политической
литературы

Виль Быков

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ
МОЛОДОГО
ПОКОЛЕНИЯ США
(50–80-е годы)**

Москва
Издательство
политической
литературы
1988

ББК 66.75(7США)

Б95

Быков В. М.

Б95 В поисках будущего: Полит. эволюция молодого поколения США (50—80-е годы).— М.: Политиздат, 1988.— 207 с.

ISBN 5—250—00040—1

В книге рассказывается о демократической молодежи США, о ее положении в обществе, эволюции идеалов и ценностей молодых американцев за последние 30 лет, выясняются факторы, воздействующие на социально-политическую активность молодого поколения США. Большое внимание уделяется антивоенному движению американской молодежи.

Автор, ученый и публицист, использует обширный фактический материал и личные впечатления о пребывании в стране. Книга адресована широкому кругу читателей.

Б 0804000000—146
079(02)—88 КБ—5—113—88

ББК 66.75(7США)

ISBN 5—250—00040—1

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

История есть не что иное, как
последовательная смена
отдельных поколений...

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС

Поздно вечером в американском студенческом городке Беркли меня разбудил тревожный гомон толпы и крики на улице. Я выглянул в окно, с шестого этажа гостиницы мне была видна людская масса, растянувшаяся на целый квартал. Шумя и что-то скандируя, толпа человек в четыреста уходила вниз, в темноту по Дарант-авеню. Теперь я мог разобрать — молодые голоса во всю мочь скандировали: «США, США, руки прочь от Никарагуа!»

Демонстрации и митинги в защиту Республики Никарагуа, проходившие в Калифорнийском университете днем, выплеснулись на улицы города ночью. Движение молодежи против вмешательства Соединенных Штатов в дела Центральной Америки весной 1986 года развернулось во многих университетах и колледжах.

Время действия описанных выше событий — 25 марта, а 31 марта, как гласили повсюду расклеенные листовки, на 12 часов дня на главной площади студгородка университета назначался митинг протеста против апартеида в ЮАР и экономических связей американских монополий с этой страной. Такого же рода активность молодежи весной 1986 г. я наблюдал в Мичиганском, Колумбийском, Нью-Йоркском университетах. И, как писали газеты, молодежные демонстрации проходили по всей стране.

Выход масс американской молодежи на арену активной политической борьбы — это особенность эпохи. Демократическая молодежь сыграла важную роль в ожесточенной антивоенной борьбе, которую вели в Соединенных

Штатах прогрессивные силы и все люди доброй воли в годы вьетнамской авантюры Вашингтона, сегодня она выступает против милитаризма, угрозы ядерной войны, против всех форм расовой дискриминации, за право на труд, на образование, за доступную всем медицинскую помощь, активно участвует в классовых боях трудящихся.

Однако не всегда было так. История молодежного движения США знает годы взлета и спада, образно выражаясь, периоды детства и возмужания.

На формирование взглядов и социальную активность американской молодежи оказывают влияние противоречия действительности, столкновения с то затихающим, то углубляющимся экономическим и социально-политическим кризисом — с инфляцией, безработицей, вопиющей социальной несправедливостью, с демократическими и реакционными традициями в политической жизни, с последствиями антинародного курса Вашингтона, с развязанной американскими империалистами гонкой вооружений, имперскими амбициями США, государственным тероризмом во внешней политике.

Молодежное сознание восприимчиво, открыто переменам. Молодые американцы готовы пересмотреть старые традиции, переосмысливают моральные ценности, чаще приходят к выводу, что империалистическая политика правящих кругов враждебна их интересам и чаяниям. И правящие группировки, даже самые реакционные, стараются предстать в глазах молодого поколения в роли друга, заигрывают с молодежью, поскольку прекрасно знают, что от нее немало зависит. Стараясь воздействовать на молодое поколение, направить его энергию в нужное русло, буржуазное государство использует весь арсенал средств, оно маневрирует, оказывает давление, не гнушается ложью и клеветой, идет на применение силы, отвлекая от борьбы, готово прибегнуть к уступкам. Все это не может не сказываться на социальной активности и политическом лице новых поколений.

МОЛЧАЛИВЫЕ ИЛИ ЗАПУГАННЫЕ ?

Мы сидим в просторной квартире профессора Чикагского университета: хозяин, пятеро его аспирантов и я — гость из Советской страны, приехавший познакомиться с духовной жизнью американской молодежи. Мои собеседники расположились кто на диване, кто в кресле, кто пристроился на журнальном столике. Обстановка непринужденная.

— Как бы вы одним словом назвали нынешнее поколение молодежи? — спрашиваю я.

Мой вопрос никого не удивляет. Дело в том, что поколения молодежи, которые заметно отличаются своим поведением, в Соединенных Штатах нередко дают названия.

Так, еще в 20-е годы сверстников Э. Хемингуэя, Ф. Фицджеральда, Д. Дос Пассоса называли «потерянным поколением» — поколением, разочарованным в идеалах и ценностях капиталистического строя. В 50-е годы американскую молодежь стали называть «молчаливым поколением».

Поскольку каждое обобщение почти всегда страдает неточностью, то и понятие «молчаливое поколение» тоже весьма относительно. Однако оно определило основные характерные черты американской молодежи той поры, которая открыто, в массовом масштабе не выражала своего отношения к внутренней и внешней политике американского правительства. Без особо серьезных осложне-

ний американской администрации удалось набрать новобранцев для войны в Корею. Не принимала молодежь активного участия и в каких-либо массовых движениях протеста по внутриполитическим проблемам. Для «молчаливого поколения» эти проблемы являлись как бы посторонней темой.

Правда, студенты¹ выражали недовольство содержанием учебных программ, преподавателями, результатами экзаменов, но это недовольство не приобретало массового характера, а задачи и функции университетов, системы образования не ставились под сомнение.

Девизом большинства питомцев высшей школы в период «холодной войны» было «не болтай, не пиши, не присоединяйся», и они отказывались ставить свои подписи под петициями, боялись присоединиться к политическим организациям. Находились даже и такие, которые доносили на своих профессоров в ФБР. Молча наблюдали они за расправой в страхе за свой покой и безопасность².

Реакционеры и послушные им средства массовой информации старательно нагнетали обстановку страха и подозрительности.

Известный американский социолог Р. Флэкс нарисовал такой портрет идеальных молодых людей 50-х годов.

¹ Число студентов выросло с 1,6 млн человек (1945 г.) до 3,215 млн (1960 г.). Необходимо иметь в виду, что к категории студентов в США относятся и учащиеся тех колледжей, которые по уровню образования сопоставимы с советскими техникумами или профтехучилищами.

² «Упор на учебу и научную работу,— пишет видный американский исследователь студенческого движения в США профессор Ф. Алтбах,— сочетался с безотчетным страхом выражать свои политические взгляды». Этот страх подогревался угрозой не найти работы, своего места в жизни, потерять перспективу на будущее.

Парни атлетичны, подтянуты, подстрижены ежиком, антиинтеллектуальны, «сексуально привлекательны» и грубы; а девушки аккуратны, общительны, сентиментально-романтичны, готовы на свидание и на брак. Они тщательно причесываются и предпочитают одежду, подчеркивающую серьезность, чистоту и традиционность.

Любимый костюм студентов в это время — серый фланелевый пиджак или синяя спортивная куртка, полотняные брюки, галстук. Студентки ходили в свитерах, блузках, юбках или шортах.

Конечно, писал Флэкс, находились такие юноши, которые скорее были интеллектуальны, чем атлетичны и грубы, и такие девушки, которые сознательно отвергали общепринятую «норму женственности», но эти молодые люди, непохожие на своих сверстников, были обречены на изоляцию, психологические переживания, постоянную тревогу, неуверенность в своем положении.

В 1958—1959 гг. мне довелось стажироваться в Калифорнийском университете, а потом много ездить по стране. Уверенно могу назвать главные интересы основной массы студенчества 50-х годов: спорт, развлечения и, наконец, основное — карьера.

С детских лет в сознание молодежи усиленно вдалбливалось, что американская система и образ жизни — это идеал, достойный всяческих похвал, подражания, копирования. Теоретические концепции и прогнозы буржуазных социологов строились на отрицании самой возможности того, что в таком «стабильном», «демократическом», «плюралистическом», «изобильном» обществе, как Соединенные Штаты, могут возникнуть массовые движения инакомыслящих.

Так, один из ведущих американских исследователей социальный психолог К. Кенистон в работе «Непричастные» утверждал, что в США нет условий для распространения радикальных идей. Такова была точка зрения по-

давляющего большинства американских буржуазных ученых, специализирующихся в области общественных наук, adeptов завоевавшей популярность теории «конца идеологии».

Основанием для таких прогнозов считалось то, что в ходе второй мировой войны американский капитал значительно укрепил свои экономические позиции¹. За 10 лет, начиная с 1947 г., объем промышленного производства, несмотря на временные спады, вырос в США на 42%. Число безработных в 1949—1953 гг. сократилось с 3,4 млн до 1,9 млн человек.

Разбогатевший во время второй мировой войны американский империализм претендовал на роль вершителя судеб всего мира. Он считал, что сумеет диктовать свои условия изнуренным войной странам. В страхе перед новыми экономическими катаклизмами правящий класс полагал, что военная напряженность, с одной стороны, поможет сохранить высокий тонус промышленности и деловой активности и, с другой — вынудит Советский Союз соревноваться с Соединенными Штатами в области вооружений, точнее — гонки вооружений, а это, по мнению буржуазных политиков, для только что перенесшей разрушительную войну Страны Советов станет непосильным бременем, затормозит ее восстановление и дальнейшее экономическое развитие.

Провозглашенные во имя этих целей правительством США открыто империалистические «доктрина Трумэна» и «план Маршалла» требовали веского обоснования перед народом. Строительство военных баз в Западной Европе, сколачивание военно-политических блоков против СССР и других социалистических стран, «доктрина сдерживания коммунизма», военные мероприятия внутри страны

¹ Две трети производственных мощностей капиталистического мира были сосредоточены в этой стране: в американских банках находилось более трех четвертей мирового запаса золота.

шли рука об руку с антисоветскими пропагандистскими кампаниями, назначение которых состояло в том, чтобы переломить настроение общественности, преодолеть появившиеся у американского народа дружеские чувства к Советской стране — мужественному союзнику и борцу против фашизма, к советским людям, которых американцы смогли за годы испытаний узнать поближе, к коммунистам, смело выступающим против мракобесия, за насущные интересы трудящихся.

Американские политические деятели открыто стали говорить о войне против СССР как о деле ближайшего будущего. «Мы сотрем с лица земли жизненно важные центры противника, — вещал в то время конгрессмен от штата Миссури, — а затем предоставим нашим союзникам послать свои армии, своих сыновей — а не наших, — чтобы оккупировать завоеванную нами территорию. Заключив Атлантический договор, мы получили базы, и теперь нам нужны только самолеты, чтобы доставить бомбы к месту назначения».

Во время войны в Корее президент Трумэн публично заявил, что рассматривает вопрос о применении атомного оружия. Летом 1951 г. конгресс впервые за всю историю США принял закон об обязательной воинской повинности в мирное время. Подхлестываемое призывами официальных лиц и членов правительства, вскоре в стране развернулось строительство бомбоубежищ. В то же время Соединенные Штаты стали нарушать воздушные границы СССР.

В период с 1953 по 1956 г., например, было 113 таких нарушений. В середине 50-х годов государственный секретарь Д. Ф. Даллес провозгласил политику балансирования «на грани войны». Реакция наступала на демократические права народа, преследовала прогрессивных деятелей.

Буржуазная пресса, средства массовой информации лихорадочно вели обработку общественного мнения. Го-

нения па инакомыслящих развертывались в государственном масштабе.

В 1947 г. президент Трумэн издал приказ № 9835 о проверке лояльности всех правительственных служащих и об увольнении с работы тех, кто будет признан «нелояльным».

Комиссия палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности была в приказе вместе с ФБР объявлена одним из главных органов, чье мнение при проверке должно было приниматься во внимание в первую очередь. Приказ Трумэна касался примерно 2200 тыс. американцев. Этого было более чем достаточно для создания в стране атмосферы психологической напряженности, подозрительности и даже страха. Но это было только начало. Пущенный в ход механизм набирал силу.

Постепенно в орбиту «проверки» и допросов вовлекались все новые организации и лица.

В первый список нелояльных организаций — а он был опубликован министерством юстиции — было включено 78 таких организаций, главным образом прогрессивных и левых. В объявленном вскоре втором списке значилось еще 32 организации. Далее публиковались новые и новые списки.

За приказом № 9835 последовал аналогичный приказ № 10 241. А правительство нового президента Эйзенхауэра в апреле 1953 г. издало приказ № 10 450, расширявший сферу действия полицейского сыска. Год спустя конгресс принял закон «О контроле за коммунистической деятельностью», фактически ставивший Компартию США вне закона. Одним из главных вдохновителей наиболее яростных акций против прогрессивных деятелей, инициатором антикоммунистической истерии и травли инакомыслящих стал сенатор Джозеф Маккарти, глава комиссии сената по внутренней безопасности.

Повсюду в США шли «чистки», расследования деятельности людей и организаций, подозреваемых в симпатиях к прогрессивным идеям.

19 июня 1953 г. по ложному обвинению в шпионаже, вопреки протестам во всем мире, были казнены супруги Розенберг.

«Мы должны знать,— требовал деятель ультраправых,— президент Американской телевизионной корпорации У. Санабриа,— кто тот улыбающийся незнакомец, что переехал в ближайший дом на той стороне улицы, кто открыл лавчонку в нашем квартале, кто однажды предстал перед нами как расторопный швейцар нашего дома или дома, где находится наша контора. О КАЖДОМ надо все разузнать, навести справки. Атомная мина может оказаться перевозимой по улице в каком-нибудь с виду невинном ветхом самодельном мальчишеском автомобиле... или под грудой рваного тряпья в шаткой тележке старьевщика... Наше единственное спасение... в немедленных тотальных полицейских операциях, во всеобъемлющих мерах безопасности, в «прочесывании» всей страны...» и т. д. Автор этого панического текста, опубликованного в одной из херстовских газет, призывал принять необходимые меры немедленно, СЕГОДНЯ же, пока не поздно, ибо завтра... «не будет больше завтра».

Демократические круги подверглись жестоким преследованиям со стороны судебных и полицейских органов власти. Острые репрессий было направлено на коммунистов. В тюрьму были брошены руководители компартии. За решеткой оказались видные ученые, деятели американской культуры, все те, кто был заподозрен в инакомыслии или просто оклеветан завистниками. «...В ходе своих бесконечных расследований,— свидетельствовал известный американский юрист Ф. Доннер,— комиссия испортила карьеру сотням писателей, юристов, учителей, адвокатов. Она сделала безработными множество талантливых мужчин и женщин, заставила освободить от работы и зане-

сти в черные списки многих рабочих. Сотни людей на всю жизнь оказались заклеены как изменники и поставлены в положение париев. Она разбила личную жизнь и политически надломила множество из своих жертв¹.

О «неблагонадежности» свидетельствовали утвердительные ответы на такие, например, вопросы: «Имеются ли у вас пластинки с записью Поля Робсона? Есть ли у вас какая-нибудь книга Джона Рида, работы Пикассо или Матисса? Изучаете ли вы русский язык?» Тысячи американцев, по свидетельству члена Верховного суда США Уильяма Дугласа, после опроса были уволены с работы. Кроме того, многих предавали остракизму за принадлежность к организациям, объявленным «под-
рывными».

От научной работы был отстранен такой выдающийся ученый с мировым именем, как Р. Оппенгеймер. Основательной чистке подверглись голливудские киностудии. Ряд их режиссеров и сценаристов были обвинены в симпатиях к коммунистам. Десять видных кинодеятелей лишились работы. Судьба «голливудской десятки» служила мрачным предостережением всей творческой интеллигенции.

Расследования проводились и в учебных заведениях — среди студентов и преподавателей колледжей и университетов. Реакционеров интересовала принадлежность не только к коммунистической партии, но и к либеральным и демократическим организациям, например, к таким, как «Американская молодежь за демократию», «Молодые прогрессисты Америки», «Трудовая лига молодежи за демократию», «Студенты за демократическое действие».

¹ Цит. по: *Никитин В.* США. Правый экстремизм — угроза демократии. М., 1971, с. 55. Вообще же проверка лояльности затронула 20 млн американцев. См.: *Яковлев Н.* Новейшая история США. М., 1961, с. 582.

Наиболее массовой молодежной организацией в те годы являлась Ассоциация молодых христиан — близкое к религиозным кругам международное объединение в капиталистическом мире, ставящее главной целью распространение христианской морали. В ее мероприятиях в США участвовало порой до 4 млн молодежи.

Самой многочисленной студенческой организацией была Национальная студенческая ассоциация (НСА), насчитывавшая около миллиона членов. Руководство НСА занимало антисоветские позиции и до самого конца 50-х годов поддерживало курс правящих кругов США на «холодную войну» во внешней политике. Позднее, учитывая настроения входящих в нее членов, НСА высказала отрицательное отношение к американской интервенции на Кубу, призывала прекратить агрессию во Вьетнаме, придерживалась умеренно-реформистских взглядов по ряду вопросов внутренней жизни.

Членство в НСА было чисто формальным: становясь членами этой организации, студенты традиционно не могли проявить инициативы. Впоследствии, в 1967 г., были раскрыты связи руководства НСА с ЦРУ, которое, как оказалось, финансировало Ассоциацию и вело через нее шпионскую деятельность, вербовку и стажировку своих кадров. Кроме того, ЦРУ использовало НСА, чтобы представить иностранцам в наиболее выгодном свете «американский образ жизни», оказывать влияние на зарубежных студенческих лидеров и вести борьбу с прогрессивными студенческими организациями.

Другая студенческая организация, основанная в 1948 г., «Студенты за демократическое действие» (СДД), придерживалась либеральной ориентации. Однако, как и организация «Американцы за демократическое действие», студенческим филиалом которой она являлась, СДД занимала антикоммунистические позиции. Число членов ее никогда не превышало 5 тыс. в 148 колледжах. Она тесно сотрудничала с молодежной организацией Демократи-

ческой партии Молодые демократы, развертывавшей активную деятельность в период президентских выборов и выборов в конгресс.

Радикальные национальные студенческие организации, заявлявшие о своих антиимпериалистических настроениях, к 1952 г. едва насчитывали более 4 тыс. членов. И почти все их усилия уходили на то, чтобы выжить, защититься от судебных и полицейских преследований. Многие из этих организаций находились под влиянием социал-реформистов, троцкистов и других оппортунистов.

В 1948 г. по инициативе компартии была создана Лига трудящейся молодежи — единственная в США организация, объединявшая прогрессивно настроенную молодежь. Эта организация выступала против «холодной войны», за гражданские права негритянского населения, осуждала антикоммунизм и прилагала усилия для изучения и пропаганды марксизма среди молодежи. В 1950 г. ЛТМ насчитывала 200 групп в 19 штатах страны, из которых 40 были созданы на фабриках. Если к 1948 г. ее численность доходила до 6 тыс. членов, то в 1957 г. в результате непрекращавшихся преследований упала до 400 человек. В том же году ЛТМ вынуждена была прекратить свое существование.

В университетах и колледжах в эти годы студенты, как и государственные служащие, были обязаны давать «клятву лояльности» — обещание в устной или письменной форме, что они не питают симпатий к коммунизму и обязуются защищать американский строй. Ни один учитель, ни один преподаватель государственного университета и колледжа, не говоря уже о школе, не мог, не имел права высказываться в защиту коммунизма.

Нагнетанию антикоммунизма и антисоветизма содействовали троцкисты и оппортунисты всевозможных оттенков. Именно СССР, как утверждали они в статьях таких журналов, как «Партизан ревью», «Коммен-

тари» и «Нью лидер», представляет главную угрозу свободе.

Представление о воздействии антикоммунистической истерии на сознание американцев дают опросы, проведенные в 1953 году. На вопрос: «Позволили бы вы коммунисту говорить публично?» — «нет» ответило 60% американцев, «да» — 27%. На вопрос: «Лишили бы вы его работы, если он школьный учитель?» — «да» — 91%, «нет» — 5%; «Лишили бы вы его американского гражданства?» — «да» — 77%, «нет» — всего лишь 13%; «Считаете ли вы, что хорошо доносить ФБР на соседей и знакомых, которых вы подозреваете, что они коммунисты?» — «да» — 73%, «нет» — 19%.

Потрясающая картина проникшего в умы обывателя мракобесия!

Не случайно Компартия США забила тревогу об угрозе фашизма в стране.

В таком социально-психологическом климате формировалось сознание молодого поколения Соединенных Штатов Америки.

Фрэнсис Карлинг, 1945 года рождения, вспоминает о своих школьных годах, совпавших с периодом «холодной войны» и маккартизма: «Что живо осталось в моей памяти, так это то, как большинство событий современной истории и все международные события использовались для объяснения действительности в духе «холодной войны»... Огромное влияние на детей оказала атомная бомба, всю жизнь они прожили под ее тенью... Большинство из нас ожидало, что Россия вот-вот обрушится на нас, и этот страх был воспитан... с помощью частых и внезапных воздушных тревог, многие из которых (в Нью-Йорке! — В. Б.) были общегородскими. И вот, когда рев сирены разрывал тишину класса, у нас даже не было возможности узнать, боевая на этот раз тревога или учебная»¹.

¹ Carling F. Move-over. New York, 1969, p. 23—25.

«Когда мы не молчали,— пишет другая школьница 40-х годов Хелен Перри,— нас били, и, воздействуя таким путем, нам привили цинизм, точнее, паучили смотреть на цинизм как на доблесть»¹.

В школах детям внушали, что «коммунизм — угроза миру, угроза благосостоянию, демократии, что в России — кровавая диктатура, а коммунисты повсюду — отъявленные злодеи».

В 1958—1959 гг. автору этой книги приходилось выступать в американских школах. Нельзя было не обратить внимания на то, как расширялись от страха глаза американских школьников, когда им говорили, что пришел студент из Советского Союза.

«В 50-е годы в течение всего десятилетия,— вспоминает сверстник Карлинга Джеймс О'Брайен,— слова «социализм» и «коммунизм» я слышал ни в каком ином, а лишь в уничижительном смысле».

Реакция могла торжествовать. Ей удалось накалить атмосферу в стране, запугать, настроить многих американцев против коммунистов и радикалов, против левых.

Опросы общественного мнения показывали, что обыватель стал верить в неизбежность новой мировой войны.

Вместе с тем американские социологи фиксировали появление все большего числа так называемых отчужденных молодых людей, осознавших лицемерие учителей и наставников, постыдную лживость средств массовой информации. Отчуждение, проявляющееся в семейных и общественных отношениях, становилось острее и получало все более широкое распространение.

Достоверное и художественно убедительное представление о мироощущении и чертах психологии юноши по-

¹ Perry H. The Human Be-in. Allen Lane. Great Britain, 1970, p. 224.

коления «холодной войны» дал в романе «Ловец во ржи» (1951 г.), в повести «Фрэнни и Зуи» (1961 г.) и в других своих произведениях американский писатель Д. Сэлинджер.

Корни отчуждения от старшего поколения, разрыва подростка с внешним миром писатель увидел не в семейных отношениях, а в современной действительности. По словам 16-летнего героя романа «Ловец во ржи» Холдена Колфилда, окружающий его мир — фальшь и мошенничество, там никто не верит в принципы, которые проповедует, и не живет согласно с ними. Реальный мир пугает подростка и вызывает у него желание к самоизоляции. Для того чтобы сохранить свою индивидуальность, как убеждают герои произведения, человеку следует уйти в личную жизнь, по возможности ограждая ее от жизни общественной.

В 50-е годы американцы все больше внимания стали обращать на группы молодых людей с необычной внешностью — длинные, не знающие ножниц волосы, бороды, чаще небрежная, неопрятная одежда. Пестрые компании этой молодежи снискали себе известность шумными, экстравагантными выходками, нарочитым нарушением норм официальной морали «добропорядочной Америки». Образ мыслей и поведение этих молодых людей находили все больше приверженцев.

Никому не известный тогда писатель Джек Керуак назвал их «бит-дженерейшн» (beat-generation)¹. Журналисты перевели словосочетание «бит-дженерейшн» как «разбитое поколение».

¹ Объясняя смысл, вкладываемый им в слово «beat», Керуак сказал, что это сокращенное от «beatusude», которое означает духовное приобщение к бесконечной любви, блаженство. В такой интерпретации Керуака английское слово «бит» вернее всего можно перевести как «блаженный». Вообще же английское слово «beat» — «бит» означает «бить», «ударять», «разбиваться».

Мсткий ярлык был подхвачен и примерно с середины 50-х годов применялся для характеристики определенной части американской, а затем и не только американской молодежи. После запуска советских спутников, позаимствовав суффикс «ник» у русского слова «спутник», которое вошло в словари многих языков мира, в том числе и в английский, представители «бит-дженерейшн» стали называть себя битниками (бит-ник).

Итак, внутри «молчаливого» возникло «разбитое поколение». Компании «разбитой» молодежи — «нонконформистов» селились в бедных кварталах крупных городов — Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Нью-Йорка. Здесь царила свобода нравов. Многие из них оседлой жизни предпочитали кочевье по городам и весям Соединенных Штатов. Питательной средой битничества была социально-психологическая атмосфера США 50-х годов.

Как пишут исследователи групп этой молодежи Смит и Рини, «битники смотрели на себя как на разбитых, эмоционально расстроенных, отчаявшихся, депрессированных пессимистов»¹. Они были свидетелями обмана со стороны правительства, коррупции в профсоюзах и в бизнесе. Ненавидя окружающую действительность, они старались замкнуться в своем мире, который всеми силами пытались сделать интересным для себя. На вопрос об их жизненной философии битники отвечали: «Любовь... правда... искусство... разум»².

Другой американский исследователь «разбитого поколения», Джон Холмс, справедливо писал о нем, что «оно явилось продуктом именно буржуазного мира»³. Битничество было наивным стремлением молодого человека со-

¹ *Rigney F. J., Smith D. The Real Bohemia. New York., 1961, p. 28—29.*

² *Ibid., p. 35.*

³ *Holmes J. C. Nothing More to Declare. New York, 1967, p. 118.*

хранить свою индивидуальность, реакцией на психоз атомной войны, продуктом маккартизма, разрушавшего мечты американского народа о справедливости и истине. Это движение молодежи отразило растерянность американского общества.

Обоснование некоторым своим настроениям битники искали в философских концепциях экзистенциализма, получившего в США распространение в середине 50-х годов. Философы-экзистенциалисты заявляли о бессмысленности человеческого существования. Они утверждали, что человек не знает и никогда не узнает, зачем он на земле, что он должен делать и куда идет; результат деятельности человека чаще якобы не согласуется с его намерениями, желаниями и ожиданиями; в его поведении-де господствует случайность. Отчуждение, по мнению экзистенциалистов,— это не историческое (имеющее свое начало и конец) явление, а судьба человека, который сам формирует себя и обладает свободой выбора. И признаком его свободы является сознательный отказ подчиниться навязанным извне условиям жизни.

Экзистенциализму нельзя отказать в верности изображению многих враждебных личности особенностей буржуазного общества. В его концепциях отразился страх человека перед отчуждением и одиночеством, его бессилие перед могучим аппаратом подавления империалистического государства. В страхе перед могуществом этого молоха философы-экзистенциалисты увековечили его в своих теориях, увековечивали они и одиночество.

Проявили битники интерес и к христианству. В этой религии их привлекала доктрина простоты и любви к ближнему. Пытаясь найти обоснование своим устремлениям к самоизоляции, молодежь обратилась также к религиозной философии дзэн-буддизма, проповедующего отречение от всего материального, призывающего не задумываться о внешних условиях существования.

Нередко молодые американцы черпали вдохновляющие идеи для своего необычного протеста у американского писателя и философа Генри Торо (1817—1862). Отрицательно относясь к буржуазному прогрессу, развитию промышленности, «которая уничтожает природу и подавляет в человеке естественные начала», Торо поселился в лесу на берегу Уолденского пруда. Он прожил там в построенной своими руками хижине более двух лет. В написанной им затем книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854 г.) Торо доказывал преимущества жизни на лоне природы, заявляя, что единственная и самая значительная ценность на свете — это жизнь.

Великий американский поэт-демократ Уолт Уитмен (1819—1892) привлек молодежь демократизмом мышления и пропагандой близкой к Торо «естественной жизни». В дополнение к этому «разбитое поколение» подхватило кое-что из его идей для своей «сексуальной революции».

Ярче других эту молодежь изобразил Джек Керуак (1922—1969) в романах «На дороге» (1957 г.) и «Подпольщики» (1958 г.). В восприятии Керуака США — могучая страна, но она охвачена страхом, утратила благородную цель, ее люди боятся быть самими собой, боятся жить. Общество, которое, с одной стороны, заявляет о возвышенных идеях братства, а с другой стороны, создает атомную бомбу; с одной стороны, обещает свободу, а с другой — боится критики; которое кричит о равенстве и в то же время подвергает дискриминации своих черных собратьев, такое общество писатель считает абсурдным. Он проводит мысль, что западная цивилизация находится в состоянии упадка, и себя и свое поколение рассматривает как явление этого упадка. В представлении героя Керуака американское общество — это мир, откуда нужно бежать.

В эпоху истерии маккартизма, отмечает американский литературовед Ф. Фид, бегство из общества оставалось

единственным средством выразить свое несогласие, оно заменило более откровенные формы протеста.

«Бродяга,— пишет Ф. Фид,— как реальный, так и тот, что изображался в художественной литературе, за прошедшие сорок лет с той поры, как Джек Лондон написал сборник рассказов «Дорога», претерпел важные превращения. Чувство уверенности, окрашивавшее американскую мысль на рубеже столетия, постепенно выветривалось, оставив вместо себя чувство неумолимости рока. Уитменовский призыв из крика, взметнувшегося выше крыш, превратился в безумный, преисполненный страданиями вопль, и в глазах многих американская мечта стала кошмаром»¹.

Среди прозаиков, которые также писали о «разбитом поколении» и отразили его идеи, были Уильям Барроуз (повесть «Обнаженный завтрак»), Нил Киссиди (автобиографическое произведение «Первая треть») и Норман Мейлер (роман «Олений заповедник»).

Сами битники выпускали книжечки со стихами, которые продавались в киосках молодежных кварталов и в студенческих кампусах. Поэты-битники чаще писали без рифмы, употребляя жаргонные и бранные слова.

Однако при всей злости и резкости выражений они не призывали к борьбе с существующим общественным строем.

«Разбитое поколение» имело не только своих писателей, но и своих артистов. Огромной популярностью пользовался Боб Дилан — исполнитель и сочинитель песен протеста. В его мелодиях звучали ирония, а в иных песнях — ужас и отчаяние. Идолами «разбитых» стали Джеймс Дин и Марлон Брандо, воплотившие на экране образы людей, близких им по духу. Немало кумиров появилось у молодежи и среди музыкантов, и прежде всего

¹ *Feid F. No Pie in the Sky. New York, 1964, p. 59, 61, 89, 91.*

король рок-н-ролла Элвис Пресли. Идеалом юных стал человек, подчиняющийся спонтанным желаниям и смело их выражающий.

Интересы битников, их эстетика, вкусы, мораль, настроения оказались близки некоторой части американской молодежи. Не случайно эпитет «разбитое» стали в конце концов относить ко всему поколению. Но не случайно и то, что молодое поколение Америки, занятое поисками правды и справедливости, вырывалось из тесных оков индивидуалистической философии.

И вот на заре 60-х годов в книжном магазине-клубе, владелец которого был поэт-битник Ферлингетти, рядом с типично битниковскими объявлениями появилось и такое: «Е. П. Менон и Сэт Кумар прошли 2500 миль в походе за мир»¹. А на улицах во время демонстраций против войны во Вьетнаме молодежь несла антимилитаристские лозунги и пела на популярный мотив:

«Если вы не застали меня у любимой
И не можете нигде меня разыскать,
Приходите тогда к линии пикетов:
Я с возлюбленной буду там»².

Конечно, это было не каким-то радикальным сдвигом, но уже свидетельствовало о появлении качественных изменений в мировоззрении битника.

И вот уже Д. Керуак в одном из поздних своих романов «Биг Сур» (1962 г.) вывел битника, приходящего к выводу о бесплодности доктрины битничества. (Открыватель поколения начал переоценку ценностей.) Один из источников разочарования аполитичного Керуака — осознание им того факта, что в движении битников появились организованные политические группы, протестующие про-

¹ *Hahn E. Romantic Rebels. Boston, 1967, p. 275.*

² *Dunson Josh. Freedom in the Air. Song Movements of the Sixties. New York, 1965, p. 65.*

тив американской действительности, «всевозможные ненавистники Америки с плакатами».

Об изменениях, происходящих в «разбитом поколении», один за другим заговорили его исследователи: Эмили Хан, Холмс. Эти изменения можно было проследить и по прессе битников, и, в частности, по журналам «Рэмпартс», «Эвергрин».

К 1958 г. число безработных в Соединенных Штатах достигло 5,4 млн человек¹. Кроме того, в эти годы заметно возросла стоимость жизни: плата за квартиру, лечение, проезд на транспорте, одновременно падала покупательная способность доллара. Поэтому вновь начался подъем стачечной борьбы американского рабочего класса.

Молодые рабочие даже в годы маккартизма старались воздействовать на профсоюз в направлении повышения его наступательности и добиться с его помощью прочного и достойного рабочего места. Известно, что наиболее ценными для себя рабочими капиталист считает тех, кому уже перевалило за 25 лет. Более молодые, которые не имеют трудового опыта, часто не могут получить постоянную работу.

Молодые рабочие показывали себя как наиболее энергичный и мобильный отряд рабочего класса. Они стояли в пикетах, смело вступали в схватку со штрейкбрехерами, давали отпор гангстерам, подосланным хозяевами, и не робели перед полицейскими дубинками. Именно они оказались в центре событий в городе Колумбус (штат Огайо) на заводах компании «Вестингауз», когда две тысячи полицейских напали на пикеты бастующих. И во время грандиозной стачки сталелитейщиков, когда молодые рабочие пошли к солдатам — своим сверстникам, чтобы разъяснить им справедливость своих действий и требований.

¹ Очерки новой и новейшей истории США. М., 1960, т. 2, с. 407, 443.

Острые классовые сражения развернулись в 1958 г.: в забастовочном движении участвовало более 2,2 млн трудящихся. Бастовали рудокопы, автомобилисты, докеры, рабочие сельскохозяйственного машиностроения и другие. Мощной, прогремевшей на всю страну была стачка металлургов. Следующий год был отмечен ростом числа стачек. Почетная роль в забастовочной борьбе трудящихся принадлежала прогрессивной молодежи. Кроме того, трудящаяся молодежь в эти годы играла также значительную роль в движении за права негритянского населения страны.

**ЗА ЧТО БОРОЛАСЬ
ПРОТЕСТУЮЩАЯ
МОЛОДЕЖЬ**

Марлон Брандо необычайно скромен. Мне кажется, он даже робок. В нем ничего нет от кинозвезды. Обыкновенный молодой мужчина невысокого роста в черном джемпере на кнопках. Белая рубашка расстегнута на воротах. Несомненно, он обаятелен, и есть в нем неотразимая мужественная красота¹.

Брандо внимательно выслушивает наши вопросы и неторопливо, охотно отвечает. Он — всемирно известная звезда экрана — пригласил нас, семерых советских студентов и аспирантов, стажирующихся в США, в голливудскую студию «Твенти сенчюри фокс». Одно то, что Марлон Брандо пригласил в голливудскую студию советских студентов, было смелым политическим жестом. В напряженной, враждебной атмосфере мы были рады мирной беседе с талантливым и интересным человеком. В 1959 г. в Лос-Анджелесе, а Голливуд — в черте города, продолжала работать Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Десятки американцев были вызваны для дачи показаний, в том числе 110 преподавателей, подозреваемых в симпатиях к коммунистам и им сочувствующим.

¹ Советский зритель впервые увидел Марлона Брандо в двухсерийном американском фильме «Погоня», с успехом прошедшем на наших экранах в 1971—1972 гг. В этом фильме с потрясающей реалистической силой он сыграл роль шерифа маленького южного городка, где бесчинствуют расисты и разворачиваются трагические события.

К середине 50-х годов Компартия США фактически находилась на нелегальном положении, ее руководители были брошены за решетку, многие прогрессивные организации перестали существовать. Даже реально мыслящие американцы обвинялись в «потворстве красным». Раскрученная мракобесами машина преследований начала вести огонь и по отдельным центрам государственной власти. Маккарти обвинил в предательстве всю демократическую партию. Антикоммунистическая истерия приняла настолько угрожающий характер, что во влиятельных кругах началось сопротивление маккартизму. Оно охватило не только демократические прогрессивные силы, но и значительную часть либералов. В результате активного выступления и протестов широких кругов общественности некоторые статьи антикоммунистических законов Верховным судом были объявлены неправомерными, необоснованными признаны увольнения государственных служащих и некоторые другие действия властей, отменены отдельные, наиболее одиозные решения судов по делу об инакомыслящих. Это было официальным признанием предвзятого характера преследований.

Однако «холодная война» продолжалась. Она проникла в образ жизни, стала фактором воздействия на идейную и эмоциональную стороны поведения людей, особенно молодых, на их чувства, настроения и даже привычки. Но время шло, американские дети росли, а предсказания «ястребов» о том, что СССР нападет на США, не оправдывались. Советский Союз и другие социалистические страны уверенно проводили мирную политику, их внешнеполитические инициативы производили сильное впечатление на молодых американцев. Все большее число людей убеждалось, что коммунисты борются за мир не на словах, а на деле, в то время как американский империализм оказывает поддержку антинародным режимам в Южной Америке и в других частях мира и проводит опасную политику на грани войны.

Событием, которое оказало сильное влияние на умы, стала победа революции на Кубе.

В сознании американской молодежи уже шли скрытые позитивные психологические процессы. «Для тех же, кто общался с ними и знал их настроения,— отмечал американский социолог Г. Тейлор,— было ясно, что возникло новое поколение осведомленных молодых людей, воспитанных собственной культурой и средствами массовой информации, политически сформировавшихся в условиях термоядерной угрозы и политики маккартизма, поколение, начавшее жить своей жизнью»¹.

Развитие событий на международной арене наводило молодежь на новые и новые критические размышления. Именно тогда, еще за несколько лет до непосредственного активного вмешательства Соединенных Штатов в войну во Вьетнаме, зародились сомнения молодых американцев и был заложен фундамент протеста.

Вот что отметил Ф. Карлинг в своих воспоминаниях о Карибском кризисе 1962 г.: «Соединенные Штаты плотным кольцом своих военных баз окружили Советский Союз... Но ведь Советский Союз не подвергал блокаде порты наших европейских союзников и не угрожал применить оружие, если мы не ликвидируем наши базы. Становилось ясно, что в «справедливом негодовании» Америки имела место изрядная доля врожденного лицемерия»².

Такого рода раздумья сыграли немаловажную роль в изменении образа мыслей многих молодых американцев, которые стремились отделять реальные факты от лживой пропаганды американской печати. В эти годы возрос интерес к моральным проблемам. Профессор К. Кенистон отмечал желание молодежи обратиться к поискам и утверждению в жизни высоких идеалов и ценностей.

Следует отметить, что поколение американской протестующей молодежи выросло в условиях «холодной войны»

¹ *Taylor H. Students Without Teachers. New York, 1969, p. 35.*

² *Carling F. Move — over, p. 73—74.*

и антисоветской истерии, а затем кризиса антикоммунизма. Возвращение демократических свобод после многих лет «охоты за ведьмами» дало возможность развиваться и выйти наружу подспудным настроениям недовольства. И дело было не только в этом: маккартизм поощрял ложь, дезинформацию и фальшь в области идеологической пропаганды. И при столкновении с фактами реальной жизни это, построенное на ложной базе, здание рухнуло. Начавшееся обсуждение и критика старых политических догм будоражили головы молодых.

Молодежь с надеждой восприняла заявление администрации Д. Кеннеди, что «война с коммунизмом не только глупая, но и опасная идея». Молодым людям казалось, что президент говорит о том, что волнует их, и призывает к политической активности.

Первым серьезным проявлением политической активности молодого поколения стало движение за гражданские права. Началом борьбы молодежи Америки за гражданские права считают февраль 1960 г., когда в городе Гринсборо (штат Северная Каролина) четверо студентов в знак протеста против дискриминации негритянского населения устроили в магазине Вулворт сидячий бойкот. «Сит-ин» в Гринсборо получил широкий отклик и был подхвачен молодежью во многих городах страны. В апреле студентами южных штатов для координации и развития движения был создан Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД).

В это же время разворачивается движение молодежи против комиссии по расследованию антиамериканской деятельности палаты представителей. В мае 1960 г. в Сан-Франциско 8 тыс. студентов пикетировали муниципалитет и здание, где работала комиссия. Они требовали ее роспуска, в ответ на это полиция арестовала 68 студентов. В сентябре в Сан-Франциско и Беркли создается студенческий комитет за упразднение комиссии. А летом того же года сотни молодых американцев, вопреки запрету

госдепартамента, совершают поездку на Кубу в знак солидарности с молодой республикой. В январе — апреле 1961 г. студенты неоднократно устраивают митинги и демонстрации в защиту революционной Кубы, за восстановление с ней дипломатических отношений и против вооруженной высадки американских наемников на Плайя-Хирон.

Около 150 студентов Калифорнийского университета демонстрируют в Беркли против обязательной военной подготовки в резервном офицерском корпусе. В 1962 г. студенты выступают против возобновления США ядерных испытаний.

А летом 1963 г. по стране широко распространяются проводимые молодежью, в основном студенчеством, «рейды свободы», демонстрации гражданского неповиновения. Молодое поколение все охотнее откликается на призывы левых организаций выразить мнение по широкому аспекту как внутренних, так и внешних политических проблем.

Молодежная организация Студенты за демократическое общество (СДО) оказывает помощь бастующим горнякам штата Кентукки. Выпускает и распространяет воззвания в их защиту, собирает средства семьям забастовщиков.

В августе 1963 г. в марше на Вашингтон борцов за гражданские права уже участвовало почти 200 тыс. человек, преимущественно молодежи (за полтора года до этого было всего 5 тыс. участников). «Сит-ины», «тич-ины», политические демонстрации стали нередким явлением в студенческих городках.

С весны 1964 г. молодежь начинает выступать против американской авантюры во Вьетнаме. Движение за гражданские права и антивоенное движение, по мере эскалации американской интервенции, развиваются параллельно, вовлекая все более широкие массы, набирая темп и силу.

Не было никакого сомнения — молодое поколение 60-х годов резко отличалось от предшественников прежде всего своей политической активностью.

В движении американской протестующей молодежи в эти годы как бы выявились несколько потоков. Один из них — «хиппи», или, как их еще называли, «хипстеры». Другой — «новые левые».

Хиппи в общем продолжали традиции битников. Прежде всего это было видно по их внешнему виду: длинные нестриженные волосы, бороды, рубища или же броская, яркая одежда. Они, несомненно, хотели обратить на себя внимание, когда раскрашивали бороды, рисовали на теле цветы, птичек и ходили без обуви. Эти молодые люди демонстративно отказывались работать на «истеблишмент» сверх того минимума, что требуется им для скромной жизни. Они проповедовали свободу любви, наркотики, рок и современные экспрессивные танцы. Так выражался их протест против конформизма и морали обывателя.

Хиппи оказались еще более экстравагантными, чем битники, и более склонными к фатализму. Протест их был по преимуществу внешний, пассивный. Вот некоторые сентенции хиппи: тот, кто носит галстук, а не полосатый купальный костюм, — твердолобый враг личной свободы; тот же, кто не принимает наркотики, не может иметь понятия о счастье; всякий, кто не практикует свободную любовь, достоин презрения.

По ориентировочным данным, численность хиппи и к ним примкнувших в США достигала внушительной цифры — 300 или даже 500 тыс. человек. В их «столице», сан-францисском районе Хэйт-Эшбери, как-то собралось до 150 тыс. Одно время здесь развивалось движение так называемых «диггеров»¹, которые организовывали помощь беднякам, готовили для них бесплатные обеды.

¹ Диггеры — по названию английской секты, вдохновлявшейся идеями утопического коммунизма, которая существовала в Англии во времена Оливера Кромвеля.

Хиппи устраивали съезды, фестивали, издавали газеты. Не раз они заявляли о своем безразличии к политике, но известно немало случаев, когда эта молодежь присоединялась к антивоенным маршам и к другим манифестациям протеста, принимала участие в сидячих демонстрациях. Вдохновляемые идеей всеобщей любви и примирения, хиппи вручали вооруженным солдатам цветы, выступали противниками насильственных действий. Суровая практика классово-борьбы повергала в прах их наивные идеи. Хиппи были вынуждены отказаться от многих своих наивных методов протеста, а зачастую вообще от каких-либо действий, ограничиваясь негативной критикой общества. В их ряды проникли уголовные элементы, сутенеры, полицейские провокаторы. В августе 1969 г. уголовники, замаскировавшись под хиппи, убили голливудскую киноактрису Шарон Тейт и ее друзей.

Как в свое время битники, группы хипстеров бродяжничали по странам Европы и Востока, по городам Соединенных Штатов. Эти отшельники большого современного города, отгородившиеся от буржуазной цивилизации, наивно, по-детски «бунтовали», такой бунт не был опасен для социальной системы. Напротив, по мнению буржуазных политиков и ученых-психологов, протест хиппи и битников служил как бы отдушиной для выражения недовольства, вызванного самыми различными причинами. Однако социальная значимость протеста битников и хиппи не была тождественна. Писатель-коммунист Майкл Голд в 1958 г. так охарактеризовал битников: «Битники создали атмосферу, в которой свободно обсуждаются идеи. Разве не жаждет сейчас Америка идей, как жаждет пустыня дождя?»¹ Хиппи же возникли на новом социальном этапе, когда активно развернулось движение «новых левых». Их наивный протест уводил молодежь в сторону от дорог подлинной борьбы.

¹ Цит. по кн.: Морозова Т. Л. Образ молодого американца в литературе США. М., 1969, с. 10.

К тому же хиппи и родственные им, но более крикливые «йиппи» (так называемая Интернешнл юс парти — Интернациональная партия молодежи) своими хулиганскими выходками и развязным поведением отпугивали трудящиеся массы, которые могли бы поддержать социальный протест молодежи.

В 60-е годы заметную роль в США стало играть леворадикальное движение, получившее название «новых левых». Студенты, молодые преподаватели, служащие государственных учреждений, сферы обслуживания, объединенные общностью интересов, взглядов на насущные вопросы дня, выступили против расовой дискриминации в южных штатах. Постепенно они включали в поле своей деятельности все более широкий круг социальных проблем, среди которых важнейшей стала антивоенная. «Новые левые» не раз выступали совместно с коммунистами и другими прогрессивными организациями.

К движению «новых левых» первоначально относились такие организации, как Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, Студенты за демократическое общество, а также Движение за свободу слова в Беркли, Институт за изучение политики и Демократическая партия свободы в Миссисипи. Позднее к ним примыкали и другие, вновь возникавшие и нередко через непродолжительное время исчезавшие организации. К началу 1966 г. в движении «новых левых» принимало участие около четверти миллиона людей в возрасте от 15 до 30 лет.

Среди наиболее влиятельных и массовых организаций движения можно назвать две. Первая — Студенческий координационный комитет ненасильственных действий (СККНД), официально созданный в октябре 1960 г. в Атланте по инициативе нескольких организаций, в том числе возглавляемой Мартином Лютером Кингом Конференции христианского руководства Юга. Негры в этой организации составляли большинство. Хотя СККНД ис-

пользовал только ненасильственные методы протеста против расовой дискриминации, боролся за претворение в жизнь конституции США и ссылался на заветы Библии, уже с первых шагов его активисты получили в ответ пули и бомбы от расистов, угрозы и преследования — от властей. И все же, несмотря на травлю и террор, организация активизировала свою деятельность, а ее численность год от года росла.

Ненасильственные методы, такие, как «сит-ины» — сидячие протесты против сегрегации в кафе, магазинах, марши свободы, призваны были пробудить волю негритянского населения к активным действиям. Незаконные меры, насилие, к которым прибегала другая сторона, вызывали гнев и возмущение широких кругов американцев, протестовавших против жестокого разгона мирных демонстраций, варварских убийств молодых борцов за равноправие. Большую и самоотверженную работу СККНД провел, добиваясь участия негритянского населения в выборах.

Протесты, устраиваемые при содействии СККНД, не выходили за рамки буржуазной законности, и при всем том даже эти ненасильственные действия требовали от их участников подлинного мужества. В июне 1964 г. трех активистов СККНД — Гудмена, Чани и Швернера зверски убили расисты в штате Миссисипи. Убийцы не были найдены. Одна за другой взрывались бомбы в негритянских церквях и других общественных местах, где звучали голоса протеста. Число жертв расистского террора росло, а убийцы оставались на свободе.

Конференция СККНД, проведенная в мае 1966 г., выразив неудовлетворение результатами борьбы, придала этой организации резко националистическую направленность. Если ранее ее лозунгами были: свобода, децентрализация, подлинная демократия, самоуправление, то теперь выдвигались такие идеи, как: независимая власть черных, расовая гордость, достоинство черных. В манифе-

сте, принятом конференцией, содержался призыв создавать независимые, чисто негритянские политические, экономические и культурные организации. Вместе с тем в нем получили отражение антивоенные настроения делегатов. Важным пунктом манифеста был протест против войны США во Вьетнаме.

Другая массовая и наиболее авторитетная организация «новых левых» — Студенты за демократическое общество (СДО) тоже была создана в 1960 г. Ее ячейки почти одновременно возникли в Висконсинском, Калифорнийском, Чикагском университетах. В Висконсинском университете стал печататься журнал «Стадиз он зе лефт». Несколько позже в Чикагском университете появился «Нью-юниверсити сот». Позднее аналогичные издания выпускались и в других университетах. Дискутировались не только политические вопросы, но и такие, как свобода личности, свобода любви, употребление наркотиков и ряд проблем, связанных с влиянием буржуазной «массовой культуры» и буржуазного образа жизни.

Постепенно выделилась целая группа тезисов, в защиту которых выступила СДО. Среди них наиболее широкое одобрение получили ставшие центральными такие идеи: негры должны участвовать в выборах, США должны следовать политике мира, антикоммунизм приносит стране вред, бедность необходимо ликвидировать. Цель организации, по заявлению одного из руководителей СДО Пола Поттера, убедить страну, что «ее проблемы — это не Вьетнам, не Китай, не Бразилия, а здесь, в Соединенных Штатах». Молодые люди из СДО называли себя продолжателями традиций не только Уитмена, Эмерсона и Торо, но и таких революционных деятелей социалистического движения, как Джо Хилл и Билл Хейвуд. В чикагской штабквартире организации на стенах висели плакат Пикассо с голубем мира, портрет лидера социалистов США начала 1900-х годов Юджина Дебса, несколько афиш боевой пролетарской организации Индустриальные рабочие мира,

вырезанная из газеты фотография Боба Дилана и лозунг битников «Занимайтесь любовью, а не войной». Судя по статистике Дж. Ньюфилда, автора книги «Меньшинство, которому принадлежит будущее», опрошенные активисты СДО читали прогрессивного американского социолога Райта Миллса и французского писателя-экзистенциалиста Альбера Камю. Экзистенциализм занял видное место в идеологии «новых левых». Однако экзистенциализм не мог дать ответ на многие актуальнейшие вопросы. Жизнь оказалась сложнее и острее, нежели это изображалось в схемах модной философии. Уже в самые первые годы существования СДО ее члены стали все больше обращаться к марксизму. По тем же подсчетам, почти 20% опрошенных активистов СДО были знакомы с произведениями К. Маркса и В. И. Ленина.

К лету 1963 г. в СДО насчитывалось 900 активистов, а к осени 1965 г. она стала самой массовой и влиятельной студенческой организацией «новолевого» движения. В апреле 1966 г. СДО имела 151 секцию в 37 штатах и пять с половиной тысяч активных членов.

Состав СДО был пестрый. Одни считали себя либералами, другие — пуританами, третьи — анархистами или просто бунтарями.

В отличие от хиппи, «новые левые» проявляли интерес к политической жизни, пытались представить себе то общество, которое, по их мнению, следовало бы создать.

В первой декларации «новых левых», коллективно разработанной на конференции в Порт-Гуроне в 1962 г., американская социальная система была подвергнута основательной критике — ее политические партии, большой бизнес, профсоюзы, военно-промышленный комплекс, политика гонки вооружений и расовой дискриминации. Соединенные Штаты, констатировалось в порт-гуронской декларации, зашли в общенациональный тупик, их цели сомнительны, а демократический строй закоспел и превратился в объект манипуляций. Молодые радикалы пред-

лагали покончить с «холодной войной» путем постепенного всестороннего контролируемого разоружения и упразднения НАТО. Декларация призывала наладить нормальные отношения с СССР и защищала идею сотрудничества. «Наша паранойя по отношению к Советскому Союзу,— говорилось в документе,— сделала нас неспособными добиться соглашений, совершенно необходимых для разоружения и сохранения мира».

Авторы декларации призывали к созданию коалиции борцов за гражданские права, за права трудящихся, либералов и сторонников движения за мир с тем, чтобы вести совместную борьбу за социальные реформы. В те годы, когда правые лидеры АФТ — КПП и либеральные политики пытались ограничить борьбу трудящихся требованием частичных, мелких уступок, не увязывая ее с необходимостью перемен во внешней политике, не выступали против «холодной войны» и гонки вооружений, не противостояли интересам военно-промышленного комплекса и не протестовали против роста военного бюджета, выдвижение «новыми левыми» таких задач и их стремление к объединению вокруг этих лозунгов различных оппозиционных движений в США было явлением, несомненно, важным и прогрессивным.

В качестве образца общественного строя авторы португунской декларации провозгласили демократию индивидуального участия, под которой понималась система, позволяющая каждому гражданину участвовать в принятии важнейших государственных решений, определяющих содержание и направление его жизни, обеспечивающих независимость личности. Это была идея, оторванная от реальностей буржуазного классового общества.

В центр социальных ценностей авторы декларации ставили человека, целью которого в обществе объявлялось достижение независимости личности, в широком, анархическом понимании, однако чуждое эгоистическому индивидуализму. В декларации выдвигалось требование сде-

лать труд творческим, не механическим, управляемым, а не навязываемым, помогающим укреплять самостоятельность и уважение к другим, чувство достоинства личности и ее готовность брать на себя ответственность перед обществом¹.

По свидетельству активного участника порт-гуронской конференции Р. Флэкса, молодые политики леворадикального студенческого движения хотя и отдавали должное и даже восхищались выдающимися деятелями социалистического и коммунистического движений, но сами глубоко не изучали марксистско-ленинскую теорию и опыт борьбы коммунистов.

Важнейшим политическим результатом порт-гуронской конференции было то, что она отказалась поддержать антикоммунизм. Это нашло выражение, в частности, в согласии (после острых споров) допустить на конференцию в качестве наблюдателя с правом совещательного голоса делегата Комитета организации коммунистической прогрессивной молодежи, а также в открыто высказанном в декларации сомнении в истинности утверждений официальных политиков об агрессивности и экспансионизме Советского Союза. В результате острых дебатов из устава СДО были исключены антикоммунистические пассажи. Делегаты устояли перед напором антисоветски настроенных представителей социал-реформистов, и в том числе одного из их лидеров М. Харрингтона, настаивавшего на включении подобных положений в политическую декларацию.

Эта позиция вызвала конфликт и размежевание с молодежной организацией социал-реформистов, с Лигой за индустриальную демократию, под эгидой которой, собственно, и проводилась порт-гуронская конференция. В вину активистам СДО функционеры Лиги также вменяли избрание одним из секретарей организации Стива Макса,

¹ См.: Кёнеци Б. Идеология «новых левых». М., 1977, с. 79.

отец которого был коммунистом. СДО с самых первых шагов проявила на местах готовность к сотрудничеству и действовала совместно с молодыми коммунистами и молодежью, близкой к компартии, например, с Клубами Дюбуа¹.

Положения порт-гуронской декларации позже были развиты и уточнены с учетом опыта движения в декларации СДО 1963 г., названной «Америка и новая эра». Там, в частности, более решительно было подчеркнуто требование к правительству заключить соглашение о прекращении гонки ядерных вооружений. Существенную роль в борьбе против антикоммунистов сыграл выдвинутый «новыми левыми» лозунг «выслушать всех». Коммунисты, таким образом, получили возможность для выступлений перед широкими массами молодежи в университетах и на молодежных митингах.

Представители «новых левых» заявили, что продолжают традиции американских трансценденталистов и аболиционистов², а также весьма важные и прогрессивные традиции организации Индустриальные рабочие мира и интернациональных бригад времен гражданской войны в Испании. Многие исследователи с особым удовлетворени-

¹ Клубы Дюбуа — названные именем американского ученого-коммуниста Уильяма Дюбуа организации прогрессивной молодежи в отдельных городах США. Активно работали в колледжах, средних школах, среди трудящейся молодежи. Являлись «опорным пунктом для строительства общенациональной, многорасовой, социалистической молодежной организации». Подвергались преследованиям как «организация коммунистического фронта».

² Трансценденталисты — участники философского и литературного течения в США 30—50-х годов XIX в. Выступали против социальных и нравственных основ американского общества с позиций левого радикализма и романтического индивидуализма. Наделяли природу неисчерпаемой духовной силой. Некоторые трансценденталисты стали сторонниками создания утопических коммун.

Аболиционисты — сторонники движения за отмену рабства в США в колониальный период, годы борьбы за независимость и гражданской войны.

ем подчеркивали, что по составу и своим идеям «новые левые» — это движение, родившееся на америкапской почве. Обстоятельство немаловажное, так как социалистическое движение, возникшее в конце прошлого века в США, считалось занесенным из Европы и долгое время называлось чужеродным явлением. Можно согласиться с активистами «новых левых» Грэггом Калвертом и Кэрол Нейман, которые в одной из работ о протестующей молодежи утверждали, что «новые левые» возникли в связи с поисками ответа на вопросы реальной американской действительности, в результате обострения ее противоречий. Однако, добавим, развитие этого движения с самого начала не было изолировано от идей левых старшего поколения и от существовавших левых организаций, которые на молодых коллег оказывали все более осязаемое влияние.

Аналогичные движения «новых левых» возникали в других странах Запада — во Франции, Италии, Англии, ФРГ. И здесь следует подчеркнуть, что при общности названия политическое содержание этих движений имело существенные различия. Если в западноевропейских странах ощущалось значительное влияние на «новых левых» антикоммунизма и антисоветизма, то этого почти не наблюдалось в США. Напротив, американские юноши и девушки из этого движения с готовностью действовали совместно с коммунистами и близко к ним стоящими организациями.

Кроме того, в Европе, при наличии массовых и влиятельных компартий, «новые левые» выступали как их оппоненты, в ряде случаев привлекая к себе часть молодежи.

Участники движения провели ряд массовых выступлений¹. Исследователи «новых левых» так охарактеризовали их деятельность на первом этапе: «В 1960—1961 гг.

¹ В 60-е годы фактически почти все массовые выступления молодежи против политики правительства США называли деятельностью «новых левых».

рейды свободы и сидячие протесты, которые устраивали студенты-негры на Юге, проводились в духе этого движения. Большинство тех, кто выступал в 1962 г. против внешней политики президента Кеннеди в отношении Кубы, ответили на призыв движения. Этот призыв привел в 1962 г. молодежь на Юг с целью поддержать Студенческий координационный комитет ненасильственных действий, он стал причиной событий в Спраул-холле Калифорнийского университета в 1964 г., сопровождавшихся массовыми арестами молодежи, и побудил примкнуть в 1965 г. к маршу на Вашингтон, чтобы выразить свой протест войне. Молодежь из этого движения можно было встретить в калифорнийской долине Сан-Хоакин, где она оказывала помощь бастующим сельскохозяйственным рабочим. Некоторые из молодых стали организаторами обществ борьбы с трущобами в городах Севера, выступили за демократизацию системы высшего образования в США».

Принципиально важным вкладом «новых левых» был их призыв к молодежи заняться наведением порядка в собственном доме.

Этот призыв конкретизировался в лозунге морально-этического плана — борьба не только за расовое, но и за материальное равноправие, «сочувствие и солидарность со слабыми и отверженными» и презрение к власти имущим. Протестующая молодежь в своих декларациях провозглашала, что отношения между людьми должны основываться на искренности и справедливости, человек целиком и полностью несет моральную ответственность за свои поступки, за право принимать решение, оказывающее важное влияние на его личную судьбу. Именно эти положения служили основанием отказа молодежи участвовать в несправедливой, позорной для честных американцев агрессии во Вьетнаме. Молодые люди требовали от правительства как во внутренней, так и во внешней политике честности и справедливости. Поэтому они выступали против агрессии на Кубе и блокады этой страны.

Движение за гражданские права сыграло большую роль в психологической подготовке массового антивоенного движения, способствовало росту его активности. Реальные действия молодого поколения пошли дальше простых обсуждений и дискуссий.

В апреле 1965 г. более 20 тыс. американцев вышли в Вашингтон с протестом против войны во Вьетнаме. Это была самая массовая антивоенная демонстрация, какую до того знала столица США, организовали ее члены СДО. В октябре того же года проходили международные дни протеста против агрессии США во Вьетнаме. На улицы вышло до ста тысяч участников в 50 городах страны.

Президент СДО Пол Бут от имени участников движения выступил перед прессой с заявлением: «Мы готовы строить деревни, но мы отказываемся жечь их. Мы готовы помочь изменить нашу страну, но отказываемся разрушать любую другую страну. Мы готовы продвинуть вперед дело демократии, и мы не верим, что это дело можно продвинуть пытками и террором... Мы предлагаем, чтобы президент спросил у молодежи Америки: имеет ли она свободу выбора, хочет ли она жечь и пытать во Вьетнаме или предпочитает строить демократическое общество в своем доме... Наше поколение не боится работы на долгие годы и за низкую плату; члены СДО в течение многих лет работали в трущобах Америки за 10 долларов, чтобы создать там демократическое движение. Мы не боимся рисковать своей жизнью — мы рисковали ею в Алабаме и Миссисипи, и некоторые из нас там погибли. Но мы не станем бросать бомбы на народ, на женщин и детей другой страны».

Самые различные комитеты и сообщества, возникшие ранее или впервые создаваемые в США на разных этапах политической и социальной борьбы, присоединялись и выступали совместно с «новыми левыми». Иногда к «новым левым» присоединялись идеологи и практики левого экс-

тремизма, которых, однако, основная часть американской протестующей молодежи не поддерживала.

Ряды движений протеста продолжали расти. Передовая молодежь выступала против стремления правящих кругов примирить демократические принципы Томаса Джефферсона, Авраама Линкольна и других выдающихся общественно-политических деятелей США со зверским истреблением свободолюбивого народа Вьетнама, с террором и репрессиями внутри страны, с человеконенавистнической практикой американского правительства, поддерживавшего диктаторские режимы за рубежом и равнодушного к судьбам миллионов бедняков у себя дома.

Протестующая молодежь своими врагами считала стоящих у власти политиков, поправших принципы справедливости и гуманизма, бюрократию, идеологов, лицемерно прикрывающих империалистические устремления правящей элиты антикоммунизмом. Многие молодые люди начали понимать, что профсоюзы США в основной массе погрязли в бюрократии. Поддержка правыми лидерами АФТ — КПП авантюристической внешней политики США и равнодушное отношение к борьбе народа за гражданские права было ярким тому подтверждением.

В революциях, заявили «новые левые», «которые совершаются на трех континентах. Соединенные Штаты должны стоять на стороне бедных, а не власть имущих; прогресс промышленности и автоматизация создали возможность для гарантированного дохода каждому гражданину, необходимо перераспределение работ; этика и политика, которые до настоящего времени разделены, должны быть неразрывно слиты»¹.

Противопоставив свои гуманистические лозунги аморальной политике буржуазного правительства, активисты движения смогли привлечь на свою сторону широкие массы молодежи и многих представителей старшего поколения.

¹ См.: *Newfield J. A. Prophetic Minority*. New York, 1966, p. 204.

Вот как систематизировал взгляды нововолевого движения американский исследователь К. Кенистон:

а) основные решения в американском обществе определяются военно-промышленным комплексом;

б) властвующая элита нацеливает свои империалистические интересы за рубеж, подавляя все левые правительства, которые этому препятствуют;

в) властвующую элиту не беспокоят внутренние проблемы;

г) традиционный американский либерализм обанкротился, проявил полную неспособность защищать интересы неимущих;

д) поэтому следует создать новые, децентрализованные социальные и политические институты. Они должны дать возможность всем американцам принять участие в решениях, которые оказывают влияние на их жизнь¹. Кроме того, по их мнению, только прямая демократия, «демократия участия» населения в управлении и принятии важнейших решений, является подлинной, ибо она выражает волю народа.

Экстремистски настроенная часть «новых левых» выступила против власти как таковой и на первых порах против лидеров вообще. Некоторые из них — «леваки» анархистского толка высказывались против государства вообще и против дисциплины, не поднявшись до понимания классового характера общества и власти.

Положения внешнеполитической программы «новых левых» были сформулированы следующим образом:

во внешней политике США должны всемерно поддерживать независимость освободившихся стран, отказаться от антикоммунизма и помогать освободительным движениям, дать возможность всем нациям решать самостоятельно свои проблемы, без вмешательства извне.

¹ См.: *Keniston K. Young Radicals: Notes on Committed Gouth.* New York, 1968, p. 17.

В области внутренней политики США должны предоставить больше прав местным властям в принятии решений, особенно в отношении положения бедняков, шире осуществлять программу борьбы с бедностью, развернуть решительную борьбу с расизмом; развивать формы общественного контроля над экономикой, в том числе планирование, воздвигать препятствия дегуманизации государственных институтов.

В отношении путей к цели среди «новых левых» не было единогласия. Правда, в Порт-Гуронской декларации 1962 г. они категорически высказались против насилия и провозгласили тактику ненасильственных действий и политику реформ. Однако вскоре по этим вопросам среди активистов развернулись споры. Равнодушие правительства к требованиям молодежи, сопротивление местных властей и расистов вело к пересмотру мнения о неприменении насильственных действий и об избрании подходящего кандидата на предстоящих выборах от двух ведущих партий или от третьей партии. Наибольшую поддержку возымела тактика пробуждения, радикализации населения (главным образом, беднейших слоев и лишенных гражданских прав). Цель манифестаций «вьетнамского лета» была не только антивоенная, но состояла также в том, чтобы организовать массы и приобщить их к политике.

На какое-то время заметное влияние в среде радикальной молодежи получили сторонники так называемого студенческого синдикализма, выходившие на демонстрации с лозунгами «студенческой власти».

Интересно, что одной из форм проявления протеста против традиций и утвердившихся вкусов стала молодежная мода. По одежде молодые люди узнавали своих единомышленников и соратников не только среди сверстников, но и среди представителей других поколений.

В конце 60-х годов на улицах городов Соединенных Штатов Америки нередко можно было встретить молодых

парней с длинными волосами, в потертых джинсах, просто пошитых рубашках, сандалиях. Своим внешним видом они показывали, что отвергают официальный идеал супермена, бравого солдата, пропагандируемый кино, телевидением, комиксами, массовым чтивом. Отныне молодые американцы стереотипу мужественности противопоставляли мягкость, неразрывно связанную в их представлении с великодушием и гуманностью. Если ранее идеалом молодого человека нередко был супермен, авантюрист, то теперь его неудержимо привлекали несогласные, интеллектуалы и бегемоты, обитавшая в бедных кварталах крупных городов, или «бородачи» похожие на кубинских революционеров.

«Мы постепенно меняемся,— отмечал эту мысль известный американский писатель Курт Воннегут.—...Сейчас в нашей стране тип мужчины физически сильного, мускулистого, сокрушающего противников не считается больше привлекательным... И если на мужчину нахлынут чувства, ему теперь не возбраняется поплакать»¹.

Облагороженный, женственный вариант прически и одежды получил широкое распространение, понравился, постепенно стал всеобщей модой, утратившей связь с первоначальной социально-психологической основой.

А молодые американки, поспешая за юношами, отказались от устарелых вкусов и даже от косметики, надели джинсы (причем мужского фасона) и мужские рубашки, они тем самым заявляли о равноправии.

ПЕРЕКРЕСТКИ БОРЬБЫ

С самого начала агрессия США во Вьетнаме была империалистической авантюрой. Монополии, и непосредственно выполняющие военные заказы, и связанные с их выполнением косвенно, получали всевозрастающие прибыли

¹ Лит. газ., 1975, 23 июля.

ли. Кроме того, относительно повысилась запытость поселения, снизилась безработица. Война помогала отвлекать внимание от внутренних проблем, и правящие круги США рассчитывали при соответствующей пропагандистской обработке добиться, по крайней мере, нейтралитета большинства социальных групп. Однако, чем дальше шла эскалация, чем больше гибло американцев, тем больше росло и ширилось возмущение общественности как в стране, так и за рубежом.

Американскому народу потребовалось время, чтобы понять истинные цели войны, понять, что сайгонские правители, в защиту которых выступали Соединенные Штаты,— это американские марионетки, не имеющие поддержки народа.

Под давлением фактов, которые помогла довести до населения Компартия США, прогрессивная общественность и даже средства массовой информации, вынужденные приоткрыть жестокую правду о боях, начались изменения в сознании американского народа. Все большее число американцев стало понимать, что в Индокитае их страна ведет истребительную войну против народа Вьетнама, который с оружием в руках борется за право самому решать свою судьбу.

Молодежь из организаций ультра- и правозэкстремистского толка, таких, как «Общество Джона Берча», «Американский легион», «Молодые американцы за свободу» и конформисты, готовые поддержать политику правящей элиты, были не в состоянии соперничать с несравненно более массовым и энергичным движением протестующей молодежи. Симпатии населения удваивали силы этого движения.

С самого начала, пишет профессор психологии Колумбийского университета, обследовавший мотивы протеста молодежи, эта война была непопулярной, она не была окружена той романтикой, которая обычно сопутствует войне хотя бы вначале, о ней не слагали песен, не писали

патриотических стихов. Непопулярность, сомнительность целей сказались на моральном духе солдат. Американский социолог профессор Чарлз Москос, специально изучавший психологию американских солдат, воюющих во Вьетнаме, пришел к выводу, что в этой войне каждый солдат думает только о себе, он озабочен только тем, как выжить. А выбравшись из Вьетнама, солдаты редко пишут оставшимся там товарищам, да и те, кто остался, не пишут им. Они переписываются только с родственниками и старыми друзьями в США.

Результаты опроса, проведенного Москосом, показали, что борьба в этой войне не создавала дружеских связей, что резко отличалось от поведения американских солдат во время второй мировой и во время войны в Корее. Солдаты мало верили пропагандистским заявлениям правительства. Даже добровольцы бранили себя за то, что поддались уговорам. Только пять из 34 опрошенных солдат заявили, что они пошли в армию с целью «остановить коммунистическую агрессию», двое сказали, что поехали во Вьетнам, чтобы быть там, где идут военные действия. Правда, все же 19 из 34 думали, что цель войны — не допустить распространение коммунизма. Представления же этих солдат о коммунизме были густо замешаны на маккартизме 50-х годов. Социолог привел такие типичные их ответы на вопрос, как они представляют себе коммунизм. «Это когда вы не можете делать того, что хотите», — заявил один солдат. «Кто-то все время говорит вам, что делать», — сказал другой. «Вам говорят, где вам работать, что вам есть и когда пользоваться туалетом», — ответил третий. «Коммунизм, — подтвердил четвертый, — это что-то вроде армии»¹.

Война поставила перед молодыми американцами комплекс морально-политических проблем. Именно они дол-

¹ *Moscov Ch. C. jr. The American Enlisted Man. New York, 1970, p. 150.*

жны были отдавать свою жизнь и истреблять население далекой маленькой страны. Но защита ли это Соединенных Штатов? — вот первый вопрос, который стали задавать себе новобранцы. Сам факт краха многолетних попыток могучей державы одержать победу над маленьким народом, готовность вьетнамцев умереть, но не сдаться наводили на мысль об агрессивном характере войны и ее трагической бесперспективности.

Многим очнувшимся от пропагандистского дурмана молодым людям стало ясно, что их посылают отдавать жизнь за неправоное дело, за чужие интересы в несправедливой войне. «Мы охвачены страшным чувством, — писал студент Гарвардского университета, — что являемся пешками в чьей-то шахматной игре»¹. Другой студент, отвечая на вопросы правительственной комиссии, изучавшей причины беспорядков в Колумбийском университете, следующим образом объяснил мотивы протестующей молодежи: «Нынешние студенты приняли всерьез идеалы, которым их учили в школе и в церкви, а зачастую и дома, и теперь они видят систему, которая отвергает их идеалы в реальной жизни. Расовое неравноправие и война во Вьетнаме — главные свидетельства отклонения нашего общества от общепризнанных идеалов»².

Успехи научно-технической революции и в связи с этим потребность в квалифицированных кадрах привели к тому, что за 10 лет, с 1957 по 1966 г., число студентов в США удвоилось, а с 1965 по 1970 г. процент выходцев из рабочего класса вырос до 26%. Молодежи казалось, что возникли условия для благополучия и исполнения своих желаний. Однако правительство предложило ей рисковать жизнью во имя чуждых, несправедливых целей. Именно молодежь, одетая в солдатскую форму, должна

¹ Kennan G. *Democrac, and the Student Left*. Boston, 1968, p. 28.

² Spender S. *The Year of the Young Rebels*. New York, 1969, p. 129.

была стать орудием истребления непокорного народа далекой страны.

Среди молодых американцев нашлось немало таких, кто согласился осуществлять захватническую миссию: институты государственного принуждения, изощренный пропагандистский аппарат, идеологи капиталистического государства делали свое дело. Но много, слишком много, вопреки ожиданиям властей, оказалось таких, кто осмелился на протест.

Мотивы протеста молодых людей не были тождественны. Одни испытывали глубокое моральное отвращение к агрессии, другие опасались, что эскалация приведет к мировому конфликту или к термоядерной войне. Росло число американцев, которым были присущи в той или иной степени антиимпериалистические взгляды. Были и такие, которые руководствовались общедемократической концепцией, согласно которой все нации должны иметь право на самоопределение¹.

Выступившие против войны молодые люди среди прочих аргументов нередко приводили следующий: для участия в голосовании на выборах правительственных и законодательных органов необходимо достичь 21 года, а призывной возраст — 18 лет, поэтому правительство не имеет морального и юридического права распоряжаться жизнью тех, кто лишен права голоса и не может принимать важные решения. Правительство не имеет права требовать от этих молодых людей рисковать жизнью, а тем более убивать.

Призыв новых резервистов для отправки за океан в пекло войны встречал решительное и массовое сопротивление. Сжигание повесток, демонстративный коллективный отказ явиться на призывные пункты, дезертирство, организованные бойкоты университетских курсов подго-

¹ Об этом подробнее см.: Проблемы мира и социализма, 1965, № 10, с. 49.

товки офицеров¹, объявление вьетнамской войны незаконной авантюрой, предпринятой в нарушение конституции,— все эти и другие действия молодых американцев приобретали все более массовый характер.

По официальным данным Пентагона, в течение года, до середины 1967 г., из американской армии дезертировало 42 227 человек. Через год число дезертиров возросло до 53 357 человек. Только за 10 месяцев 1970—1971 гг. из вооруженных сил США дезертировало 68 449 человек. Если в 1964 г. за уклонение от призыва был осужден 251 человек, то в 1968 г. суды вынесли приговор 809 молодым людям. К середине 1968 г. против молодых людей, отказавшихся служить в армии, по свидетельству министерства юстиции, было возбуждено 3305 уголовных дел. По неполным данным, в 1969 г. за отказ от призыва в тюрьмах США находилось не менее 850 человек.

Почти 50 тыс. американских юношей, чтобы не служить в армии, бежали из страны. Большинство обосновалось в Канаде, многие укрылись в Европе.

Студенты выступили не только против призыва в вооруженные силы, но и против вербовки на работу в компании, производящие военное снаряжение и боеприпасы. Осенью 1967 г. было, например, развернуто массовое движение против компании «Доу кемикл», производившей напалм, используемый во Вьетнаме. В октябре несколько сот студентов парализовали деятельность вербовщиков этой компании в Висконсинском университете. Когда канцлер университета попытался применить против студенческих лидеров дисциплинарные меры, около 2250 студентов дружно подписались под специальной декларацией об ответственности, в которой утверждалось, что все подписавшие ее — лидеры.

Уклонение от службы в армии, которое два-три года назад расценивалось большинством американцев как тру-

¹ Армия США черпала из этих курсов больше офицерских кадров, чем из военных училищ.

сость или по меньшей мере как непатриотичность, теперь не считалось позорным. Напротив, теми, кто сумел избежать призыва, восхищались, их перевозносили за мужество и находчивость. Распространялись даже рекомендации дезертирам.

Летом 1969 г. в США печатали не менее 35 газет антивоенных организаций военнослужащих. 11 октября 1969 г., во время вьетнамского моратория, около ста солдат форта Брэгг, в основном ветеранов, организовали демонстрацию в Фейетвилле. На следующий месяц в шестии участвовало двести солдат и столько же гражданских лиц. В форте Сэм-Хьюстон 150 солдат подписали антивоенную петицию, состоялись демонстрации и в других фортах.

В массовых антивоенных митингах и демонстрациях в Вашингтоне 15 ноября 1969 г. приняли участие 250 тыс. юношей и девушек, во главе колонн шли военнослужащие. Активно участвовали они в манифестациях и в других городах. В Эль-Пасо (штат Калифорния) несколько сот солдат из форта Блисс шли во главе демонстрации за мир.

14 декабря 1969 г. в Оушсайде (штат Калифорния) в антивоенном марше прошла тысяча военнослужащих и 4 тыс. гражданских лиц. Здесь были белые, черные, чиканос. Манифестанты выдвинули антиимпериалистическую и антирасистскую программу и положили начало организации Движение за демократические войска.

15 марта 1970 г. состоялось крупнейшее мероприятие — фестиваль политических речей и рок-музыки в Мак-Келиган кэньон, в Эль-Пасо, вылившееся в массовую антивоенную демонстрацию, в которой приняло участие 2 тыс. человек, в том числе более 800 военных.

16 мая того же года антивоенные выступления одновременно имели место в других фортах и гарнизонах. В форте Беннинг 100 военных и 300 гражданских присутствовали на заседании «народного трибунала» над амери-

канскими военными преступниками. В Фейетвилле (штат Северная Каролина) перед 750 солдатами форта Брэгг и 300 гражданскими лицами выступили актеры Рени Дэвис, Джейн Фонда и Макс Лейн. Более 700 солдат форта Худ прошли по улицам г. Киллин на антивоенный митинг, устроенный в парке.

Внушительные демонстрации состоялись на 12 военных базах. Петицию за вывод американских войск в эти дни подписали более 1740 военнослужащих с более 100 баз и кораблей, включая сюда 364 солдата из форта Блисс, 300 военных во Вьетнаме и 84 моряка, находящихся в Ивакуни (Япония).

О влиянии антивоенного движения на сознание молодежи красноречиво говорило резкое сокращение количества студентов, обучающихся на курсах офицеров резерва. Если в 1967/68 учебном году на курсах обучалось 233 145 человек, то в 1969/70 г. — 157 830 человек. Этот факт станет еще красноречивее, если учесть, что обучающемуся на этих курсах платили стипендию. Отказ от курсов для многих студентов означал дополнительные тяготы, добывание скудных средств собственным трудом в воскресные дни и каникулы.

Если в октябре 1959 г. всего лишь один 18-летний студент на ступеньках Калифорнийского университета демонстрировал свой протест против обязательного военного обучения на курсах офицеров резерва, то в последующие годы в этой борьбе принимали участие десятки и сотни тысяч американских студентов.

Первые энергичные протесты против участия в войне во Вьетнаме начались 2 мая 1964 г. Уже осенью 1967 г. в массовых антивоенных демонстрациях в одном Вашингтоне участвовало от 200 до 300 тыс. человек. А в 1968 г. вьетнамская авантюра сделалась главной проблемой, объединившей протестующее поколение.

С невиданным размахом активность американской молодежи проявилась во время первичных выборов 1968 г.

в штатах Нью-Гэмпшир и Висконсин, где агитационная кампания за выдвижение в президенты США сенатора Юджина Маккарти, проведенная в основном молодежью, помогла этому стороннику прекращения войны во Вьетнаме одержать внушительную победу над защитником внешнеполитического курса президента Джонсона. Число молодых добровольцев, желавших агитировать за Ю. Маккарти, возрастало по мере приближения первичных выборов. В последние две недели насчитывалось более 5 тыс. постоянно и бесплатно работающих энтузиастов. Во время кампании на первичных выборах в Нью-Гэмпшире студенты обошли 60 тыс. домов — почти половину избирателей в штате, убеждая голосовать за сенатора. Неряшливо одетые не допускались к прямым контактам с населением и работали при штаб-квартире.

Эта первая проба в начавшейся предвыборной кампании имела решающее значение для определения соотношения сил в борьбе за президентское кресло.

В следующем штате, Висконсин, агитационную кампанию за Маккарти вело уже около 10 тыс. юношей и девушек, съехавшихся из самых отдаленных штатов.

В конце апреля месяца в крупнейших городах США начались молодежные демонстрации и забастовки, проходившие под антивоенными лозунгами. В них, по сообщению газеты «Уоркер», принимали участие до 1 млн студентов и преподавателей.

На фоне общего подъема борьбы еще острее встал вопрос о дискриминации негритянского населения в США.

«Великая американская победа (в которой всегда таилась зародыш американской трагедии), — с горечью писал известный американский писатель-негр Джеймс Болдуин, — заключалась в том, что черных научили презирать самих себя. В детстве я презирал себя и не представлял, что может быть иначе. А это означало, что бессознательно, или против воли, или с большой мукой, но я презирал собственного отца. И собственную мать. И собственных

братьев. И собственных сестер... Но этот этап нашего пути уже почти пройден. Тайна раскрыта: мы — люди!»¹

«Сегодняшний чернокожий старшекласник,— продолжает эту мысль исследователь настроений молодежи Марк Либарл,— превратил дискриминацию, которую он испытывал всю свою жизнь, в гордость, что он черный»².

Массовые выступления негритянского населения, настоящие мятежи в 1964 г. вспыхнули в Рочестере и Филадельфии, в 1965 г.— в Лос-Анджелесе, в 1966 г.— в Чикаго и Кливленде, в 1967 г.— в Ньюарке и городах северного Нью-Джерси, а также в Детройте. В эти годы получил распространение лозунг «черной власти» и были предприняты попытки создания по инициативе СККНД Свободной демократической партии штата Миссисипи. Эта идея была поддержана в 9 штатах. «Черный народ должен организоваться,— заявляли вдохновители негритянской молодежи С. Кармайкл и Ч. Хамилтон,— и приобрести свою собственную силу власти».

Осенью 1966 г. была создана «Партия черных пантер для самообороны», выдвинувшая в качестве основного лозунга требование «власть — народу». Один из лидеров «черных пантер», Хью Ньютон, утверждал, что конечная цель партии — «преобразование капиталистического общества в социалистическое», а другой лидер, Бобби Сил, так разъяснял задачи партии: «Мы не боремся расизмом против расизма, мы боремся с расизмом при помощи солидарности народа»³.

¹ Болдуин Д. Выйди из пустыни. М., 1974, с. 199—200.

² The High School Revolutionaries, ed. by Libarl M. and Seligson T. New York, 1970, p. XV.

³ Цит. по: Митрохин Л. Негритянское движение в США: идеология и практика. М., 1974, с. 177—178.

Впоследствии в партии «Черные пантеры» возобладали ультралевые и правые оппортунистические тенденции, и она пришла в упадок. Анализ ошибочности стратегии и тактики «Черных пантер» дал Генри Уинстон в статье «Кризис партии «Черные пантеры». — Проблемы мира и социализма, 1971, № 12.

После убийства Мартина Лютера Кинга весной 1968 г. борьба за гражданские права развернулась с новой силой. Полиция была не в состоянии справиться с бунтующим населением негритянских гетто. Волнения вспыхивали то в одном, то в другом месте и охватили более ста городов США. Пожаром пылали районы столицы Вашингтона, были разрушены целые кварталы в Чикаго и в других городах. По характеристике сенатора Роберта Кеннеди, США загляли в «бездонную пропасть гражданской войны»¹.

События в США стремительно развивались. Май — июнь 1968 г. ознаменованы волнениями и настоящими бунтами в американских колледжах и университетах, в крупнейших вузах.

В Колумбийском университете (г. Нью-Йорк) студенты захватили аудитории и прекратили занятия. В результате ректорату пришлось отменить экзамены на факультете гуманитарных наук. Знаменитый центр высшего образования был парализован на две недели. Забастовщики выступили против военных научных исследований по заказам Пентагона и превращения части парка негритянского района Гарлема в стройплощадку для новых университетских корпусов.

В старейшем Принстонском университете студенческое общество организовало демонстрации тоже с требованием отказаться от оборонных исследований Пентагона. Молодежь требовала восстановить в университете тех, кто предпочел тюрьму военной службе. В Северо-Западном университете 3 мая студенты-негры захватили канцелярию и добились дополнительных стипендий для негров и введения курсов по негритянской литературе и искусству.

Три дня спустя в Стэнфордском университете около 200 студентов штурмовали административный корпус, протестуя против исключения своих товарищей, которые возглавили демонстрации с требованием запрета вербовочной

¹ Правда, 1968, 11 мая.

деятельности Центрального разведывательного управления. Было подожжено здание училища офицеров запаса военно-морских сил.

В университете южного Иллинойса 8 мая полиция с трудом отбила атаку нескольких сот учащихся, которые пытались занять секретариат ректора. Это была реакция на запрещение выступления известного негритянского деятеля.

В тот же день в Чикаго в университете имени Рузвельта было арестовано более 20 молодых участников демонстрации в защиту профессора, совершившего вопреки запрету госдепартамента поездку в Демократическую Республику Вьетнам и в Китай.

Горькая ирония звучала в молодежном шествии г. Трентона (штат Нью-Джерси). 6 мая 1968 г. тысячи студентов, многие в трауре, направились к законодательному собранию штата. Впереди процессии ехал катафалк с гробом, символизируя умирающее от истощения, плохо финансируемое высшее образование.

Подобные формы протеста привлекали внимание средств массовой информации, что позволяло воздействовать с их помощью на общественное мнение.

Осенью 1968 г. бунтуют студенты крупнейшего в стране Калифорнийского университета, а затем начинаются волнения и в славившемся образцовым поведением и «трезвым мышлением» Гарвардском университете, в других вузах США. Зачастую волнения становятся более ожесточенными и сопровождаются кровопролитиями. В Калифорнийском университете губернатор бросил против студентов две тысячи национальных гвардейцев. В ход были пущены вертолеты, применившие рвотный и слезоточивый газ. Войска открыли огонь. Среди демонстрантов — один убит, десятки ранены, сотни арестованы.

В Агротехническом колледже (штат Северная Каролина) между полицией и овладевшими учебными зданиями студентами перестрелка длилась более двух суток.

Здесь тоже в ход были пущены войска, самолет и вертолет. Власти повторили тактику газовой атаки с воздуха, как в Калифорнии. И вновь — один убит, много раненых, 200 человек арестовано. В штате Луизиана, в Южном университете, студенты-негры на газовую атаку полиции ответили бутылками с зажигательной смесью и камнями. Полицейские ворвались в университет на бронетранспортере.

С октября 1967 г. по май 1969 г. волнения имели место в 211 студенческих городках. За этот период зафиксировано 474 выступления, 6158 арестов. По другим данным, в 1967/68 учебном году протестовали студенты более 100 высших учебных заведений. В ряде случаев к студентам присоединялись трудящаяся молодежь (особенно в дни «уик-энда») и безработные. В следующем, 1969/70 учебном году число охваченных движением протеста вузов осталось примерно тем же, но в выступлениях участвуют новые вузы и колледжи. По данным ФБР, за этот период произошло 1785 студенческих демонстраций и было 313 случаев захвата учебных корпусов.

В университете г. Кента во время студенческой демонстрации национальные гвардейцы наповал сразили четырех студентов, девять человек ранили. Не прошло и двух недель, как в г. Джексоне полицейские застрелили двух студентов. В ноябре 1972 г. в г. Баттон-Руж тоже были убиты два студента.

Представители интеллигенции — профессора, писатели, актеры стали активнее присоединяться к протестующей молодежи. Известный писатель Норман Мейлер откликнулся на призыв времени не только своим пером художника и публициста («Армии ночи», 1968 г.), но и личным участием в антивоенных демонстрациях в поддержку противников вьетнамской авантюры.

Среди протестующей молодежи были такие представители творческой интеллигенции, как кинозвезда Джейн Фонда, популярные певцы Боб Дилан, Джоан Баэз, и многие другие.

Кумир молодежи Марлон Брандо публично выразил поддержку борьбе негров и убедил коллег по искусству отчислить процент годового заработка в пользу борцов за гражданские права. Он высказался за выдвижение в президенты кандидатуры Р. Кеннеди. Впоследствии М. Брандо присоединился к созданной Мартином Лютером Кингом Конференции христианского руководства Юга. В 1973 г. в знак протеста против дискриминации индейцев он публично отказался принять премию «Оскар» — высшую награду, присужденную ему Американской академией киноискусств за лучшее исполнение мужской роли. Другой популярный киноактер, Пол Ньюман, тоже встал в ряды борцов за гражданские права и выразил свою поддержку кандидату в президенты сенатору Юджину Маккарти. При этом Пол Ньюман объяснил свой поступок так: «Я не хочу, чтобы на моем могильном камне написали: «Он не был человеком своего времени».

Важнейшие сдвиги в американской жизни попали в поле зрения писателя Сола Юрика, который в романе «Добыча» (1968 г.) отразил явления, связанные с выходом на арену «новых левых». Студенческому восстанию посвятил свой роман «Движение» (1969 г.) и Норман Гарбо. Некоторые другие произведения о юных бунтарях стали небезынтересными попытками художественного осмысления животрепещущих проблем времени, в том числе роман Жаклин Брискин «Калифорнийское поколение» (1970 г.).

С критическим отражением ряда важнейших сторон американской жизни и проблем молодого поколения выступили представители так называемого «нового журнализма»: Том Вулф, Хантер Томсон, Сеймур Херш, Джон Сэк, Джо Макгиннис и другие.

К критике правительства и политики властей присоединялись отдельные представители правящего класса в конгрессе США.

Движение протеста охватывало новые социальные слои и группы, в его поддержку высказывались профсоюзы. Все

активнее в массовых демонстрациях протеста принимали участие, особенно в выходные дни, молодые рабочие, юноши и девушки из сферы обслуживания, безработные. Движение становилось все более массовым.

В качестве идеала борца молодежью выдвигался человек мужественный, способный смотреть в глаза смерти, независимый, самостоятельный, преданный своим благородным целям до самопожертвования. Среди тех борцов, к которым молодое поколение испытывало особое уважение, назывались Юджин Дебс, Билл Хейвуд, Джо Хилл. Бывало и так, что на антивоенные демонстрации американская молодежь выходила с портретами Хо Ши Мина.

Упрощением было бы представлять дело так, будто протестующая молодежь буквально восприняла и повторила идеи выдающихся революционеров и демократов. Процесс усвоения идеалов прошлого и тем более воплощения в практической деятельности чрезвычайно сложен. Эти идеалы присутствуют не только в сочинениях выдающихся мыслителей, но подчас, причудливо преломляясь, живут в художественной литературе, в традициях и заветах старшего поколения, в многоликой и противоречивой жизни общества. И отсюда они проникают и утверждаются в сознании молодежи. Так или иначе, но протест против насилия над личностью, против власти денег, антивоенные выступления ищут опоры в традициях американского демократического прошлого.

Успехи науки и техники, сравнительно высокий жизненный уровень также способствуют выработке представления об американской исключительности, о якобы особом историческом пути США, лишенном ошибок и противоречий старого европейского капитализма. Все это нашло отражение в процессах, развивавшихся в эти годы в сознании американской молодежи.

Отчаяние и отчужденность, индивидуализм и бесцельное прожигание жизни, националистические настроения уступали место коллективистским и интернационалист-

ским воззрениям. В отличие от «разбитого поколения» протестующая молодежь заговорила о «своей исторической ответственности», причастности к проблемам времени. В Соединенных Штатах стал происходить, по словам Гэса Холла, «процесс осознания «новых ценностей», «новых задач», связанный с беспрецедентным изменением идеологических и политических концепций в массах. Молодежь отвергает цивилизацию, построенную на концепциях «богатых и бедных», «трудящихся и хозяев», «имущих и неимущих»¹.

Социологические опросы свидетельствовали, что помимо войны во Вьетнаме были и другие причины, побуждавшие студенческие массы к протесту. Среди этих причин наиболее распространенная — требование участия в управлении колледжами и недовольство общественной системой в целом. Однако исследователи обратили внимание на несравнимо большую активность той части молодежи, которая вдохновлялась антивоенными лозунгами.

Профессор К. Кенистон, который в недавнем прошлом заявлял, что в США полностью отсутствует почва для революционной идеологии, в новой своей работе вынужден был отметить, что цель молодых людей, участвующих в новолевом движении состоит не в том, чтобы добиться свобод или благ для себя, а скорее в том, чтобы распространить эти свободы и блага на других. Исследователь обратил внимание на то, что «новым левым» близки чужие страдания. Среди качеств характера молодых активистов Кенистон выделил трезвое отношение к своему делу, готовность самоотверженно работать за низкую плату при условии, что это идет на пользу движению, сильно развитое чувство ответственности, упорство и умение сохранять присутствие духа в пору неудач и поражений и даже не покидающее их в эти минуты чувство юмора.

Любопытна реакция на известный в то время фильм

¹ См.: США: экономика, политика, идеология, 1970, № 1, с. 17.

«Касабланка», демонстрировавшийся вскоре после студенческих волнений 1969 г. Действие фильма происходит в годы второй мировой войны. Герой — сильный и смелый американец, вначале отказывается помогать и борцам против фашизма, и фашистам, и коллаборационистам. Его кредо — это кредо откровенного индивидуалиста. Знаменитая реплика героя — «Я не стану подставлять свою шею за другого, кем бы он ни был», — ранее неизменно встречалась в Гарварде одобрительными возгласами и аплодисментами. В этот раз, по свидетельству очевидца, эта реплика впервые была встречена всеобщим молчанием. Индивидуализм у парней и девушек, переживших дни совместной борьбы и конфронтации с полицией, понявших, как много значит самоотверженная поддержка товарищей, теперь не встречал одобрения. Именно желание приносить общественную пользу двигало большинством тех молодых людей, которые шли оказывать помощь беднякам американских трущоб, негритянскому населению, и даже многими из тех, кто работал в американском Корпусе мира, который выступал под пропагандистским лозунгом — содействие прогрессу развивающихся стран.

Придя к выводу, что антикоммунизм, сектантство, нетерпимость к инакомыслящим нанесли вред движению, «новые левые», выступая за объединение всех недовольных существующим положением, проявили готовность с пониманием отнестись к различным взглядам и предложениям. Со стремлением к единству была связана их враждебность на первом этапе к разного рода долгосрочным программам. Главное внимание, по их мнению, необходимо было сосредоточить на тактике. Играло здесь роль и еще одно обстоятельство — убеждение, что в быстро развивающемся и меняющемся мире нереально ставить долгосрочные задачи, так как невозможно предвидеть развитие событий на длительный период. Тактика движения, как они считали, должна изменяться в зависимости от конкретно возникшей ситуации. Молодые радикалы считали, что это

важнее, нежели иметь тщательно сформулированные, но, возможно, нереалистичные, ошибочно ориентирующие программы. Такой их взгляд предполагал намерение обходиться без научной теории, которая определяла бы цели и главные этапы борьбы, означал преклонение перед стихийностью.

«Молодые левые» решительно протестовали против несправедливых правительственных акций, ущемляющих права других народов, и были готовы оказать поддержку выступлениям молодежи за рубежом. Они с одобрением встречали победу справедливых сил, выступающих «за справедливое решение тех или иных вопросов в любой части земного шара вне зависимости от их национальности и расовой принадлежности». «Интервьюируя студентов-активистов, — признавался Кенистон, — я был поражен тем, сколь часто то или иное международное историческое событие они называют в качестве причины своей активности»¹.

Та решительность, с которой леворадикальная молодежь выступила в защиту справедливости, ее пропагандистская деятельность напоминали о лучших традициях американского социалистического и демократического движения. Агитационные поездки по стране, готовность жить на небольшое жалованье, личное мужество, решимость пойти на риск при столкновении с полицией и реакционерами — вот лишь некоторые особенности жизни молодых активистов тех лет.

Наиболее проникательные деятели «протестующего поколения» начали понимать, что нельзя рассчитывать на близкую победу своего движения, что предстоит упорная и длительная борьба. От разочарований их спасала радость товарищеского общения, совместные действия, сознание того, что делаешь нужное дело.

Они посвятили себя поискам пути создания общества,

¹ Keniston K. Young Radicals. New York, 1968, p. 319.

свободного от эксплуатации и насилия, которое было бы основано на принципе контроля людей над теми институтами, от функционирования которых зависит их жизнь и где человек смог бы свободно раскрыть свою личность и способности. Отдельные конституционные поправки и мелкие политические реформы не могут, как они справедливо считали, привести к созданию такого общества в США. Необходимы радикальные преобразования экономики, социальной и политической структуры. Группа так называемых «культуралистов» возлагала надежды на создание радикального массового движения, которое, по их мнению, должно привести к коренному преобразованию американской социальной системы в течение десяти — двадцати лет. Но имелось среди протестующей молодежи и немало более решительно настроенных, которые рассчитывали на революционные изменения в ближайшем будущем.

Бурные молодежные кампании за выдвижение в президенты США Ю. Маккарти и Р. Кеннеди, высказывавшихся за прекращение войны во Вьетнаме, и массовые антивоенные демонстрации рассматривались ими как важные события, способные привести к переменам в сознании американского народа.

Постепенно среди активистов движения зрело понимание необходимости создания сильных и влиятельных организаций, которые проявили бы себя не только в отдельных, пусть громких, кампаниях, но и в повседневной борьбе за нужды масс.

На смену стареющим радикалам вставали более молодые. Социологи выделили «старых новых левых» (старше 30 лет), стоявших у истоков движения, «новых левых» и «новых новых левых». Последние, как явствовало из опросов, были настроены еще более решительно. По свидетельству журнала «Тайм», тех, кто призывал к революции, было меньшинство, но они имели сильное влияние.

Фактически в понятие «новые левые» средствами массовой информации включалась вся протестующая моло-

дежь. А в ее рядах были не только студенты — хотя чаще они составляли большинство, — но и трудящаяся молодежь, и безработные, и школьники старших классов, участвовавшие в массовых манифестациях на улице.

Не следует, конечно, преувеличивать размеры движения протестующей молодежи США. Однако важно подчеркнуть его острый характер и тенденцию к росту. В 1966 г. американские социологи оценивали число участников движения в 250 тыс., а в начале 1969 г. солидный американский журнал «Форчун» называл уже цифру 750 тыс. Движение протестующей молодежи стало находить все больше сторонников и среди школьников. «Подпольная пресса» в средних школах требовала свободы слова и печати, введения предметов, изучающих негритянскую и пуэрто-риканскую культуру, радикальные идеи современности, выступила с требованием удалить из школы полицию, покончить с системой слежки и доносов. Раздавались призывы не оказывать поддержки существующему строю, а готовить себя для построения нового, лучшего общества.

К началу 70-х годов выступления «новых левых» одобрялись и даже поддерживались различными слоями населения. Яркий пример — многомиллионные демонстрации населения в крупнейших городах США в 1970—1971 гг. против войны в Индокитае.

Однако, как это обычно бывает в периоды обострения политической ситуации, активизировались не только прогрессивные, но и реакционные силы. Реакционеры и урапатриоты сочли, что власти слишком церемонятся с бунтарями, что для подавления радикалов следует решительнее применять силу. Наиболее откровенно точка зрения правых была высказана губернатором Калифорнии Рейганом: «Ну что же! Если им нужна кровавая баня, они получают кровавую баню!»¹

¹ Правда, 1970, 16 апреля.

Либеральные же американские политики и социологи, проникаясь все большей тревогой за ситуацию в стране, не могли не заметить угрозы серьезных социальных катаклизмов. Они, напротив, предостерегали правительство от увлечения репрессивными мерами, убеждая, что только политическая гибкость и способность к реформам обеспечивают жизнеспособность американскому общественному строю.

Трезвомыслящие буржуазные деятели понимали, что силой покончить с недовольством молодежи невозможно, ибо ее протест связан с духовными и социальными проблемами всего общества, с совестью и моралью, а эти проблемы не решить расправами и оружием.

Чтобы урезонить молодежь, правящие круги США пустили в ход различные средства.

Администрация Р. Никсона пришла к выводу, что молодежные движения получили слишком большую огласку, что такая огласка завоевывает им сторонников, и были приложены серьезные усилия, дабы «сократить прессу» вокруг «бунтарей». Одновременно солидные буржуазные журналы стали писать о «спокойных студентах» и «спокойном большинстве» в противовес, как разумелось, «бунтующему меньшинству».

Попытки правых студентов, следуя рекомендации администрации, мобилизовать «молчаливое большинство» в университетах и колледжах заметного успеха не имели. Оказалось, что симпатии большинства этого «большинства» принадлежат другой стороне.

По мере роста молодежного движения американская пропаганда стала больше писать о конфликте поколений, бунте молодых против идеалов старших. Недовольство молодежи бездействием и пассивностью предшествующего «молчаливого поколения», недоверие некоторой части двадцатилетних к тем, кому перевалило за тридцать и чья молодость пришлась на 50-е годы, трактовались как конфликт поколений, как размолвка между детьми и родите-

лями. Такая оценка событий была явным упрощением, она имела цель настроить родителей против детей, использовать их авторитет и возможности для воздействия на них.

Так или иначе, но в США появились специальные труды буржуазных ученых, пытавшихся обосновать концепцию конфликта поколений. Профессор Калифорнийского университета Льюис Фойер в солидном томе «Конфликт поколений: характер и значение студенческих движений», изданном в 1968 г., в качестве источника недовольства молодежи выдвинул «эдипов комплекс», то есть якобы «врожденную подсознательную ненависть детей к родителям», которая и толкает молодежь к неподчинению и насилию. Бунт молодежи из общественной сферы Фойер спроецировал в плоскость семейных отношений в духе психоаналитической теории психопатологии.

Профессор Мичиганского университета Джон Олдридж в своей книге «В стране молодых», выражая острое недовольство современной молодежью, не скрывал обиды на тех сынков и дочек «среднего класса», которых баловали в детстве, окружали заботами и давали полную волю и которые теперь, «потеряв стыд и чувство ответственности, позабыв о своих обязанностях перед старшими, устраивают беспорядки, платят за добро черной неблагодарностью»¹. Решающую причину бунтарства молодежи профессор усматривал в ошибках воспитания. Родителям, по его мнению, следовало бы покрепче держать своих отпрысков в руках и строже с ними обращаться.

Между тем исследования других авторов и социологические опросы опровергали теорию конфликта поколений.

Разумеется, если речь шла о родителях из правящей верхушки, из монополистических династий, то есть о тех, кто стоял у руля, находился на вершине правящей пира-

¹ Oldridge J. W. In the Country of the Young. New York, 1970, p. 12.

миды, то некоторые дети этих родителей действительно выступили против идеалов и ценностей своих отцов¹. Но это не относилось к основной массе молодежи. Например, результаты опросов студентов Колумбийского университета показали близость основных идеалов и ценностей, выдвинутых протестующей молодежью, политическим идеалам и ценностям их родителей. Активистам «новых левых», по свидетельству некоторых социологов, идеалы родителей были даже ближе, чем тем, кто стоял в стороне от движения².

Да, маккартизм помешал многим родителям публично выражать свои взгляды. Но они высказывали свое недовольство, свои симпатии в семье, что не могло не отразиться на воспитании детей. И, вероятно, чаще не словами и увещаниями, а своими поступками, своим отношением и образом жизни родители говорили детям: «Не живите так, как живем мы». Представительница послевоенного «молчаливого поколения» Хелен Перри считала, что ее сверстники во многих отношениях были «буферным поколением», открывшим двери своим детям.

Сравнительно быстрый подъем леворадикального движения как раз и объясняется тем, что перемен желали не только коммунисты, не только те, кто стал открыто высказываться за преобразование общественной системы, но и те, кто в прошлом представлял «молчаливое поколение».

Даже между взглядами двух людей одного возраста нельзя искать тождества, тем менее тождества между взглядами людей, воспитанных в разные десятилетия. Но конфликта, который бы раскалывал общество по возраст-

¹ В антивоенных демонстрациях, например, участвовали «дети членов кабинета» Никсона — дочери министра труда К. Шульца, министра здравоохранения М. Финча, сын министра обороны Д. Лейрда.

² См.: *Keniston K. Young Radicals*, p. 308—309.

См. также: *Кон И.* Студенчество на Западе как социальная группа. — Вопросы философии, 1971, № 9.

ной линии, в США не было. Размежевание проходило между правительством и молодой Америкой, и симпатии большинства населения были на стороне последней.

Движение протестующей молодежи в США было разношерстно и противоречиво, подвержено различным, подчас реакционным, влияниям. Но при всей пестроте и противоречивости радикализма поколения 60—70-х годов автор полностью солидарен с точкой зрения тех советских исследователей, которые считают, что этот радикализм «не был мелкобуржуазным ни по своему социальному содержанию, ни по своей социальной основе. Отражая интересы и противоречия определенной части мелкой буржуазии (и опираясь на нее), он вместе с тем в еще большей мере отражал интересы и противоречия пролетаризирующейся интеллигенции, студенчества, национальных меньшинств... и определенной части пролетариата»¹.

Не преувеличивая успехов и значения этого движения, хотелось бы указать на его роль в идейной эволюции американской молодежи. Факты говорили о том, что в процессе развития движений протеста в Соединенных Штатах появилась значительная прослойка молодых активистов с новыми воззрениями, свойственными революционерам, людей, готовых к самоотверженным действиям во имя высоких идеалов, коренных преобразований социального строя и освобождения угнетенных.

Активисты «новых левых» все более напоминали тех революционеров, о которых в годы подъема революционного движения США вдохновенно рассказывал студентам первый президент первого в США Студенческого социалистического общества прогрессивный писатель Джек Лондон: «У революционеров я встретил возвышенную веру в человека, горячую преданность идеалам, радость бескорыстия, самоотречения и мученичества — все то, что окры-

¹ Современное политическое сознание в США. М., Наука, 1980, с. 278—279.

ляет душу и устремляет ее к новым подвигам». «Революционеры — люди горячего сердца. Им дороги права личности, дороги интересы человечества... Их пренебрежение к господствующим предрассудкам и условностям приводит в бешенство буржуа. Над грошовыми идейками и ханжеской моралью буржуа они только презрительно смеются. Они намерены упразднить буржуазное общество с его ханжеской моралью и грошовыми идейками, а в особенности с теми, что выстроились под такими рубриками, как «Капиталистическая частная собственность», «Выживание наиболее приспособленных» и «Патриотизм» — даже патриотизм!»¹.

Опрос молодежи, проведенный в 1968 г., показывал, что под влиянием войны во Вьетнаме 54% молодых людей отрицательно отнеслись к деятельности американского правительства. О своих «патриотических чувствах» в 1973 г. заявили 19% студентов в сравнении с 35% в 1969 г.

В работе и агитационной деятельности «новых левых» с первых шагов обращала на себя внимание их теоретическая невооруженность, смутность их представлений о путях преобразования общества и отчетливые следы анархизма, отрицание дисциплины, недоверие ко всем руководителям.

Заметное влияние на воззрения различных слоев интеллигенции, а следовательно, и на студенчество, в 50—60-е годы имели взгляды социолога Райта Миллса, который обрушился с критикой на политическую жизнь США, показав в книге «Властвующая элита» деградацию американской демократии. Миллс делал выводы, что страной правит элита, группа малообразованных лиц, лишившая американцев прав и возможности воздействовать на принятие политических решений. Эта элита утратила контакт с реальностью и руководствуется своекорыстными

¹ Лондон Дж. Собр. соч., 1961, т. 6, с. 61, 73.

интересами. Существующая в США государственная система аморальна, а подлинно демократическое государство возможно при условии соединения знания и власти на основах равноправия и взаимного уважения граждан.

Из такого рода идей, как идеи Миллса, возник лозунг «новых левых» о необходимости осуществить «демократию участия»¹, т. е. создать такую общественную систему, при которой народ на всех уровнях власти смог бы контролировать касающиеся его решения и средства, от которых зависит проведение этих решений в жизнь.

Однако, по утверждению Миллса, лишь интеллигенция может осуществить необходимые революционные преобразования общества. Поэтому он предложил создать движение, которое будет опираться на интеллигенцию, и в первую очередь на студенчество. Миллс заявил, что рабочий класс в силу заинтересованности в функционировании производства-де не способен выступить в качестве основной движущей силы революционного преобразования общества.

Молодежь в большинстве своем особенно остро реагирует на социальную несправедливость. Возмущение порождает не только экономическая ситуация, но и политическая, моральная несправедливость, жестокое обращение, обман, притеснения, невозможность улучшать свою жизнь, пользоваться благами общества, недоступность благ, наконец, возникшая угроза жизни человека и жизни его близких.

Недовольная условиями жизни молодежь стремится к немедленному переустройству общества, к решительным действиям. Поэтому в ее среде революционные теории легко завоевывают популярность.

При рассмотрении мировоззрения американской протестующей молодежи и образа ее действий нельзя, конечно

¹ См.: *Mills Ch. W. Letter to the New Left. Studies on the Left*, 1964, N 1.

но, забывать и о влиянии возрастных особенностей: темперамента, юношеской энергии, склонности к непосредственному выражению чувств, несогласия с большинством общественных условностей и многих обветшалых традиций, рещимости «пойти на них войной».

Что касается побудительных мотивов, то к вспышке может привести незначительный на первый взгляд повод, сопряженный с эмоциональным возмущением толпы.

Так, анализируя процесс возникновения негритянских волнений в 60-е годы, профессор политических наук университета Рузвельта Р. Рубенштейн, показывая их стихийный характер, говорит, что они развивались по такой схеме: 1) какой-то случай жестокости полиции или оскорбления, нанесенного жителю гетто, собирает толпу, что вызывает тревогу полиции; 2) прибывают полицейские подкрепления и производят аресты, в полицейских летят камни и начинается погром магазинов, где владельцы — белые; 3) погром продолжается, власти вводят войска или национальную гвардию (иногда тех и других); и т. д.

Политическая неопытность открывает сознание молодежи для проникновения всевозможных, в том числе и псевдореволюционных, лозунгов и доктрин, для маоистских, троцкистских и других левацких идей. К разряду таких доктрин, нанесших вред развитию революционного сознания молодежи, относится и «теория революции», с которой выступил американский философ, профессор университета в Сан-Диего Герберт Маркузе. Его построения достаточно коварны, чтобы быть легко опровергнутыми. Отнюдь не случайно они привлекли внимание многих из американской протестующей молодежи.

Маркузе с уважением отзывался о заслугах марксизма, не отвергал революцию, напротив, он считал ее необходимой и призывал лишь «пересмотреть» теорию революции. Такой подход не мог не подкупать молодого бунтара, недовольного политикой правительства, отчужденного,

вставшего в оппозицию к существующей капиталистической действительности.

Нужно сказать, что свои схемы Маркузе строил, исходя прежде всего из анализа американского общества, расстановки в нем сил в период затишья политической борьбы рабочего класса, когда на авансцену вышли негритянские массы, вступившие в сражение за гражданские права, и приобрело размах молодежно-студенческое антимилитаристское движение. В этом одна из главных причин популярности в США на первых порах теории Маркузе. Его даже стали называть философом современной протестующей молодежи, мыслителем, которому удалось отразить тенденции времени, стать «продолжателем марксизма».

Маркузе считал, что рабочий класс сегодня в своем большинстве якобы имеет общие экономические интересы и потребности с господствующим классом и поэтому не может быть движущей силой революции. Трудящиеся классы, по его мнению, заинтересованы в процветании капиталистического общества, они «интегрированы» в общество и едва ли можно рассчитывать на то, что они воскресят международную социалистическую солидарность. Оппозицию же обществу представляют две силы: население гетто и интеллигенция, принадлежащая к «среднему классу» (главным образом студенчество), которые, однако, не составляют «человеческого базиса» общественного процесса производства и не являются большинством общества. Они должным образом не организованы ни в национальном, ни в международном масштабе, более того — обе эти группы встречают враждебное отношение со стороны организаций трудящихся. Поэтому, делает вывод Маркузе, сама по себе эта оппозиция не может рассматриваться как действенная сила для осуществления радикальных перемен. Роль ее чисто подготовительная: а) искоренение предрассудков в идеологии и революционной практике, б) подготовка и воспитание кадрового ядра для осуществления перемен.

С одной стороны, Г. Маркузе вместо рабочего класса, ставшего якобы неревOLUTIONным, выдвигал другие радикальные группы, с другой — утверждал, что эти группы не способны в силу ряда объективных и, в общем-то, верных причин произвести революционные преобразования.

Но какова же в таком случае роль людей гетто и протестующего студенчества? Продолжать бунтовать, ожидая, что когда-нибудь закончится «подготовительный период»? А что дальше за ним, за этим периодом, если на трудящиеся классы рассчитывать, как утверждает Маркузе, нельзя? Ждать пуска на полный ход государственной машины подавления и бесславной гибели? Ведь у этих движений, согласно Маркузе, нет будущего.

Острие маркузианской «теории революции», таким образом, направлено против рабочего класса. Она построена на том, что рабочий класс не способен свергнуть капиталистическую систему. По Маркузе, выходит, что современный пролетариат не заинтересован в превращении частной собственности монополий в общественную собственность и в прекращении эксплуатации.

Утверждая «интегрированность» рабочего класса в современном капиталистическом обществе, американский философ тем самым отрицал наличие антагонистических противоречий между трудом и капиталом. Разумеется, острота этих противоречий сглаживается в период стабилизации капиталистической системы, но они ни в коей мере не устраняются (капиталист не прекращает эксплуатации рабочего, присваивая прибавочную стоимость, произведенную трудом последнего), и эти противоречия неизбежно обостряются в период кризисных потрясений и ведут к росту пролетарского сознания, к классовому конфликту.

Итак, намеренно ли, нет ли, но усилия Маркузе были направлены на то, чтобы вызвать недоверие протестующей молодежи к рабочему классу. Он пытался убедить молодое поколение в том, что ему не следует искать помощи у

рабочих, что оно само по себе авангард, который, однако, увы, не должен рассчитывать на победу.

Первый ощутимый удар по теории Маркузе был нанесен майско-июньскими событиями 1968 г. во Франции, когда студенты стали инициаторами движения, потрясшего Пятую республику. Вопреки теории Маркузе рабочий класс поддержал студентов, и эта поддержка обеспечила определенные достижения французскому студенчеству.

Вскоре авторитет Маркузе начал падать и в США. На конференции СДО в январе 1969 г. лишь единицы называли себя его последователями. В противовес маркузианским схемам конференция выдвинула марксистское определение классовой борьбы и сделала шаг в сторону марксистского понимания исторической роли рабочего класса как основной силы в борьбе за социализм.

Деятельность «новых левых», выдвигаемые ими гуманистические лозунги, резкая антикапиталистическая направленность их действий и личная смелость не могли не вызвать к ним симпатий со стороны большей части молодежи. Вместе с тем влияние ультралевой и анархистской идеологии, политическая неопытность мешали им найти верный путь к созданию сильной и целеустремленной организации.

Нужно учитывать, что процесс радикализации молодежи в США происходил при отсутствии массового подъема движения рабочего класса и отсталости его сознания, в условиях, когда организованная часть рабочих находилась под влиянием профсоюзного руководства, в большинстве своем выступавшего за политику сотрудничества с капиталом и оправдывавшего агрессию США во Вьетнаме. И все же наметившийся интерес к марксизму, готовность сотрудничать со всеми прогрессивными силами, поддержка забастовок трудящихся и активное участие в движениях протеста создали предпосылки для дальнейшего развития нового левого движения и усиления его прогрессивной роли в народных движениях Соединенных Штатов.

«Никогда за последние тридцать лет,— писал историк-марксист Герберт Аптекер,— не было столь серьезного, глубокого и широкого интереса к марксизму, к социализму, который проявляется сейчас в американских колледжах, университетах, научных учреждениях и среди лиц свободных профессий».

Критика «новыми левыми» капиталистического общества нередко шла в терминах марксистской критики. То, что на протяжении многих лет беспощадно разоблачали марксисты, теперь гневно осуждали и «повые левые».

В июле 1968 г. в интервью газете «Правда» Гэс Холл так охарактеризовал «новых левых»: «Это люди, которые видят болезни системы, но не понимают еще, что все эти болезни являются частью системы, продуктом этой системы. Они встают против этих болезней, зол, но не против самой системы и не являются еще настоящими революционерами. Я считаю, что необходимо терпение, необходимо понимание позитивных сторон этого движения молодежи. Из такого движения ниспровергателей может черпать ресурсы революционное движение, оно может расти и может направлять эти настроения. И вместо того, чтобы осуждать этих людей, я считаю, мы должны считать своей задачей завоевание их на сторону марксистско-ленинской революционной позиции»¹.

Это движение ниспровергателей — чрезвычайно сложное по своему составу, весьма эмоциональное и неустойчивое, то вспыхивало, то затухало и практически почти исчезло.

Компартии важно было выработать верную тактику работы с протестующей молодежью. «Новые левые», — писал в эти годы орган Компартии США «Политикл афферс», — это потенциальный великий союзник рабочего класса, и долг коммунистов сделать все возможное, чтобы завоевать этого союзника». Тактика коммунистов по от-

¹ Правда, 1968, 5 июля.

ношению к ним определялась следующим: «Присоединяться к борьбе «новых левых» везде, где это возможно и разумно... Объединить их с другими фракциями левого движения, объяснять им необходимость сотрудничества с нелевыми силами»¹.

Некоторые из лидеров «новых левых» заявляли, что их отталкивает не политика коммунистов, а стиль их работы: осторожность, требовательность, непримиримость, негибкость и нетерпимость — по-видимому, так они воспринимали принципиальность коммунистов².

Но среди протестующей молодежи были и такие, которые признавали марксистско-ленинскую теорию и особенно ее силу в области анализа и критики капиталистической системы.

В середине 1968 г. некоторые руководители основной организации Студенты за демократическое общество (СДО) открыто стали называть себя коммунистами. Это не помешало их избранию в руководящие органы СДО. Они проявляли повышенный интерес к произведениям В. И. Ленина — прежде всего к таким его работам, в которых содержался анализ империализма, поднимались вопросы создания революционной партии, ее стратегии и тактики, разоблачался оппортунизм и давалась критика болезни «левизны».

Библиотекарь Нью-Йоркской публичной библиотеки среди работ, вызывающих особый интерес читателей, назвал «Что делать?», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

По сообщению коммунистической газеты «Дейли уорлд», на конференции СДО в январе 1969 г. ставилась задача превратить молодежное движение в революцион-

¹ Political Affairs, 1965, December, p. 43.

² См.: *Newfield J. A Prophetic Minority*, p. 191—195.

ную силу, которая бы делала упор на организационную работу среди рабочей молодежи.

В последующие годы шла эволюция «новых левых». Это был период поиска новых путей, идейной борьбы и расколов. Но процесс консолидации сил все же превалировал. Летом 1969 г. главная организация движения Студенты за демократическое общество (СДО) на своем съезде в Чикаго приняла резолюцию: «Признавая, что только социализм, общественная собственность на средства производства материальных ценностей может избавить людей от нищеты, мы объявляем себя социалистическим движением и предпринимаем меры для ведения пропаганды среди народа, чтобы склонить его на свою сторону в интересах установления социализма».

В специальной резолюции, принятой на конференции СДО в июне 1969 г., говорилось следующее: «Признавая, что антикоммунизм является главным оружием господствующего класса в целях ослабления борьбы народов, мы категорически отвергаем его, изгоняем из нашего движения и защищаем право народа на организацию в дисциплинированные коллективы, основанные на принципах марксизма-ленинизма, а также пропагандируем и боремся за установление диктатуры пролетариата».

Империализм объявлялся «наиболее прожорливым зверем, какой когда-либо существовал на земле» и который «может быть уничтожен только в процессе вооруженной борьбы».

Впервые за всю короткую историю новолевого движения с такой определенностью было заявлено о повороте к марксизму-ленинизму и заклеямен антикоммунизм.

Многие из тех, кто вступал в Коммунистическую партию, приходили из групп, которые считали себя «новыми левыми», например, из наиболее влиятельной организации Студенты за демократическое общество.

В Отчетном докладе на XIX съезде Коммунистической партии США (1969 г.) ГЭС Холл назвал молодежь

«Ударной бригадой революционного перехода». Другой видный деятель Компартии США, Г. Уинстон, заявил: «Мы не можем делать меньше того, что делают студенты, которые развернули великодушную деятельность и начинают понимать решающую роль рабочих»¹.

Активную работу среди молодого поколения проводила сотрудничающая с компартией молодежная организация «Клубы Уильяма Дюбуа».

За период со времени создания СДО в организации произошли изменения. В эти годы в СДО появились «активисты-теоретики» и «простые активисты». «Активисты-теоретики» выступали за социалистическую перспективу, которая бы четко определила организационные цели и очередность задач. «Простые активисты», так же как и «активисты-теоретики», ратовали за революционные изменения в обществе, но их интересовали ближайшие, практические задачи. Если «теоретики» одерживали верх в дискуссиях, на которых обсуждались вопросы международной политики и характер будущей программы, то «простые» завоевывали большинство при определении ближайших тактических задач. По их мнению, для выработки своей собственной идеологии СДО пока еще не располагало достаточным опытом. Однако они высказывали убеждение, что «целью организации должна быть какая-то форма социализма». Что касается тактики, то «новые левые» считали: поскольку в стране такое большое число потенциально недовольных, то нет необходимости предпринимать специальные меры для расширения влияния на массы и стоит лишь начать борьбу, как непременно найдутся сторонники. Большую роль, как полагали многие активисты, играют непосредственные действия, именно они вовлекают в борьбу массы. Политическая же программа, по мнению «простых», многих бы оттолкнула.

¹ Political Affairs, September, 1969, p. 43.

Члены СДО предпринимали попытки привлечь на свою сторону рабочий класс. В качестве образца рекомендовался опыт организации Индустриальные рабочие мира (ИРМ), которая в начале XX в. руководила мощными забастовками трудящихся и была инициатором активной политической борьбы.

И здесь нельзя не вспомнить принципиально важный вывод В. И. Ленина, сделанный им при анализе студенческой борьбы в России в период ее подъема в конце 1901 г.: «Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа, за политическую свободу*»¹.

В Соединенных Штатах насчитывалось 2300 университетов и колледжей, в которых было около шести миллионов студентов. Внушительная сила. Объединившись и выступив в поддержку требований трудящихся, студенчество могло бы содействовать успеху борьбы за коренное переустройство общества, а тем самым и за свои права.

Коммунисты США старались направить молодежное движение по правильному руслу. Еще в июне 1968 г., в дни подготовки похода бедняков на Вашингтон, орган Компартии США газета «Уоркер» опубликовала призыв: «Рабочие, студенты, сплывайтесь в борьбе за требования бедняков!»

В новой, принятой на XIX съезде программе партии коммунисты дали четкое определение своих целей, раскрыли сущность коммунистических идеалов и понятия «социализм».

«Социализм,— провозглашалось в Программе Компартии США,— это историческое средство достижения соци-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.

альных целей, которые мы разделяем с большинством американцев». И далее:

«1. Установить прочный мир и покончить со страхом ядерного уничтожения; осуществить сокровенную извечную мечту о братстве людей — создать всемирное братство свободных народов.

2. Построить жизнь, свободную от эксплуатации, страха за завтрашний день и лишений. Обеспечить всем материальное благосостояние и изобилие. Положить конец бедности, решительно ограничить преступность.

3. Добиться для чернокожих американцев полной свободы... Добиться свободы и справедливости для всех других угнетенных меньшинств. Добиться полного равноправия женщин.

4. Возродить и расширить демократию; положить конец угнетению элитой корпораций; создать подлинно гуманное и разумное общество, делающее возможным полный расцвет человеческой личности»¹.

Социалистическое общество, говорилось в программе, гарантирует все свободы, предусмотренные в Билле о правах. Эти свободы для подавляющего большинства народа обретут неизмеримо более глубокое содержание. Кроме того, в программе отмечалось, что все обучение в социалистическом обществе будет бесплатным, каждый человек получит безграничный доступ к бесплатному медицинскому обслуживанию и здравоохранению.

Выступая за укрепление влияния левых сил в демократических потоках американской жизни, Программа компартии дала анализ и критику идеологии и роли «новых левых» и других левых течений: реформистских, сектантских воззрений, идей ультралевых, показала, что антикоммунизм — главное идеологическое оружие империализма США.

Говоря о путях коренного преобразования американ-

¹ США: экономика, политика, идеология, 1974, № 1, с. 93.

ской социальной системы, компартия подчеркивала, что такие глубокие преобразования, какими является социальная революция, невозможно осуществить с помощью переворота или заговора. Их можно осуществить лишь при условии, что к политическому процессу удастся привлечь миллионы людей. Коммунисты предпочитали мирный путь революционных преобразований.

«Народ, разумеется,— заявили они,— должен быть готов к любому обороту событий... Но мы верим, что в сегодняшнем мире существует возможность установления такого соотношения сил, при котором монополистический капитал можно будет лишить возможности пытаться утопить в крови народную волю»¹.

Проблемам работы с молодым поколением посвящался специальный раздел программы. «...Молодежь,— говорилось там,— подвергается общему экономическому, политическому и социальному угнетению. Поэтому она участвует не только в борьбе тех классов и социальных слоев, к которым принадлежит, но и представляет собой особую силу, способную на объединение в широкой коалиции ради борьбы в защиту своих общих интересов. В этой объединенной коалиции особенно важная роль принадлежит молодым рабочим»².

Компартия анализировала глубинные причины политической активизации студенчества и молодежи в целом. Активная участница студенческого движения, коммунистка Беттина Аптекер в капитальной работе «Академическое восстание в Соединенных Штатах. Марксистский подход» отвергла концепцию новолевых идеологов о том, что якобы капиталистическое общество из эксплуататорского превратилось в «общество отчуждения». Она убедительно показывала, что факт отчуждения проистекает из иррациональности и противогуманной сущности импе-

¹ США: экономика, политика, идеология, 1971, № 1, с. 92.

² Там же, с. 83.

риализма, что является следствием эксплуатации, частного присвоения производимых обществом благ. Происшедшие в результате НТР изменения в способе производства, пишет Б. Аптекер, повлияли на структуру рабочего класса. Они побудили производственные отношения по-новому воздействовать на надстройку. Под влиянием революции в способе производства интеллигенция отныне сплошь и рядом выступает как составная часть рабочего класса. Это обстоятельство предопределяет ее новые отношения к революционному процессу. В эпоху НТР вообще изменилось отношение вуза как института общества к процессу производства и к обществу. Вуз теперь все больше готовит рабочих и мастеров для производства. Интеллектуалы и студенты, вопреки желанию, все чаще попадают в сферу рабочего класса.

Существенно видоизменяя роль интеллигенции в производственном процессе, НТР сближает положение ряда ее отрядов с положением рабочего класса и толкает на революционный путь. Ее судьба отныне неразрывно связана с судьбой рабочего класса в целом. Научно-техническая революция, как подчеркивает автор, создает объективные условия для завоевания невиданного числа интеллигентов и студентов на сторону революции и их освобождение зависит от результатов классовой борьбы.

Коммунисты призывали к упорной работе среди протестующей молодежи. Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл подверг резкой критике мелкобуржуазный радикализм, оказавший пагубное влияние на развитие американского революционного движения. Вместе с тем он призывал видеть разницу «между воинственностью и радикализмом молодежи, с одной стороны, и мелкобуржуазным радикализмом — с другой»¹.

Рост революционных настроений у молодежи США наряду с частичным восстановлением демократических

¹ Коммунист, 1970, № 15, с. 92.

свобод после периода маккартизма подготовил почву и позволил американским коммунистам приступить к созданию марксистско-ленинской молодежной организации США — Союза молодых рабочих за освобождение. Важным источником его кадров стала рабочая молодежь, юноши и девушки из «новых левых».

Учредительный съезд Союза был проведен в феврале 1970 г. в Чикаго, неподалеку от того места, где полвека назад была создана Компартия США.

На съезде присутствовало около 400 человек из 21 штата. Более половины делегатов составили молодые рабочие, почти треть — студенты.

Одной из главных целей Союза провозглашалось приобщение молодежи к идеям марксизма-ленинизма, вовлечение миллионов молодых американцев в борьбу за социалистическую революцию. В отличие от расплывчатой революционности студенчества, в программе Союза речь шла о борьбе за социалистическую революцию.

Гневно звучали на учредительном съезде протесты против полицейских репрессий. Слова бывшего руководителя марксистской молодежной организации Клубы Дюбуа Д. Тайнера: «Сегодня защита партии «Черные пантеры» — это передовая линия борьбы!» — были встречены овацией всего зала.

С яркой речью на съезде выступил Гэс Холл. «Во всех сражениях за социальный прогресс — особенно в момент критических событий, — заявил он, — молодежь является ударной силой».

Съезд избрал центральный комитет из 35 человек. В большинстве штатов страны Союз приступил к созданию ячеек. Вскоре на заседании Центрального Комитета Союза рассматривался вопрос о расширении влияния на разные слои молодого поколения. Отмечалось, что характерной чертой социального положения молодежи является то, что в большинстве она не включена в производственный процесс. Именно поэтому, чтобы повысить влияние

организации, необходимо больше внимания уделять нерабочей молодежи. В выступлениях членов ЦК предлагалось проводить боевые, интересные мероприятия и больше внимания уделять тому, что привлекает молодежь, в том числе спорт, организации развлечений.

Союз молодых рабочих за освобождение был единственной молодежной организацией США, присоединившейся к Всемирной федерации демократической молодежи. Коммунисты поставили перед ней задачу создания широкого молодежного фронта при сохранении независимости Союза.

Но, двигаясь по дорогам и перекресткам Соединенных Штатов Америки, мы несколько забежали вперед. Итак...

ЗАВОЕВАНИЯ И ПОТЕРИ

Осень 1969 года...

Мимо ограды Белого дома в скорбном молчании со свечами в руках медленно движется вереница людей: студенты Калифорнийского университета, рабочие Кливленда, служащие Нью-Йорка. На груди или в руке участника траурной процессии — табличка с фамилией американца, убитого во Вьетнаме, или с названием разрушенной вьетнамской деревни. Напротив дверей Белого дома демонстранты выкрикивают имена погибших солдат или названия уничтоженных вьетнамских деревень. Два дня и две ночи шла мрачная процессия. 47 тысяч имен и названий деревень прозвучали у ворот Белого дома. Таблички с именами опускались в деревянные гробы. После этого молодые люди подняли эти гробы на плечи и под траурную дробь барабанов понесли по улицам столицы. Вместе с молодежью на улицу вышли взрослые. Сотни тысяч людей с транспарантами «Мир Вьетнаму!», «Солдаты умирают — монополии наживаются» растянулись по главным улицам Вашингтона. Впереди процессии шла вдова Мар-

тина Лютера Кинга, доктор Бенджамин Спок, сенаторы, некоторые члены палаты представителей.

Сидячие забастовки — «сит-ины», публичное уничтожение призывных карточек, сжигание государственного флага, блокада Пентагона, траурные процессии, захват статуи Свободы и другие акции, рассчитанные на эмоциональный эффект, больше всего привлекали средства массовой информации, и это помогало пробиться к широкой общественности.

Осенние демонстрации 1969 г. показали, что антивоенное движение поддержано сотнями тысяч американцев, даже некоторыми официальными представителями властей. Мэр Нью-Йорка, например, в знак солидарности распорядился приспустить флаги над учреждениями города. С заявлениями в поддержку антивоенных мораториев выступили почти все претенденты в президенты от демократической партии. Они не могли не учесть господствующие настроения¹.

Тактика гражданского неповиновения и массовых демонстраций протеста была эффективным средством мобилизации общественного мнения. Но эти формы протеста все же не оказали ожидаемого воздействия на правящую верхушку. Начались поиски более радикальных средств воздействия, поскольку стало явным противоречие между возможностью требовать, протестовать и неспособностью эффективно воздействовать, изменять. Буржуазные свободы, как поняли молодые радикалы, оказывались иллюзией. Молодежь, которая приходила на смену «новым левым», так называемые «новые новые левые», была настроена еще более решительно. Она с сожа-

¹ О том, как изменилось в США отношение населения к агрессии во Вьетнаме, можно судить по результатам опроса института Гэллапа. В 1965 г. против войны высказалось 23% опрошенных, в 1969 г. — 58%, а в феврале 1971 г. — 73%, почти три четверти. — См.: США: экономика, политика, идеология, 1972, № 5, с. 115.

лением констатировала, что предыдущая борьба не принесла ожидаемых результатов.

В комитете сената США, изучавшем молодежное движение, констатировали, что некоторые молодые американцы сравнивают положение в США с фашистской Германией, а коммунизм представляется им, наоборот, системой, вселяющей большие надежды. Национальный секретарь организации Студенты за демократическое общество, критикуя американскую общественную систему, назвал ее расистской и империалистической. «Я верю,— заявил он,— что у нас произойдет революционное изменение общества»¹.

Как выявил Комитет конгресса по внутренней безопасности, заменивший инквизиторскую Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, в Джорджтаунском университете члены СДО обсуждали вопрос о необходимости в США революционных действий. Это был далеко не единственный случай.

Революционные призывы в большинстве случаев были вызваны неверием в возможности конституционных путей. Поскольку буржуазные пути воздействия на политику оказались иллюзией, последней надеждой, по мнению части радикальной молодежи, становилась революция.

В ответ на обвинения в нарушении законов страны популярный лидер молодых бунтарей Том Хейден, представший перед правительственной Национальной комиссией по предотвращению насилия, заявил, что если бы власти сами уважали законы, то не возникла бы необходимость их нарушать. Молодежь выступает против тех, кто ведет незаконную войну, притесняет негритянское население, имеющее по конституции равные права с белыми.

Американские идеологи разных направлений всерьез стали обсуждать проблемы законности революционных действий. Некоторые ссылались при этом на президента

¹ U. S. News and World Report, 1969, May 26, p. 14.

Авраама Линкольна, заявлявшего о конституционном праве народа на свержение неугодного ему правительства. Приводили также известное выражение автора Декларации независимости США Томаса Джефферсона о неотъемлемом праве народа на революцию.

Наряду с работами, утверждавшими неизбежность и правомерность революционных действий в США в том случае, если власти не проведут фундаментальных социальных реформ, как, например, книги Стофтона Линда «Интеллектуальные корни американского радикализма» (1968 г.), Уильяма Дугласа «Вопросы восстания» (1970 г.) и Эндрю Хаккера «Конец американской эры» (1970 г.), в США появилось немало работ, имеющих целью охладить пыл молодежи. Их авторы делали упор на отрицательные последствия революционных действий, писали о людских потерях, голоде, разрухе, пытались убедить мятежную молодежь в том, что революции-де никогда не приносят желаемых плодов и т. д. (например, в книге П. Бергера и Р. Неухауза «Движение и революция» (1970 г.). Показательна редакционная статья журнала «Тайм» «Опасность игры в революцию».

Ради задачи сдерживания нараставших среди молодежи радикальных настроений была мобилизована вся эрудиция советологов. В октябрьском и ноябрьском номерах журнала «Лайф» за 1969 г., издаваемого тем же самым концерном, что и «Тайм», продолжалось обсуждение темы революции. Если статья в журнале «Тайм» была рассчитана на интеллигенцию и студенчество, то «Лайф» адресовал свою продукцию обывателю, малообразованным кругам американского общества. Одна из его статей называлась «Может ли у нас произойти революция?». Отрицательно отвечая на этот вопрос, автор утверждал, что в стране якобы происходит процесс социальной революции, которая меняет образ мыслей, «порядок жизни и мировосприятия». По мнению автора, в обществе идет «культурная революция, направленная на изменение культур-

ных традиций». Те проявления насилия, которые имеют место в процессе такой революции, автор пытался объяснить склонностью к насилию, изначально присущему американскому обществу.

Средства массовой информации вовсю кричали о совершающихся в США «культурной», «технической», «зеленой», «мирной» и других «революциях».

Одна из версий специфически американской «мирной революции» была разработана в книге профессора Йельского университета Чарлза Рейха «Молодая поросль Америки». Признав большую притягательную силу идей леворадикальной молодежи, их широкое распространение, Рейх пытался доказать, что в Америке уже нет людей, которые в глубине души не хотели бы того же самого, что и большинство недовольной молодежи. Даже миллионеру, утверждал Рейх, станет лучше жить, если он променяет синтетический мир материального богатства на «любовь, творчество и личную свободу». И вот, когда достаточно большое число американцев решится переменить свой образ жизни, тогда, дескать, политические изменения придут естественно и безболезненно, а старые политические формы будут просто отброшены¹. В книге проводилась мысль, что формы открытой борьбы, бунты против социальной системы и властей, которые устраивает молодежь, исторически неоправданы, так как американское общество уже меняется «революцией с помощью сознания».

Нарисованная Ч. Рейхом картина утопична. Та революция, о которой говорит автор, — «без захвата политической власти», а путем «захвата механизма контроля», который якобы «не находится ни у кого в руках», да при благорасположении миллионеров — похожа на сказку.

Но вот одна мысль Рейха представляется любопытной. Он считает, что американское корпоративное госу-

¹ См.: *Замошкин Ю. А., Мотрошилова Н. В.* «Новые левые» — их мысли и настроения. — *Вопросы философии*, 1971, № 4.

дарство само себя разрушает. Оно «с максимальной эффективностью вырабатывает новое, революционное сознание, которое его разрушит», и саморазрушение его только начинается¹.

Многие «новые левые» разделяли эту точку зрения Рейха.

К концу 60-х годов некоторые критически мыслящие молодые радикалы пришли к таким выводам: революция — это не просто слом и разрушение, а фундаментальная перестройка политики, экономики, морали. Один из бывших руководителей американских «новых левых», Элдридж Кливер, вынужденный из-за преследований эмигрировать, писал: «Насилие — только одна фаза революционного процесса и не является самоцелью, оно лишь средство устранения власти, мешающей преобразованию системы. Это средство для экспроприации земли, естественных ресурсов, машин, всех средств производства, государственных институтов, чтобы изъять их из-под контроля тех, кто превратил их в инструмент для достижения собственных целей за чужой счет.

Представление о количестве радикально настроенной молодежи могут дать выборочные опросы, проведенные американскими социологами весной 1969 г.

По данным американской статистики, в этом году более половины населения США было моложе тридцати лет (и примерно половина его в возрасте от 17 до 30 лет). Опрошено было 723 студента и 617 человек неучащейся молодежи.

Вот некоторые результаты:

радикально настроенные — 11% (среди студентов — 12,8%);

реформаторы — 23% (среди студентов — 39,3%);

умеренные — 48% (среди студентов — 37,1%);

консерваторы — 19% (среди студентов — 10,8%).

¹ См.: Иностранная литература, 1971, № 9, с. 251.

Таким образом, треть опрошенных — это молодежь, выразившая серьезное недовольство общественной системой. Если же выделить студентов, то среди них к недовольным относили себя более половины.

* * *

Мартовским вечером 1970 г. один за другим три взрыва потрясли район Гринич Виллидж на 11-й улице в Нью-Йорке. Четырехэтажный особняк покачнулся и рухнул. Взорванный дом принадлежал бизнесмену, отдыхавшему вместе с женой на Карибских островах. Была вызвана аварийная команда. С большими предосторожностями начали разбирать руины. На третий день полицейские обнаружили трупы юноши и девушки и останки третьего человека. В первом этаже и в подвале дома были найдены запасы динамита и самодельных бомб.

Расследования показали, что взрывы — результат несчастного случая в подпольной лаборатории, устроенной молодежной террористической организацией «Революционная сила 9». А погибший юноша — один из ее руководителей, студент Колумбийского университета Теодор Голд, в недалеком прошлом член СДО, участник молодежных движений за гражданские права и против войны во Вьетнаме. Поначалу Голд считался умеренно левым, но, придя к выводу о бесперспективности мирных путей, решил, что для борьбы за перемены в социальной структуре США нужно использовать другие средства. Дочь владельца особняка была его помощницей.

Взрывы бомб в Нью-Йорке с конца 1968 г. раздавались все чаще и чаще. Они происходили в правительственных зданиях, возле помещений компаний, связанных с Пентагоном, у полицейских участков, в магазинах, на улицах и даже в школах. Взрывы потрясли три небоскреба, в которых помещались управления ведущих концернов «Интернешнл бизнесс машинз», «Мобил ойл» и «Дже-

нерал телефон энд электроник», наживавшихся на войне во Вьетнаме. По официальным данным, в 1969 г. в Нью-Йорке взорвалось 93 бомбы и 19 адских механизмов удалось обезвредить. Не менее половины взрывов, как утверждала полиция, было устроено по политическим мотивам. Среди них — протесты против агрессии во Вьетнаме, против расового неравноправия, против воинской повинности, против лицемерия и несправедливости властей и т. д.

Взрывы стали раздаваться в других крупнейших городах Соединенных Штатов. В Сиэтле (штат Вашингтон) за год, по официальным данным, было взорвано 33 бомбы. Прокуратура Калифорнии объявила, что за три летних месяца 1970 г. в штате в среднем в неделю взрывалось 20 бомб. Взрывы самодельных мин и бомб происходили также в штатах Мэриленд, Мичиган и других. При этом участились поджоги государственных строений. По данным сенатской комиссии, общий ущерб, нанесенный имуществу правительственных учреждений взрывами и пожарами с июня 1969 г. по июнь 1970 г., достиг 730 тыс. долларов, почти в 70 раз больше, чем в предыдущем году. 1 марта 1971 г. взрыв произошел в здании конгресса США.

Ключевую роль среди террористических групп занимала отколовшаяся от СДО организация под названием «Уэзермен» («Метеорологи»). Национальный совет ее принял решение превратить организацию в активную военизированную силу для «партизанских действий в городских условиях». Члены группы ушли в подполье.

Весной 1970 г. одна из групп «Метеорологов» — «Революционная сила 9» объявила, что проводимые ее членами взрывы — это протест против деятельности монополий, наживающихся на агрессии во Вьетнаме, на угнетении развивающихся стран и на страданиях и гибели людей в США.

Конспиративная группа «К стенке насильников» провозгласила в своем манифесте, что именно индивидуальный террор на улицах — это реальное будущее движения. Как сообщал журнал «Лайф», террористические группы организовали обучение своих членов подрывному делу, ввели строгую дисциплину, запрет на употребление наркотиков. В их состав входили и бывшие солдаты, вернувшиеся из Вьетнама.

Коммунисты предостерегали молодых радикалов от опасности терроризма, который создает ложное представление о революционном действии и отпугивает массы. «Тактика, нарушающая связи масс с передовым отрядом,— подчеркивал в выступлениях перед молодежью Гэс Холл,— это не революционная тактика... Настоящий революционер оценивается по его умению организовать и мобилизовать массы».

Напуганное происходившими событиями, правительство Никсона прибегло к жестоким методам подавления, искоренения духа протеста из университетов и колледжей. Расстрелы студенческих шествий, кровавые расправы над негритянской организацией «Черные пантеры», массовые аресты, судебные процессы над демонстрантами, фабрикация ложных обвинений и тюрьмы для наиболее популярных лидеров, раздувание антисоветизма — вот тот арсенал средств, к которым прибегла американская администрация.

Были срочно перевооружены и численно пополнены ряды полиции. Она использовала новейшие методы борьбы с беспорядками, такие, как вертолеты для бомбардировки молодежных митингов и захваченных студентами зданий гранатами со слезоточивым газом. В соответствии с новой тактикой полицейские агенты, переодетые под студентов, смешивались с толпой демонстрантов, а затем по сигналу одновременно с полицией начинали избиения и аресты «зачинщиков». Активистов «Черных пантер» хватали ночью дома, расстреливали прямо в постели.

Свои репрессии власти оправдывали действиями экстремистов, это служило им предлогом для гонений на прогрессивные силы.

По данным ФБР, в 1968/69 учебном году было арестовано 4 тыс. студентов, в 1969/70 г. — 7,2 тыс. В это время активизировали свою деятельность Комитет палаты представителей по вопросам внутренней безопасности, реакционные сообщества и организации. По признанию директора Федерального бюро расследований Эдгара Гувера, правительство старалось использовать разногласия между «новыми» и «старыми» левыми, чтобы воспрепятствовать их совместным действиям.

Как стало известно 10 лет спустя, руководство ФБР дало своим отделениям указание передавать в печать сведения, создающие картину лживой и порочной природы характеров, действий, привычек и образа жизни сторонников «новых левых», провоцировало терроризм, приказало «энергично и настойчиво изыскивать любые средства, могущие вызвать замешательство» в этом движении.

В недрах ФБР была разработана строго секретная программа «Коиинтерпро» — борьбы с организациями протестующей молодежи. Цель ее — дискредитация и устранение лидеров «новых левых», предотвращение появления руководителей, способных «объединить и наэлектризовать движение», путем подрыва изнутри добиться раскола и ликвидации демократических организаций и коалиций. Набор средств, предложенных этой программой, поражает своей изощренностью. В инструктивном письме, направленном ФБР в середине 60-х годов местным отделениям, для борьбы с движением протестующей молодежи рекомендовалось фабриковать фальшивые улики о сотрудничестве того или иного лидера «новых левых» с полицией, выпускать листовки, компрометирующие активистов, провоцировать между ними личные конфликты, раздувать вражду, рассылать в адрес родителей, администрации и опекунов вузов порочащие активистов статьи,

арестовывать их по обвинению в употреблении наркотиков, подбрасывать анонимные письма родителям, их соседям, работодателям, распространять материалы, высмеивающие идеи и образ действий «новых левых», готовить анонимки и листовки, компрометирующие тех преподавателей и аспирантов, которые поддерживали «новых левых», побудить печать и другие средства массовой информации «показывать», что протестующих ничтожное меньшинство, провоцировать и раздувать вражду между студентами и разными молодежными организациями, давать ложную информацию об отмене намеченных молодыми радикалами мероприятий. ФБР создавало фиктивные группы, от имени которых распространялись всевозможные провокационные материалы. Оно в изобилии рассылало фальшивки, разжигающие расовую вражду между СДО и «Черными пантерами», чтобы сорвать их совместные действия. За время существования программы «Коинтерпро» было проведено 285 операций.

Протестующая молодежь не имела крепкой организации, политического опыта и выдержки, чтобы противостоять этому наступлению.

На последнем этапе СДО ослабила поддержку борьбы прогрессивных сил, не выступала за их объединение и не вела активной войны с расизмом. Коммунисты отмечали, что ее лидеры не сумели понять идей классовой борьбы. Пагубную роль в СДО сыграли маоисты и троцкисты, проникшие в организацию полицейские агенты¹. В начале 70-х годов в СДО произошел раскол, и она распалась.

И все-таки массовые выступления молодежи продолжались. В апреле 1971 г. на антивоенную демонстрацию в Вашингтон съехались демобилизованные солдаты, ветераны войны во Вьетнаме. Они прошли мимо оцепленно-

¹ Агенты полиции были даже среди охранников лидеров радикалов. Так, руководитель «Метеорологов» Марк Радд был арестован своим телохранителем, оказавшимся полицейским агентом.

го полицией и войсками здания конгресса, с презрением швыряя ордена и медали на ступени Капитолия.

Через несколько дней тысячи молодых людей блокировали дороги к правительственным учреждениям. Это была упорная сидячая забастовка. «Если правительство не хочет остановить преступную войну,— заявляли забастовщики,— мы должны остановить правительство».

На расчистку улиц и шоссе дорог были брошены национальные гвардейцы. Для арестованных (почти 13 тыс. человек) не хватило тюрем и полицейских участков. Их водворили на срочно оцепленный колючей проволокой стадион имени Джона Кеннеди. Та самая молодежь, которую президент Кеннеди призывал к активному служению обществу, теперь была брошена в концлагерь, названный его именем.

С приближением президентских выборов правящий класс был вынужден считаться с общественным мнением и с позицией молодых избирателей. Силы буржуазных социологов, психологов, политологов были направлены на то, чтобы выявить причины бунта, обобщить требования, выдвинутые протестующими молодыми людьми, с тем чтобы, удовлетворив некоторые из них, попытаться убедить общественность в «серьезности усилий» администрации и ее благорасположении.

Одной из причин бурных манифестаций и насильственных акций недовольной молодежи было ее убеждение в отсутствии иных путей эффективно воздействовать на политику властей.

Некоторые молодые радикалы выдвигали лозунг «демократии участия», снижения избирательного возрастного ценза.

В 1971 г. конгресс вынужден был провести закон о снижении избирательного возраста до 18 лет. Пусть недовольные выражают свои настроения раз в два года голосованием, решили законодатели, а не демонстрациями и бунтами.

Но, увеличив тем самым число оппозиционных избирателей, правящий класс был вынужден осмотрительнее планировать стратегию борьбы на президентских выборах 1972 г. В них впервые должны были участвовать 18,5 млн новых молодых избирателей. Понимание серьезности возникшей проблемы прозвучало в выступлении Никсона, когда он говорил на всю страну: «Если нам удастся положить конец войне, если мы сможем отменить воинскую повинность, если мы сможем обеспечить рабочие места и равные возможности, не платя за это ценой войны и ценой усиления инфляции, то я полагаю, что молодежь, когда она увидит наши очень дальновидные программы, реформы управления, борьбу за охрану окружающей среды и тому подобное, будет привлечена на сторону нашей партии...» Американская администрация умышленно подчеркивала, что она отчетливо видит основные проблемы, выдвинутые молодым поколением, и намерена добиваться их решения.

Стратегия обсуждения насущных проблем в период предвыборной кампании в сочетании со сладкоречивыми обещаниями с давних пор играла значительную роль в американской двухпартийной системе. Но теперь, как стало очевидно, одних слов и хитроумных политических маневров было недостаточно.

Делая шаг навстречу требованиям «демократии участия», Вашингтон предпринял меры для расширения полномочий местных властей, увеличил средства, получаемые штатами из федерального бюджета для своих нужд, а также несколько увеличил ассигнования на просвещение.

Кроме того, администрация Никсона активизировала вывод американских сухопутных войск из Вьетнама, стала искать компромисса для прекращения военных действий, готовила программу отмены воинской повинности, предприняла ряд эффективных внешнеполитических ак-

ций, чтобы изменить в глазах собственного народа неприглядный политический облик правящей элиты США.

Серьезные усилия администрацией Никсона были приложены в целях нормализации отношений с СССР. Это тоже был ответ на давление общественности, в том числе молодежи, ибо именно она проявила большую заинтересованность в позитивном развитии советско-американских отношений.

ЭХО ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Дом внука Джека Лондона Барта Эббота стоит в дальнем конце заросшего непроходимым кустарником ущелья, на самой окраине Окленда, у склона Берклийской горы. Окно единственной комнаты дома выходит на восток, в сторону залива. Отсюда, правда, залив не виден, он далеко за складками ущелья. Перед фасадом зеленые заросли кустарника, верхушки деревьев и простор голубого калифорнийского неба.

Я беседую с тремя дочерьми Барта — с правнучками Лондона: Тэрнел, ей 21 год, Чэни, ей 23, и Дэрси, старшей, ей 26 лет. Здесь же их друзья. Все молодые люди — активные участники антивоенных демонстраций, подвергались арестам. А Тэрнел с Дэрси с бригадой «Венсеремос» («Мы победим») ездили, вопреки запрету госдепартамента, на Кубу помогать убирать урожай, встречались с представителями прогрессивной молодежи мира.

Девушки с сожалением говорят о спаде молодежного движения в США.

— Протестующими молодыми людьми было потрачено много энергии, — говорит Дэрси, — а результаты ничтожны.

— Правительство контролируется кучкой богачей, — вставляет Чэни, — и молодежь не знает, как добиться коренных перемен в системе.

— Мы все ожидали перемен в течение нескольких

лет,— продолжает Дэрси,— но отсутствие реальных сдвигов привело к тому, что теперь молодежь нашего возраста менее активна.

— Не видя результатов,— подтверждает Тэрнел,— молодежь пала духом, разочаровалась... Нет, она не потерпела поражение,— подумав, добавляет она.— Но, может быть, мы многого хотели добиться?

Чэпи считает, что молодые лидеры оказались нестойкими. Ее друг, Джерри, объясняя спад, подчеркивает, что не следует забывать и о репрессиях властей, о полицейских провокаторах, засланных в радикальные молодежные организации.

Барт убежден, что движение протестующей молодежи оказало огромное влияние на население и привело к переменам в стране. Он восхищен решением дочерей поехать на Кубу и думает, что для серьезных разочарований нет оснований.

«Раньше этих людей в конгрессе,— говорит он,— не интересовало, что мы думаем об этой войне во Вьетнаме. Они готовы были голосовать за новые и новые миллионы. Теперь — другое дело. Стойкости нужно учиться у вьетнамского народа, который сорок лет боролся за свободу и не падал духом, а стоял насмерть. Борьбе посвящают жизнь. Наша семья всегда принимала участие в борьбе... Нужно быть преданным идее освобождения человечества».

Мне не раз приходилось слышать мнение, которое высказывали молодые участники движения. И каждый раз они не скрывали своего разочарования результатами борьбы, несмотря на то что у массового молодежного движения были и серьезные завоевания.

Чувствуя угрозу всей социальной системе, американский правящий класс шел на уступки.

Президент Джонсон, отдавший приказ о вводе американских войск во Вьетнам, о начале бомбардировок ДРВ и осуществлявший эскалацию весной 1968 г., опасаясь

провала на выборах, был вынужден отказаться от выдвижения своей кандидатуры в президенты на второй срок и отдать распоряжение прекратить бомбардировки ДРВ. Новый президент Никсон объявил план «вьетнамизации» войны. Он сократил число призываемых в армию с 300 тыс. в 1969 г. до 50 тыс. в 1972 г. и дал указание не посылать солдат во Вьетнам без их добровольного согласия.

Много лет спустя, в мемуарах, сам Р. Никсон признается, что наличие мощного антивоенного движения, в котором принимали участие различные слои американского общества, все сильнее подталкивало его в сторону гибкого, невоенного решения вьетнамской проблемы и создавало серьезные ограничения для использования военной силы во внешней политике. Под давлением движений протеста, поддержанных общественным мнением не только в США, но и за рубежом, конгресс принял ряд законов в защиту гражданских прав негритянского населения и других национальных меньшинств США, а также закон о снижении возрастного избирательного ценза. В более чем 40 университетах и колледжах были отменены программы подготовки офицеров-резервистов. Учебные программы пересматривались с учетом современных требований. Возрос прием во многие учебные заведения негров, в программы вузов были введены циклы по изучению истории и культуры негритянского народа и народов развивающихся стран. Представители студентов были включены в университетские сенаты.

В 1973 г. правительство отменило обязательный призыв в армию. Первостепенную роль в таком решительном политическом повороте Вашингтона сыграла победа вьетнамского народа. Это была общая победа миролюбивых сил, и в эту победу внесла свой вклад прогрессивная молодежь Соединенных Штатов Америки.

Однако путем сложного тактического маневрирования — затяжек с принятием решений и контратак на ор-

ганизации протестующей молодежи и на ее наиболее активных и талантливых лидеров — правящему классу США в известной мере удалось разрушить в массовом сознании причинно-следственную связь между наступлением движения и уступками правительства. В результате у значительной части активных участников массовых демонстраций и у совсем юных американцев сложилось впечатление, что борьба молодежи существенного успеха не имела. В таком убеждении гнездились корни известного разочарования и неверия в свои силы, которые проявились у поколения американской молодежи 70-х годов.

«Одна из величайших ошибок, выпавших на долю «новых левых» в 60-е годы, — справедливо писал один из теоретиков движения М. Лернер, — это недооценка своих собственных достижений. Взяв утопический критерий для оценки своего успеха, движение с самого начала подорвало смысл и значение своей деятельности... Будучи не в состоянии ощутить собственную важность, левые ушли в себя, заболели сектантством и в конце концов распались»¹.

Одна из важных заслуг движения и причина его популярности состояла в том, что его лозунги и программа, весь комплекс требований опирался на высшие идеалы демократического и революционного прошлого Америки, передовых философов и политиков. Движение протестующей молодежи повысило значение морально-этических проблем в политике, таких понятий, как справедливость, человечность, подлинная демократия.

В защиту революционно-демократических идеалов выступили крупнейшие политические деятели, влиятельная пресса и средства массовой информации. Они же подхватили морально-этические лозунги молодежи, ее критику правительственных институтов и самого президента. На

¹ Lerner M. P. The new Socialist Revolution. New York, 1973, p. 230.

Этом этапе некоторые буржуазные органы массовой информации стали инициаторами разоблачений, а в дальнейшем — импичмента Р. Никсона, выявления противозаконной деятельности Центрального разведывательного управления и ФБР, привлечения государственных институтов к расследованию нарушения законов.

Пришедшие в движение деятели либеральной оппозиции перехватили эстафету протестующего поколения. К этому времени исчез главный и самый острый мотив недовольства для большинства, но не для той наиболее сознательной части молодежи, которая поняла, что корни зла не устранены. Участие студенческих представителей в работе университетских сенатов, по их мнению, не дало им возможности эффективно влиять на учебный процесс, что вскоре снизило интерес студентов к этому органу. К тому же предоставленные на какой-то период льготы для поступающих в вуз юношей и девушек национальных меньшинств и детей беднейших слоев общества, которые не в состоянии соревноваться на вступительных экзаменах с выпускниками частных школ и колледжей, постепенно отменялись. Неудовлетворенность молодежи протестующего поколения усугублялась сознанием того, что массы в данный момент невозможно поднять на новые активные выступления. Эта коллизия привела молодых радикалов к раздумьям и переоценкам.

Неудовлетворенность и разочарование молодежи самым непосредственным образом были также связаны с ухудшающимся экономическим положением США, которое сказывалось и на настроении, и на бюджете. Медленно, но неумолимо из года в год росла плата за учебу, сокращались дотации и число стипендий. Все ощутимее возникала угроза оказаться после окончания вуза без работы или же на месте не по специальности.

Осложнилось в 70-е годы положение молодых трудящихся. С недовольным студенчеством их сближал не только возраст и вытекающая отсюда общность интересов и

мировосприятия, но и экономическое положение, участие в обостряющейся классовой борьбе.

Важным психологическим итогом развития политических событий и одним из решающих факторов воздействия на последующую социальную активность молодого поколения явилось все нарастающее недоверие к правительству и государственным институтам. Опубликованные журналом «Ньюсуик» данные красноречиво показывали, как падало доверие американцев к правительству. Если в 1964 г. об этом заявили 76% американцев, то в 1966 г.— 65%, в 1968 г.— 59, в 1970 г.— 53, в 1972 г.— 52, в 1974 г.— 36, в 1976 г.— 32%.

К 1971 г. обнаружилась тенденция к снижению доверия к таким государственным институтам, как двухпартийная система, бизнес, профсоюзы, верховный суд. Иными словами, большинство молодых людей было убеждено, что реальная власть в стране сосредоточена в руках большого бизнеса и гигантских финансовых учреждений (так считали 51% студентов), а не у конгресса (так все еще думал 31%) и не у президента (как полагало 23%) и уж конечно не у демократической и республиканской партии (как надеялись 3% студентов). 58% заявило, что американская система правления только называется демократической, на самом же деле «управляют делами особые интересы», а массы заставляют поверить, будто их мнение учитывается. С мнением о том, что США являются в основном расистской страной в 1969 г. были согласны 38% опрошенных студентов, в 1971 г.— 37%.

Опросы молодежи показывали рост среди студенчества недоверия, отчуждения и даже отчаяния, по сравнению с 1968—1969 гг.¹ Число студентов, считающих американ-

¹ В 1968—1973 гг. в США проводились детальные систематические опросы студентов. В 1968 и 1969 гг. было взято 32 вуза по всей стране, в 1970 г.— 20 вузов. Более основательным был опрос 1971 г. 1244 студентов в 50 американских университетах и колледжах. Наконец, самый широкий опрос-интервью (по 1—2 часа) был

скую систему достаточно гибкой, чтобы решить серьезные проблемы, беспокоящие общество, согласно опросам, год от года убывало.

К 1971 г. из перечня проблем страны студентами выделены важнейшие — война во Вьетнаме (56%), загрязнение окружающей среды (40%), борьба с бедностью (29%), борьба с расизмом (23%). К концу 1970 г. число противников войны во Вьетнаме достигло 75%¹.

К 1973 г. возросло количество студентов, которые считали необходимым провести коренные изменения в политических партиях, профсоюзах, в большом бизнесе².

Особенно важным представляется вопрос об отношении молодежи к частной собственности. Если в 1969 г. 75% опрошенных студентов заявили о своей приверженности принципу «частная собственность неприкосновенна», то в 1971 г. число их упало до 69%. А 15% студентов выступили за национализацию частной промышленности.

Наиболее активными участниками движения протеста были «новые левые». По данным опросов, к ним относили

проведен в 1973 г. среди 3522 молодых людей от 16 до 25 лет (из них 1006 студентов). Опросы проводились под руководством известного американского социолога Д. Янкеловича. См. *The Changing Values on Campus*. New York, 1972; Jankelovich D. *The New Morality*, New York, 1974.

¹ Данные даются по анализу, проведенному в Дартмутском колледже.

² За коренные изменения высказались (от общего числа опрошенных; в %):

	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1973 г.
в военных ведомствах	61	72	67	54
в политических партиях	58	67	54	61
в конгрессе	—	38	34	34
в университете	32	43	35	31
в профсоюзах	43	48	32	38
в большом бизнесе	38	50	48	54

себя в 1969 г.— 13%, в 1970 г.— 14% и в 1971 г.— 11% студентов. В 1971 г. среди «новых левых» молодежи до 21 года было 51%, старше 21 года — 49%. Если среди всех опрошенных молодых людей 19% оказались выходцами из семей «синих воротничков», то среди «новых левых» процент «синих воротничков» был выше — 22%. Такая статистика опровергала утверждение буржуазных ученых о якобы меньшей политической активности выходцев из рабочих семей. Среди «новых левых» было 83% белых граждан, 56% (против средней цифры 38%) — молодых людей, специализирующихся по гуманитарным и социальным наукам.

Как и следовало ожидать, взгляды новолевой молодежи оказались более радикальными и критическими, нежели студенчества в целом. Так, 73% «новых левых» (против 45% студентов) были убеждены, что США — «больная страна», 88% (против 57%) считали американскую систему недемократичной. 99% (в отличие от 81% всех студентов) считали, что экономические блага распределяются несправедливо; 82% (против 58%) полагали, что реальная власть в стране сосредоточена в руках гигантских корпораций и финансовых учреждений, 93% (против 80%) — что США — расистская страна и 89% (против 73%) — что двухпартийная система не дает реальной альтернативы. В 1971 г. 65% (против 27%) были убеждены в необходимости радикальных перемен, замены социальной системы. Заметно большее число «новых левых» (44% против 25% студентов) высказалось за организацию новой партии, а 40% против 15% всех студентов поддержало предложение о национализации частной промышленности. И 35% «новых левых» (против 11% студентов), то есть в три с лишним раза больший их процент, готовы были работать «во имя создания условий для революции».

«Новые левые» в массе были готовы на гораздо более решительные действия, нежели студенты в целом. Так, по

их мнению, всегда оправданы «сит-ины» — 56% (в отличие от 26% студентов), уничтожение призывных списков — 34% (9% студентов), укрытие политических заключенных — 40% (в отличие от 13% студентов), блокада зданий — 21% (5% студентов).

Обращает на себя внимание факт, неразрывно связанный с умонастроениями молодого поколения начала 70-х годов. Это его тяга к природе; желание жить ближе к земле, в сельскохозяйственных и небольших провинциальных городах выразили 43% опрошенных студентов. 36% их заявили о своем желании пожить в коммуне.

Движение за коммуны уже к 1969 г. получило особенно широкое развитие. Небольшие группы молодых людей охотно объединялись в коллективы для совместного ведения хозяйства и совместной жизни, снимали в удаленных местах дома, участки земли, уходили от цивилизации на лоно природы, старались изолироваться от общества в узком мире близких себе по духу, пытались строить отношения на принципах естественности и искренности, как одна семья. Среди инициаторов коммун были и такие, которые полагали, что этим путем удастся преодолеть социальные барьеры и опробовать образцы ячейки будущей новой общественной системы.

Из города бежали оставившие колледж, университет, школу, безработные и бросившие работу, разочарованные юноши и девушки.

Основой для одних коммун служили религиозные мотивы, причудливая смесь христианских и восточных верований. Другие опирались на принципы анархистских, утопических, примитивно «коммунистических» концепций. Были коммуны хиппи, коммуны группового брака, коммуны молодежи, объединенные идеей соотечественника Г. Торо, призывавшего к гражданскому неповиновению правительству и к естественной жизни в единстве с природой. В отличие от Генри Торо, подчеркиваем, ком-

муны — это уход от «постиндустриального общества», но не от общения, не от людей. Скорее, это стремление к более тесному и постоянному общению между людьми, к возможности самораскрытия перед теми, кто тебя понимает.

Большинство коммун противилось известности и не рассматривало себя как часть движения. Их участники отнюдь не стремились всех увлечь на свой путь. Эти «коммунары» хотели, чтобы их оставили в покое. Они прогоняли любопытных туристов и корреспондентов. Но были и такие, которые жаждали рекламы, призывали к себе последователей. Реклама была нужна на первых порах и тем, кто собирал себе группу единомышленников.

Начавшее постепенное развитие в середине 60-х годов, движение за организацию коммун с особой силой распространилось в 1969—1970 гг., когда число этих сельских коллективов перевалило за 2 тыс. Причем эта цифра не включала тысячи подобных коммун, возникших в городах.

Молодежь проявила интерес к литературе о коммунах. Наибольшую известность снискали книги ее современников Б. Ф. Скиннера «Уодлен-два», Р. А. Хейнлейна «Чужой в чужом краю», А. Хаксли «Остров».

Обратились молодые американцы и к зарубежной классике, и к многочисленным книжечкам, брошюрам и статьям современных теоретиков и практиков, не замедливших появиться в США. Стали даже выходить журналы, посвященные животрепещущей теме.

Коммуны, как казалось молодым людям, помогали преодолеть классовые и социальные барьеры, избежать пороков капитализма, установить новые образцы семейных отношений. Они, по мнению молодых людей, обеспечивали в «век технотронной цивилизации» пасторальную свободу и здоровый быт. Коммунальное течение радовало политиков из правящего класса, ибо содействова-

ло психической разрядке молодежи, дробило коллективы бунтарей, направляло их недовольство в сторону от движений протеста и содействовало успокоению в кампусах.

Неприятие молодым поколением ханжеской буржуазной морали теперь выливалось в призывы к сексуальной свободе, «свободной любви». «Движение за сексуальную свободу для молодежи,— пишет писатель-публицист Филип Боноски,— стояло в том же ряду, что и движение против истеблишмента, цензуры, войны». В движении против пуританизма молодежь видела борьбу за свободу человека. «Для «новых левых»,— продолжает Боноски,— борьба за сексуальную свободу была составной частью борьбы за свободу политическую»¹.

Традиционному общественному институту брака противопоставлялись «новые образцы жизни в коммуне и новые формы религиозного выражения».

Студенческая молодежь отвергала также расхожее мнение о том, что экономическое благосостояние — обязательный источник свободы и достоинства личности. Взjala она под сомнение и господствовавший взгляд, будто образование — это прямая дорога к успеху.

По мере деэскалации американской агрессии во Вьетнаме и других уступок правительства менялись взгляды и поведение молодых американцев. Уже в 1971 г. намечается тенденция к некоторому спаду молодежного движения. Так, 28% опрошенных признали, что теперь они менее, чем в прошлом году, готовы к участию в движении протеста. Меньший процент студентов теперь был склонен и к тактике насильственных действий. Буржуазные социологи и политики считали эти данные доказательством разочарования студентов в движении протеста. Значительная часть молодежи теперь считала нецелесообраз-

¹ Боноски Филип. Две культуры. М., Прогресс, 1978, с. 145, 151.

ным использование жестких форм протеста. Они вновь начинали верить в возможность работы в рамках закона. Утверждению этих взглядов способствовали и маневры властей.

В начале 70-х годов студенты колледжей пришли к выводу о возможности «совместить самовыражение» с различным финансовым вознаграждением, которое позволяло бы им жить в соответствии «с их стилем» вне работы. Вырос процент желающих работать с лидерами общин и федеральным правительством. Постепенно, но неуклонно увеличивалось число студентов, цель поступления в колледж у которых в основном была практическая, а именно — продвижение по лестнице карьеры, повышение заработка и социального статуса.

Больше стало и таких, которые поверили в гибкость системы, ее способность решить социальные проблемы.

О некотором возрождении, например, иллюзий, связанных с буржуазными партиями, свидетельствовал ответ на вопрос: «Предлагает ли двухпартийная система реальную альтернативу?» В 1970 г. 38% считало, что нет, а в 1971 г. заметно меньше — 29% студентов.

Несколько вырос процент веривших в гибкость американского строя, его способность справиться с имевшими место социальными противоречиями.

Однако по ряду важнейших позиций во взглядах студентов не произошло поворота в желательном для правящего класса направлении. Напротив, мнение о том, что США правят определенные группировки, укрепилось. Число сторонников этой точки зрения даже выросло. Заметно росли критические настроения среди нестуденческой молодежи. Если в 1969 г. 44% этой молодежи требовали коренной реформы американской партийной системы, то в 1973 г. такой точки зрения придерживалось уже 64%. В 1969 г. лишь 24% нестудентов признавали необходимость решительных преобразований в большом бизнесе, а в 1973 г. их число выросло до 45%. Подчерк-

нем здесь тот факт, что 44% нестуденческой и 27% студенческой опрошенной молодежи причисляли себя к рабочему классу.

Треть опрошенной трудящейся молодежи считала Америку «больным обществом». В том, что американский образ жизни — лучший в мире, в 1973 г. были убеждены всего лишь 18% трудящейся молодежи и 12% студентов.

Важное значение религии в 1969 г. признавали 38% студентов и 64% нестуденческой молодежи. В 1973 г. среди нестуденческой молодежи религию считало важной 42%, среди трудящейся молодежи — всего 37%.

43% молодых трудящихся полагали, что реальная власть сосредоточена в руках гигантских корпораций, 94% — что бизнесмены слишком озабочены прибылью, чтобы обладать гражданской ответственностью. 89% трудящейся молодежи считали, что международная политика США основывается на узкоэкономических интересах и жажде власти.

Молодые трудящиеся называли следующие институты, требующие фундаментальных реформ: политические партии (67%), карательные органы (53%), большой бизнес (48%), военная машина (42%), профсоюзы (35%).

Впоследствии разрыв между студентами и трудящимися по политическим вопросам заметно сократился.

Интересно сравнить политические ориентации трудящейся и безработной молодежи. Выявляется более критическое отношение безработных в отношении к обществу в целом, к государственным институтам, силам принуждения и подавления. Так, 39% безработной молодежи (при 33% трудящейся) в 1973 г. считали США больным обществом. 38% ее (при 26% трудящейся) предпочли бы жить в другой стране или другом обществе. Заметно больше безработных выступало за коренные реформы военного комплекса (46% против 42% трудя-

щихся), ФБР (39% против 30%), верховного суда (32% против 24%).

Безработная молодежь, возможно в силу своего сравнительно более низкого образовательного уровня, менее глубоко понимала главные пороки социального строя. 33% молодых безработных считали, что реальная власть в стране сосредоточена в руках гигантских корпораций.

Интересно отметить, что в отличие от трудящейся молодежи, у которой в шкале личностных ценностей на первом месте была любовь (90%), на втором — самовыражение (88%) и на третьем — дружба (86%), у безработной молодежи, наоборот, на первом месте — дружба, на втором — тоже самовыражение, а на третьем — любовь.

Горячий отклик у молодого поколения нашли идеи равноправия женщин. Большинство молодежи отныне считало, что женщины за равный труд должны получать зарплату наравне с мужчинами, что они должны быть свободны в инициативе, касающейся взаимоотношения полов. С другой стороны, большинство отвергло идею о том, что женщины в состоянии выполнять почти любую работу так же хорошо, как и мужчины.

Как показали опросы, девушки-студентки, хотя и относились к себе в большинстве к либералам, в массе были настроены заметно более консервативно, нежели юноши. Правда, как и юноши, студентки считали, что страна управляется довольно плохо или даже очень плохо (62%) и что либо необходимо радикально преобразовать систему, либо вообще ее следует заменить (27% юношей и 26% девушек), что она недемократична, а народу с помощью пропаганды навязывают чужие интересы (57% — 58%). Они были единодушны с юношами во мнении, что США — расистская страна (81%), что необходимо в корне реформировать или даже распустить политические партии (54%) и запретить большой бизнес (45%). Од-

нако заметно больший процент девушек полагал, что экономические блага распределяются несправедливо (85% против 79% юношей). Вместе с тем значительно меньшее их число верило в улучшение экономической конъюнктуры в ближайшем году (17% против 35% юношей).

Но больше девушек считали левых радикалов такой же угрозой, как и правых (89% против 85% юношей), и они были менее убеждены в необходимости фундаментальных реформ или ликвидации профсоюзов (33% против 45% юношей) и ФБР (35% против 43%). Больше их выступало за уважение закона и порядка (43% против 39%). Лишь 16% высказалось за участие в движении протеста, половина студенток (против 33% студентов) готова была работать с лидерами общины, 62% (против 51%) возражало против методов насилия.

Девушки с большей готовностью, нежели юноши, принимали власть и авторитет полиции, поддерживали акцент на закон, порядок и авторитет хозяина на работе.

Большее их число считало аморальным разрушение частной собственности (77% против 68%) и было убеждено в ее неприкосновенности (72% против 66%). Они более религиозны (39% против 23%). 5% причисляло себя к радикалам (14% студентов). С «новыми левыми» себя идентифицировало 7% девушек (при 15% юношей).

Судя по опросу 1971 г., девушки-студентки с большей решимостью готовы были «сдерживать коммунизм», поддерживать «позицию США в мире» и «выполнять военные соглашения США».

Таким образом, вопреки сложившемуся традиционному мнению, хранительницы домашнего очага выглядели более «воинственно», и правящая элита попыталась использовать эти настроения женской половины молодого поколения для решения пропагандистских задач.

Следует подчеркнуть, что, согласно анкетным данным, в отличие от студентов, студентки более молоды (почти две трети до 21 года) и вышли из более обеспеченных и образованных семей. Свыше половины их (52%) — из семей профессионалов, менеджеров и другого начальства (у студентов таких 46%), лишь 17% их (20% у юношей) — из семей «голубых воротничков».

Важным и новым явлением стало то, что молодые американцы требовали воплощения в жизнь целого ряда своих пожеланий. Они выдвинули программу социальных прав, которая включала право на бесплатное медицинское обслуживание (за него высказалось 54% молодежи), на участие в решениях, оказывающих влияние на работу (53%), на бесплатное высшее образование для детей (48%), на пенсию (37%), на труд (24%).

Изменились представления о том, что считать успехом в жизни и что приносит человеку подлинное удовлетворение.

Было поколеблено освященное традицией мнение, что каждый американец, будучи достаточно инициативен и настойчив, может достичь желаемого положения на общественной лестнице. Карьера всегда была надежным мерилом значимости личности. Предприимчивость, энергичность, лавирование, умение «делать деньги» считались характерными чертами американца.

Разоблачение эксплуататорской сущности империалистического производства, его бездуховности повлияло на престиж труда в системе ценностей молодого поколения.

Американские социологи с особой тревогой как признак упадка нации отметили падение среди молодежи числа тех, кто признает ценность труда. Если в 1969 г. 79% нестуденческой молодежи и 57% студенческой считали, что упорный труд всегда окупается, то в 1973 г. этот процент соответственно снизился до 56 и 44.

Для все более возрастающего числа молодых рабочих

сами по себе деньги не являлись более достаточным побудительным мотивом согласия на тяжелую работу.

Из 35 возможных критериев привлекательности работы возможность зарабатывать больше помещалась где-то в конце списка, в числе последней десятки. Согласно опросам молодых рабочих, в перечне наиболее важных требований, предъявляемых ими к труду: на первом месте — дружески настроенные коллеги (68%), на втором — интересная работа (66%), далее — хорошо оплачиваемая работа, работа, дающая возможность видеть результаты своего труда, возможность использовать умственные способности, работа, позволяющая развивать способности и мастерство; за работу, не требующую тяжелого физического труда, высказалось всего 18% опрошенных.

Как заявляли американские исследователи, понимание индивидуумом успеха уже не было так неразрывно связано с владением собственностью, со статусом, деньгами. Для большинства минуло то время, когда положение в иерархии определялось маркой автомашины: от «шевроле» к «бьюику», от «бьюика» к «понтиаку», затем к «олдсмобилю», «кадиллаку». Новые ценностные выражения вращались вокруг различных форм самоосуществления.

Под самоосуществлением личности подразумевается то, что мы нередко передаем понятием «состояться как личность».

В системе личностных ценностей американская молодежь от 16 до 25 лет важнейшей в 1973 г. считала любовь, самоосуществление, дружбу, семью, образование, труд.

Участие в классовой борьбе, вся атмосфера массовых движений протеста и разоблачения капиталистической системы формировали в сознании значительной части молодого поколения США отрицательное отношение к капитализму. Серия политических убийств (среди погиб-

ших — президент Д. Кеннеди, его брат, кандидат в президенты Р. Кеннеди, лидер негритянского движения Мартин Лютер Кинг и ряд других политических деятелей), провалы внешней и внутренней политики правительства оказали воздействие на психологию масс молодежи. Среди них становилось больше тех, кто все отчетливее понимал неправоту дела, за которое выступали правящие круги. Это вело к духовной травме, падению моральных устоев. Если в целом по стране за период с 1965 по 1976 г. число самоубийств выросло на 25%, то среди молодежи 15—24 лет оно увеличилось более чем в два с половиной раза — с 1876 до 4747. Основные мотивы, толкающие многих молодых американцев на самоубийство, — это социальная несправедливость, утрата веры в себя, разочарование в жизни и неспособность найти в ней достойное место. По мнению американских социологов, главные причины: 1) необходимость соперничать при получении работы и в погоне за успехом, что не всякий подросток выдерживает; 2) неурядицы в семье (почти половина первых браков кончается разводом); 3) полная стрессов общественная жизнь; 4) разрушающие личность наркотики.

Значительно выросла среди молодежи преступность. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» привел следующие цифры роста тяжких преступлений, почти половину которых совершала молодежь: 1964 г. — 4,5 млн, 1973 г. — 10 млн. За 10 лет преступность возросла на 124%, а с учетом роста населения — на 91%.

В 1972—1974 гг. еще два события внутренней жизни поразили американцев — раскрытое взяточничество вице-президента Агню, налоговые махинации президента Никсона и его причастность к установке подслушивающих устройств в штаб-квартире демократов в гостинице «Уотергейт».

С 1973 г. молодые американцы стали отдавать приоритет проблемам внутренним, хотя до этого в течение

34 лет (!) на первом плане всегда были проблемы внешней и военной политики.

На рост общественно-политического сознания молодежи США непосредственное влияние оказал опыт классовой борьбы, революционной мысли международного рабочего и демократического движения. Подведем некоторые итоги.

Одной из важнейших причин развития массовых движений протестующей молодежи в конце 60-х — начале 70-х годов явилось то, что американский империализм потерпел поражение во Вьетнаме.

Усиление политизации молодежи и ее антиправительственная борьба были также одним из важнейших результатов научно-технической революции в США.

Как отмечалось в документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., научно-техническая революция порождает новые противоречия. «Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства»¹.

В результате ускоренного развития науки и техники, промышленного производства в условиях государственно-монополистического капитализма стало особенно очевидным противоречие между гуманистической сущностью науки и техники, их возможностями давать человечеству блага и негуманистическим использованием их результатов в преступных войнах, в умножении сверхприбылей, в росте ассигнований на военные исследования, в уничто-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 298.

жении природы, загрязнении среды и нанесении вреда здоровью.

Непосредственные предпосылки протеста у молодежи 60-х годов иные, чем были, скажем, в 30-е годы. Не экономический кризис и не угроза фашизма стали пружиной, приводящей в движение молодое поколение, а разочарование в оказавшихся фальшивыми морально-этических ценностях американского общества и неспособность оказать воздействие на правящую элиту.

В условиях, когда научно-техническая революция создала материальные предпосылки социального прогресса, общественному сознанию стали особенно возмутительны бедность, экономические и финансовые кризисы. Создание страшных средств массового уничтожения, угроза гибели цивилизации требовали повышения политической ответственности, бдительности. Власть над природой, которую давала человечеству научно-техническая революция, сделала еще разительнее и нетерпимее тот нигилизм в духовном и культурном развитии, к которому пришло американское общество.

Государственно-монополистический капитализм в условиях научно-технического прогресса привел к бюрократизации общественных институтов, к господству массовой культуры, к бессовестному игнорированию интересов населения во имя корыстных целей международных монополий и конгломератов.

Научно-техническая революция с ее потребностью в образованных кадрах привела к значительному численному росту хорошо информированных и критически мыслящих молодых людей среди студенчества.

Вместе с тем расширение информации и непосредственных контактов между населением различных стран способствовало распространению объективных знаний, гуманистических идей, ознакомлению с революционно-демократическими традициями, историческим опытом и реальным положением в других странах. Все вместе взятое

сделало очевидными, более острыми противоречия между демократическими идеалами и практической деятельностью администрации США.

Ознакомление с политикой и положением других стран помогло молодежи выработать критический взгляд на дела и политику ведущих политических деятелей Соединенных Штатов.

Наконец, не последнюю роль сыграл интенсивный численный рост молодежи. К концу 1968 г. в США было около 23 млн человек 18—24 лет. К 70-м годам произошло еще большее омоложение нации. Студенчество стало массовой социальной группой, имеющей свои ценности, идеалы и интересы, складывающиеся под влиянием особых условий жизни и деятельности. Причем численный рост этой группы, связанный с научно-технической революцией, происходил как за счет увеличения количества учебных заведений, так и путем значительного расширения многих уже существующих университетов и колледжей.

Студенты в основной массе активно поддерживали различные формы общественного протеста. Широкий аспект проблем, на которые они откликнулись, естественно наводил на мысль о существовании более глубоких мотивов для недовольства.

В эпоху империализма и научно-технической революции в такой развитой капиталистической стране, как США, в период экономической стабилизации наблюдался усиленный интерес молодежи к вопросам войны и мира. Именно молодежь становится одной из серьезных сил, которые сдерживают империализм от активных милитаристских акций, в том числе и от развязывания не только так называемых «малых» войн.

Политические взгляды, интересы и идеалы студента, безусловно, зависят от его социального происхождения. Но кроме того на мировоззрение студента все заметнее оказывает влияние его новое положение в обществе.

Множеством нитей студенчество связано с научной, технической и творческой интеллигенцией. Оно отражает и выражает ее политические воззрения, идеалы и настроения.

По мере развертывания научно-технической революции все отчетливее выявлялась тенденция превращения интеллигента в наемного рабочего. Его труд, как и труд рабочего, создает прибавочную стоимость, присваиваемую капиталистом. Он имеет и социально-экономические условия жизни, сходные с условиями жизни американского рабочего.

Большая масса студентов выходит на рынок рабочей силы и занимает в техноструктуре то же место, что и квалифицированные рабочие в промышленности, в значительной степени утрачивая специфические черты и привилегии интеллигенции.

Условия жизни и труда порождают у различных слоев интеллигенции, а вместе с ней и у студенчества, воззрения, направленные против старых и новых форм экономического, социального и политического гнета.

Интеллигенция, как писал В. И. Ленин, «потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»¹. А студенчество, по словам Ленина, «является самой отзывчивой частью интеллигенции»².

В конце 70-х годов среди студентов США значительно повысилась доля выходцев из рабочих семей. Кроме того, подавляющее большинство современных студентов часть года работает. Одним это необходимо для того, чтобы обеспечить прожиточный минимум и иметь средства для уплаты за обучение. Другим, имеющим достаточно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 343.

² Там же.

средств, просто нравится иметь возможность «делать деньги»¹.

Если учесть продолжительность каникул, то в среднем студент может работать в году более 3 месяцев. Чаще студенты работают на сезонных работах, в сфере обслуживания. Обычно это неквалифицированный труд.

Участвуя в трудовом процессе, студенты находятся в контакте с потомственными рабочими, в аналогичных с ними условиях, испытывают их влияние. Причем то обстоятельство, что студент предпочитает временную работу и вынужден вновь и вновь искать новое место, дает ему возможность общаться с представителями многих профессий, испытать их условия труда и познакомиться с их взглядами. Но в то же время студенты приносят в рабочую среду свои взгляды и знания.

Место студента в классовой борьбе определяется не только его социальным происхождением, но и новыми условиями жизни, социальными связями, которые он устанавливает в период учебы и каникул.

Необходимо принимать во внимание эту двойственность социального положения студенчества. И хотя вследствие своего отношения к средствам производства, к экономическим и политическим рычагам студенчество не может быть решающей силой революции, оно стало той силой, которая в ряде стран активно выступила за коренные преобразования капиталистического общества. В. И. Ленин, как известно, причислял радикальных студентов к «передовым слоям революционной демократии»². Именно из рядов студентов, отмечал Ф. Энгельс, «должен выйти тот пролетариат умственного труда, который

¹ По данным министерства труда, 70% американских студентов подрабатывают, 54% студентов работают от 10 до 19 часов в неделю и 8% — от 35 до 40 часов в неделю. См. также: США: студенты и политика, с. 27.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 346.

призван плечом к плечу и в одних рядах со своими братьями рабочими, занятыми физическим трудом, сыграть значительную роль в надвигающейся революции»¹.

В ряде случаев студенты были зачинщиками народных выступлений. В. И. Ленин так анализировал события октябрьской Всероссийской политической стачки 1905 г.: «Завязкой московских событий были происшествия чисто академического, на первый взгляд, характера... Студенты получили право сходов... На студенческие сходы повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат»².

Существенная разница русского опыта, в отличие от США, состояла в том, что молодежно-студенческие движения России сочетались с активизацией политической борьбы рабочего класса.

В укреплении связи американской учащейся молодежи с рабочим классом немаловажную роль играет трудящаяся молодежь. С прогрессивным студенчеством ее сближает не только общность возрастных интересов, но и экономическое положение.

Тяготы материального положения молодых трудящихся обусловлены не только их сравнительно более низкой заработной платой, но и семейными обстоятельствами. В большинстве случаев именно в молодых семьях жены вынуждены оставить работу для воспитания детей. К тому же такая семья нуждается в средствах для оплаты квартиры, приобретенных в рассрочку вещей и т. п.

Возможности молодых рабочих воздействовать на принятие администрацией решений весьма ограничены. В США они вообще не имеют авторитетной организации, которая бы специально занималась молодежными проблемами.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 432.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 376—377.

Несмотря на заметный рост интереса к марксизму, процесс консолидации леворадикальной молодежи с авангардом рабочего класса — Компартией США — чрезвычайно затруднен, как затруднена и вся деятельность американских коммунистов. Государственный аппарат, организации и сообщества капиталистов используют все средства, чтобы воспрепятствовать проникновению марксизма-ленинизма в массы, консолидации сил прогресса.

Студенческое движение Соединенных Штатов встречается немало препятствий на пути к взаимодействию с рабочим классом, в том числе — активное сопротивление правых профлидеров.

Однако наряду с общностью социальных интересов рабочего класса и студенчества между ними, естественно, имеются и существенные различия, которые тормозят взаимодействие этих социальных групп. Можно выделить постоянно и временно действующие различия. Первые связаны с общественным местом рабочего, с его большим жизненным и трудовым опытом, с наличием у него семьи и, соответственно, необходимости заботиться о ее материальном достатке и ее будущем, что ведет к осторожности и практицизму, определенному недоверию к молодым людям с их книжными знаниями, нетерпеливостью и максимализмом. Здесь речь идет не только о чисто возрастном факторе. Согласно, например, данным исследований, для молодых рабочих характерны более ранние браки и в связи с работой на производстве — более раннее «повзросление», чем для студентов. Скептическое отношение рабочих вызывали одежда, вкусы, жаргонный язык молодежи.

Рабочий постоянно рискует быть уволенным, он связан коллективным договором с предпринимателем, производственной дисциплиной. Рабочий не может, как это может студент, покинуть рабочее место для участия в той или иной политической демонстрации. Для этого он дол-

жен получить поддержку подавляющего большинства рабочих предприятия.

К тому же для основной, наиболее влиятельной массы рабочих, которая вышла из призывного возраста, «малые войны» не представляли непосредственной угрозы их жизни.

К временно действующим факторам относится и более прочное социальное положение рабочего по сравнению со студентом, и то, что социально-психологическую атмосферу американского общества пронизывает культ индивидуализма, личного успеха как решающего средства улучшения социального положения. В силу особенностей исторического развития материальные и социальные завоевания пролетариата США выступали на поверхность как результат экономической, «тред-юнионистской» борьбы. Это способствовало выработке соответствующего тред-юнионистского сознания (в ущерб политическому), которое и стало в американском рабочем классе господствующим. В практике США было немало случаев, когда бастующие рабочие отказывались от помощи студентов.

Однако немало было и фактов совместных выступлений рабочих и студентов. Студенты участвовали в пикетах, помогали забастовщикам выпускать газету и листовки, организовывали бойкот продукции компаний, охваченных забастовкой. Они проводили разъяснительную работу среди населения в целях организации помощи стачечникам, работали на кухне, где готовили обеды бастующим и их семьям, препятствовали найму штрейкбрехеров. На одном из заседаний СДО была разработана программа «уорк-ип»: студентам рекомендовалось поступать на заводы для пропаганды целей борьбы студенчества и разоблачения преступного характера войны во Вьетнаме. Это своеобразное «хождение в народ», начавшееся в конце 60-х годов, продолжалось и в 70-е годы, и позже. В штате Висконсин активную деятельность в этом направлении

развернула молодежная организация «Висконсин элай-енс».

В ряде случаев рабочие присоединялись к молодежным демонстрациям, поддерживали требования студентов.

Вот некоторые примеры взаимодействия рабочего класса и студенчества в борьбе. В июне — октябре 1963 г. в Мэдисоне (штат Висконсин) во время забастовок ремонтников студенты Висконсинского университета приняли активное участие в создании глухих пикетов у авторемонтных мастерских и помогли наладить выпуск и распространение газеты забастовщиков «Пикет лайн ньюз». Они же провели энергичную работу по разъяснению требований и оказанию помощи стачечникам. Среди студентов обсуждался вопрос о создании в университете постоянной группы «Друзей труда».

В 1964 г. активисты организации Студенты за демократическое общество участвовали в крупнейшей забастовке сельскохозяйственных рабочих Калифорнии.

В начале 1968 г. учащиеся штата Пенсильвания, обсудив на заседании своей организации забастовку рабочих резиновой промышленности, боровшихся за повышение зарплаты и улучшение условий труда, решили принять участие в демонстрациях бастующих, работали на кухнях, где готовились обеды для их семей, и помогали выпускать бюллетень забастовки.

На конференции СДО в октябре 1968 г. была принята специальная программа действий по укреплению связей с рабочими. Она ставила цель: «1) развернуть борьбу вокруг таких вопросов, как рост университетов, объединяя студентов с рабочими районов, примыкающих к студенческим городкам; 2) поддерживать местные забастовки; 3) осуществить проект «уорк-ин», то есть рекомендовать студентам летом поступить работать на заводы; 4) поддерживать выступления негритянского населения, включая проведение демонстраций у казарм национальной гвардии во время восстаний в гетто; 5) проводить разъ-

яснительную и лекционную работу в кампусах, направленную на разоблачение антирабочих идей; 6) основные усилия сосредоточить на том, чтобы всю работу повернуть в защиту рабочего класса».

Ближайшим же летом члены СДО стали поступать на заводы компаний «Дженерал электрик», «Юнайтед эйрлайнс», на железные дороги с целью ведения разъяснительной работы о преступном характере войны во Вьетнаме и о задачах борьбы студентов. Они оказывали помощь трудящимся в забастовочной борьбе.

Выходящая в Вашингтоне профсоюзная газета «Лейбор» предупреждала хозяев и лидеров соответствующих профсоюзов об опасности такой инфильтрации активистов СДО. Газета раскрыла «план» студентов. Участники этого «уорк-ина», чтобы не получить отказа при устройстве на работу, должны были «постричь волосы и соответственно переодеться». Первые дни, по словам газеты, студенты имели инструкции ничем себя не выдавать, а лишь приглядываться и изучать обстановку. Только спустя месяц им рекомендовалось выбрать объект для агитации.

Студенты и молодые преподаватели университетов и колледжей в 1969 г. оказали активную поддержку мощной, 102-дневной забастовке на предприятиях корпорации «Дженерал электрик». Студенты и выпускники университетов и колледжей ходили в пикетах, распространяли листовки, убеждали местных жителей оказать поддержку бастующим, организовывали бойкот продукции Дженерал электрик и вели агитацию в студенческих городках против вербовщиков на предприятия корпорации¹.

Весной 1971 г. студенты университета Западной Виргинии приняли участие в стачке шахтеров. Они собирали средства для семей бастующих и вместе с рабочими стояли в пикетах.

¹ Как позже выяснилось, информация о планах СДО была получена хозяевами и профсоюзами от ФБР.

В противовес стратегии, направленной на разобщение студентов и рабочих, в феврале 1970 г. впервые в истории США было создано объединение производственных профсоюзов совместно с организациями университетских преподавателей и студентов. В его создании участвовали такие профорганизации, как Объединенный профсоюз работников автомобильной и авиационной промышленности, Профсоюз шоферов грузовых машин и складских рабочих, Объединенный профсоюз швейников, Объединение профсоюза электриков, Американская федерация служащих, Профсоюз работников торговли, представители профсоюзов сталелитейщиков, нефтехимической и атомной промышленности, учителей, сельскохозяйственных рабочих, и другие. От преподавателей в образовании этого объединения приняли участие представители Гарвардского университета, Массачусетского технологического института, Калифорнийского, Колумбийского, Кливлендского университетов, Вашингтонского института политических исследований. Учащиеся и студенты были представлены руководителями студенческих организаций ряда штатов.

В некоторых университетах студенты выступили с развернутыми предложениями объединить свои усилия с усилиями рабочих кампусов и выдвигали совместные требования.

В Калифорнии в г. Ричмонде инициатива совместных действий исходила от рабочих. За принятие помощи от студентов и поддержку их требований, предъявляемых ими к администрации Государственного колледжа Сан-Франциско, голосовали рабочие нефтедобывающей промышленности. В Буффало во время забастовки железнодорожников, запрещенной, кстати, профсоюзом, ее руководители тоже обратились за содействием к студентам.

Молодые рабочие, бывшие студенты, стали связующим звеном между студенчеством и рабочим классом. «Они — представители более радикального поколения. Они более восприимчивы к социалистическим идеям. Именно им,—

говорил в докладе на XIX съезде компартии Гэс Холл, — должны мы уделять главное внимание в наших усилиях по концентрации действий среди промышленных рабочих».

Как показывали события, молодые рабочие чаще начинали переходить к организованному протесту. Об этом говорила целая серия стачек, проведенных в 1972 г. молодыми рабочими и служащими в Лордстауне (штат Огайо) в знак протеста против увольнения их товарищей компанией «Дженерал моторз». Молодые рабочие давали больше примеров межрасовой солидарности и совместных действий, чем старшее поколение, а молодежь составляла треть всех членов профсоюзов, и все большее ее число избиралось в их руководящие органы, в забастовочные комитеты. Возросшая боевитость и новые требования, выдвигаемые молодыми, усиливали давление на реформистское руководство профсоюзов по всей стране.

К этому времени все больше рабочих старшего поколения склонялось к поддержке антивоенных выступлений молодежи. В 1967—1969 гг. рядовые члены профсоюзов и особенно молодые трудящиеся все чаще стали заявлять о разрыве с политикой поддержки войны, высказывались за мирные переговоры и прекращение американского участия во вьетнамской аванюре. С такими же предложениями выступили и местные комитеты ряда профсоюзов. За немедленное прекращение агрессии во Вьетнаме и с требованием перевода американской экономики на рельсы гражданского производства весной 1969 г. выступило профобъединение Союз профсоюзных действий, в которое вошло почти 4 млн рабочих. Он принял активное участие в мораториях, сотрудничал с организациями противников войны.

Беспрецедентное в истории американского рабочего движения событие имело место в мае 1970 г., когда профсоюзами и студентами был выдвинут план совместного массового митинга перед муниципалитетом Нью-Йорка.

Созданные два комитета сформулировали следующие требования: «Прекратить немедленно войну во Вьетнаме и Камбодже; протестовать против убийств в Кентском университете, в Аугусте и Джексоне; прекратить репрессии против несогласных и протестующих». Совместное воззвание подписали 15 представителей профсоюзов и 15 представителей университетов и колледжей. Это была первая в Америке коалиция рабочих и студентов для совместной борьбы за мир. В состоявшемся 21 мая массовом митинге приняло участие 50 тыс. человек. Если в 1967 г. против агрессии США во Вьетнаме высказывались 34% членов профсоюзов, то в 1971 г.— 64%, а к лету 1972 г.— уже 79%. О высоком проценте участия в политической борьбе трудящейся молодежи говорили события августа 1968 г. в Чикаго, у здания, где проходил съезд Демократической партии. Во время массовых демонстраций, разогнанных полицией, из 668 арестованных было 32,6% студентов, 43% рабочих и служащих. Из них три четверти — в возрасте до 25 лет. Почти половина арестованных — жители Чикаго и его пригородов, остальные приехали из других штатов¹.

Особенно тесное взаимодействие наладилось между профсоюзом сельскохозяйственных рабочих Калифорнии и студентами. Последние в течение многих месяцев оказывали помощь молодому профсоюзу в организации по всей стране бойкотирования продуктов, производимых калифорнийскими фирмами,— вина, фруктов, овощей. Не только в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, но и в Нью-Йорке, Чикаго, Мэдисоне на молодежных митингах и фестивалях, в местах большого скопления народа можно было встретить юношей и девушек, продающих эмблемы калифорнийского профсоюза сельскохозяйственных рабочих и собирающих для него деньги, увидеть листовки, объясняющие причины и цели борьбы рабочих.

¹ См.: *Фурсенко А.* Критическое десятилетие Америки. 60-е годы. Л., Наука, 1974, с. 296.

Подъем молодежно-студенческого движения в США, рост революционного сознания трудящейся молодежи дали возможность Компартии США значительно пополнить ряды молодыми членами. На XX съезде компартии, проходившем в феврале 1972 г., более трети делегатов было моложе 30 лет. Произошло также заметное омоложение руководящего ядра компартии. В избранном на XX съезде Центральном Комитете КП США из 60 членов 14 было в возрасте до 30 лет. В Национальном совете партии, состоящем из 120 членов,— 40 молодых людей до 30 лет. Кандидатом в вице-президенты США от компартии на президентских выборах был выдвинут руководитель Союза молодых рабочих за освобождение Джарвис Тайнер. 70-е годы давали новые стимулы развитию движения американской молодежи.

ПОСЛЕВЬЕТНАМСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Я хорошо помню этот день, 5 июня 1974 г., и митинг, собравший на залитой солнцем центральной площади кампуса в Беркли две тысячи студентов. Девушка открыла его заявлением о начале публичного суда над несправедливым решением канцлера университета закрыть школу криминалистики (аспирантуру юридического факультета) и сократить ассигнования на исследования этнических особенностей развивающихся народов.

Из листовок, распространенных накануне, и из бесед со студентами мне было известно о намеченном на сегодня студенческом суде. Дело в том, что губернатор Калифорнии (тогда им был Р. Рейган), которому не нравилась политическая активность прогремевшего на всю страну «красного кампуса» в Беркли, урезал ассигнования университету. Канцлер университета решил упразднить аспирантуру юридического факультета, занимавшуюся изучением (да еще с марксистским уклоном) корней преступности в США, а чтобы не бросалась в глаза политическая подоплека решения, сократил также ассигнования на изучение развивающихся народов.

Все громче звучат мужские голоса. Это объявили о поддержке молодежной демонстрации Профсоюзом сельскохозяйственных рабочих Калифорнии. Его делегаты появились на трибуне и под восторженные крики молодежи развернули красный флаг с символом профсоюза — расправившего крылья орлом на фоне белого круга. А в сто-

роне на минуту-две кто-то поднял над головами флаг Демократической Республики Вьетнам. Толпа волнуется, скандирует: «Народ — да!»

С балюстрады второго этажа корпуса, где я стою, мне видно, что толпа молодежи окружена дюжими парнями в штатской одежде. Это не студенты. В отдалении проехала машина с телекамерой — она передает властям информацию с места событий.

Толпа шумит. Студенты университета и государственного колледжа Сан-Франциско не раз с готовностью откликались на просьбы рабочих о помощи в их борьбе. Теперь о своей солидарности со студентами заявили рабочие. Суд, на котором выступили «обвинитель» и «свидетели», заканчивается. Канцлер признан «виновным в преступлении против народа». Многотысячный молодежный поток с транспарантами устремляется по улицам студгородка к зданию юридического факультета.

Полиция с карабинами, в пуленепробиваемых жилетах и касках стоит наготове. Между тем часть демонстрантов с петицией, излагавшей просьбу о поддержке, пошла к зданию городского муниципалитета.

Наутро из газет я узнал, что студенты захватили помещение школы криминалистики и устроили там сидячую забастовку. На фотографиях было видно, как полицейские с дубинками бесцеремонно вытаскивали из подъезда поборников справедливости. Волнения продолжались несколько дней, но канцлер не изменил своего решения.

В те же июньские дни 1974 года в отделении Калифорнийского университета, расположенного на юге, в Санта-Барбаре, студенты протестовали против сокращения лекций по афро-американской культуре.

* * *

70-е годы для американской экономики — напряженное время. Впервые реально встала проблема энергосырьевых ресурсов. Циклические кризисы капиталистиче-

ского хозяйства переплетались с сырьевым, энергетическим, экологическим, усугубляя их. А система госмонополистического регулирования не смогла ни предотвратить, ни даже смягчить явления упадка.

Ослабевала роль американского капитала в мире. США потеряли 20% своей доли в мировой торговле, усилилась их экономическая зависимость от мирового капиталистического хозяйства. Однако монополии продолжали наживаться, переноса все тяготы экономических неурядиц на плечи трудящихся. Неуклонно росли инфляция и безработица, наблюдалось падение производительности труда. По жизненному уровню США переместились на пятое место в мире¹. Покупательная способность среднего рядового рабочего с 1972 по 1977 г. сократилась на 2,1%, а в 1978 г. — еще на 1,4%. За первый квартал 1979 г. она упала еще на 4,5%².

Начало экономического спада пришлось на 1974 г. Этот год по числу выступлений трудящихся стал рекордным — более шести тысяч забастовок³. Причем заметный рост участников в забастовочном движении отмечался среди работников сферы услуг, где большой процент молодежи⁴ и медицинских работников. Среди американцев в возрасте 20—24 лет в 1974 г. свыше половины — 57,1% — были рабочие промышленности и транспорта и 15,2% — студенты⁵.

Американская молодежь проявляла политическую активность в сложнейших условиях.

¹ См.: Противоречия современного американского капитализма и идейная борьба в США. М., 1984, с. 22—27.

² См.: Кокошин А. А. США за фасадом глобальной политики. М., 1981, с. 110.

³ См.: США: обострение социальных противоречий и массовые демократические движения. М., 1980, с. 7.

⁴ См.: Ершов С. А. Забастовочное движение в 70-е годы. — США: экономика, политика, идеология, 1980, № 1, с. 24—25.

⁵ См.: США: экономика, политика, идеология, 1975, № 11, с. 60.

Уже в 1973 г. в США не стало прежних бурных и массовых, в масштабах всей страны, проявлений студенческого протеста. Некоторым американским политикам и социологам показалось, что отлив массового движения якобы свидетельствует о примирении молодого поколения с существующим социальным строем и об укреплении исконно американских идеалов, прошедших через горнило испытаний. Заговорили даже о том, что на смену бунтующему поколению 60-х годов пришло «затихшее» или, как выражались некоторые политологи, «новое молчаливое поколение».

Журнал «Тайм» с нескрываемой радостью писал: «Ныне старый политический активизм и революционные страсти полностью исчезли из университетов... Новые настроения студентов поразительно похожи на настроения «молчаливого поколения» 50-х годов». Между тем бурное молодежное движение уступало место кропотливой работе в рамках капиталистической системы, задаче обеспечить выполнение законов, изложенных на бумаге. Оно как бы распалось на мелкие кружки и группки, которые либо старались вести работу среди трудящейся молодежи, как, например, «Висконсин элайенс бригайд» в штате Висконсин, либо среди национальных меньшинств, как организация «Ля раса» в Калифорнии. В нескольких городах развернула борьбу с безработицей «Коалиция молодежи». Некоторые из бывших «новых левых» увлеклись идеями «малых дел» — организацией медицинского, юридического и прочего обслуживания беднейших слоев населения, просветительской деятельностью в микрорайонах, созданием радикальных кружков молодежи для переоценки опыта борьбы и поисков эффективных путей преобразования строя.

По данным института Гэллапа, в начале 1974 г. более половины студентов работали на общественных началах среди бедных и непривилегированных — вот куда теперь направлялась энергия молодежи.

«Эра конфронтации в кампусах и студенческой революционности,— справедливо писал американский социолог Р. Флэкс,— закончилась не потому, что она потерпела поражение, а потому, что она исчерпала свои возможности»¹. Снижение интереса к старым формам протеста шло параллельно с процессом переоценки идеалов и ценностей. От выступлений против отдельных недостатков капиталистической системы молодежь переходила к критике основных ее институтов, к отрицанию самой государственной системы. При этом отчетливо наметился поворот учащейся молодежи к сближению с рабочим классом и встречный процесс — сближение социальных и моральных ценностей трудящейся молодежи с ценностями радикального студенчества.

Настало время для поисков новых форм борьбы. Студенты, казалось, теперь все яснее осознавали ограниченность своих возможностей без союза с другими социальными группами. Многие из них к тому же поняли, что фундаментальные реформы в университете не могут быть произведены без коренных социальных реформ.

Новый этап молодежного движения характеризовался не только новыми формами, но и некоторыми сохранившимися старыми, которые в сочетании, взаимовлиянии и взаимодействии порождали новые черты послевьетнамского поколения.

Новый этап был обусловлен, с одной стороны, победой, одержанной демократическими и антивоенными силами, с другой — уроками борьбы и изменившимися социальными условиями.

Поворот молодого поколения в сторону классовых интересов общества опровергал концепцию «молодежь — класс», сторонники которой утверждали, будто при определении политического лица молодежи ее социальное происхождение и классовая принадлежность являются вто-

¹ *Flacks R. Youth and Social Change. Chicago, 1972, p. 101.*

ростепенными факторами, а гораздо важнее ее принадлежность к «возрастному классу».

Специфически молодежные проблемы отошли на второй план перед общими для всех трудящихся проблемами капиталистического общества, углубленными социально-экономическим кризисом. Молодежное сознание, по меткому выражению ученого-марксиста Г. Грина, «отступало перед более общим социальным и классовым»¹. А формы и методы борьбы молодежи стали развиваться в русле традиционных форм и методов классовой борьбы старшего поколения.

В обстановке социально-экономического кризиса сильное влияние на поведение трудящейся и студенческой молодежи стало оказывать стремление удержаться на рабочем месте. Как известно, ухудшение экономического положения автоматически не приводит к политической и социальной активности. В условиях роста инфляции и безработицы преобладающим может оказаться фактор страха перед возможной потерей рабочего места. Боязнь потерять работу и репутацию благонадежного человека служила причиной отказа от радикальных действий.

Соединение настроений «политического отчуждения» с чувством бессилия и опасений за собственную судьбу приводит к разным вариантам поведения личности. Как показано в работе советского исследователя Ю. А. Замошкина², одна личность, резко отрицательно настроенная к основным общественным институтам, в практической деятельности может оставаться конформистской. У другой, склонной к экстравагантной реакции, такие настроения легко перерастают в озлобленность, которая может выражаться и в хулиганских поступках.

¹ *Green Gil.* What's Happening to Labor. New York, 1975, p. 210.

² См.: *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке. Опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М., «Мысль», 1980, с. 210—212.

Дело, кроме того, не только в том, что молодые люди озабочены своим положением в обществе, но и в падении жизненного уровня многих и многих, в общем ухудшении социально-экономического климата. Вместе с тем, поскольку кризис затрагивал весь капиталистический мир, он помогал молодым людям осознать свои бедствия как непосредственный результат присущих капиталистической системе пороков. Это уже готовило новый, более высокий уровень политического сознания.

В 1974—1978 гг. массовые выступления американской молодежи, по далеко не полным данным, имели место в Калифорнийском, Чикагском, Техасском, Висконсинском университетах, в колледжах штатов Коннектикут, Невада, Айова, Нью-Джерси, в Сан-Франциско, Хартфорде, в Нью-Йоркском, Гарвардском, Кентском и других университетах.

Власти и полиция, наученные опытом прошлого, старались локализовать конфликт, не идти на обострение. Если прежде полиция нередко получала приказ разогнать демонстрантов, то теперь она оцепляла место митинга, старалась изолировать протестующих. Центральные и наиболее влиятельные средства массовой информации старались не афишировать эти волнения.

Сравнительные социологические обследования показывали нарастание критических процессов и переоценку в сознании молодой и прежде всего трудящейся Америки.

Отныне молодые американцы далеко не были убеждены, что их образ жизни лучший в мире, а будущее США — будущее всего человечества. Если 15—20 лет назад рядовой американец упорно защищал американский образ жизни и социальную систему Соединенных Штатов, не прочь был не только предлагать, но даже навязывать ее любому народу, то к середине 70-х годов в разговоре на эту тему он предпочитал промолчать или, во всяком случае, не был так самоуверен и настойчив.

В 1976 г. почти половина молодых американцев, имеющих теперь право голоса с 18 лет и возможность впервые голосовать за президента, вообще не приняла участия в выборах. И трое из каждых четверых заявили о том, что не являются сторонниками ни одной из двух сменяющих друг друга у кормила власти партий. Их отнюдь не удовлетворяла двухпартийная система, провозглашаемая правящим классом вершиной демократии.

Немало молодых людей, разочаровавшихся в окружающем мире и в своих возможностях, стали искать выход в мистике, в религиозных сектах различных восточных верований (дзэ-буддизм, Кришна, мунисты, дети Христа). Индуистские и буддийские религиозные движения, получившие заметное распространение в США, не являлись альтернативой молодежному радикализму. По мнению советских и прогрессивных американских ученых, это был тоже вызов обществу, своеобразный акт протеста. Во всяком случае, социологические обследования показывали, что молодые участники этих движений находятся на более левом фланге политического спектра, чем даже некоторые нерелигиозные американцы. А в вопросах морали они оказались антагонистами «новых правых» и христианских ортодоксов так называемого «морального большинства»¹. Буржуазные идеологи, социологи убеждались в том, что миллионы американцев не верят правительству, разочарованы в политических лидерах и вообще испытывают чувство отращения к власти. Американская нация, по выражению политиков, переживала «комплекс недоверия».

Результаты опроса 1976 г. свидетельствовали о росте недоверия молодежи к правительству и к различным государственным учреждениям. Убеждение, что партии заинтересованы лишь в голосах избирателей, поддержало

¹ См.: США: экономика, политика, идеология, 1985, № 8, с. 42—43.

62,9% молодежи. С мнением, что конгресс утерял связь с народом, согласилось 74,6% молодежи. 42% молодежи выразили убеждение, что «люди вроде меня не могут повлиять на действия правительства», 53% считало, что «правительственным чиновникам все равно, что думают люди вроде меня». Точку зрения о том, что правительство выполняет волю немногочисленных, но влиятельных группировок, поддержали 66,8% молодежи. Опрос Чикагского национального центра общественного мнения, проведенный в 1976 г., показывал, что «целиком доверяют» правительству 11,5% молодежи, «иногда» — 65,9%, «почти не доверяют» — 22,6% (при этом доля «почти не доверивших» среди негритянской молодежи составила 50%). По данным предвыборного опроса, всегда доверяло правительству лишь 4,6% молодежи («иногда» — 56,9%).

* * *

Весной и летом 1974 г. автору настоящих строк довелось провести ряд обстоятельных бесед с американскими учеными и преподавателями 10 университетов и центров по изучению общественного мнения, а также с некоторыми профсоюзными и молодежными руководителями. Темы бесед — проблемы американской молодежи и перспективы молодежного движения.

Председатель Профсоюза портовых грузчиков и складских рабочих западного побережья Гарри Бриджес твердо заявил, что американская молодежь за последние несколько лет сыграла огромную, пожалуй, самую существенную роль, помогая народу понять истинные, позорные цели агрессии Соединенных Штатов во Вьетнаме. Бриджес отметил также большие заслуги молодого поколения в борьбе с расизмом и за демократизацию образования.

Большинство ученых (профессор Висконсинского университета М. Зайтлин, профессор Калифорнийского университета Р. Флакс, профессор университета Рутгерса Л. Карлинер) отрицали возможность появления «нового

молчаливого поколения». Они считали, что поскольку старые проблемы в основном остаются, то не исключены новые выступления и их вероятность возрастет в случае возникновения новых социальных катаклизмов.

Если представления ученых о мировоззрении и роли студенчества в общественной жизни и его борьбе при некоторых различиях были в общем более или менее едины, то мнения о воззрениях и роли трудящейся молодежи нередко существенно различались. Отчасти это объяснялось слабой изученностью проблемы. О протестующем студенчестве, его взглядах за предшествующие 6—8 лет было написано огромное число работ, а об идеологии и ценностных ориентациях молодого рабочего в американской науке глубоких исследований почти не было.

Директор Школы для рабочих активистов при Висконсинском университете Р. Озанн категорически заявил, что среди рабочих не наблюдается никакого повышения интереса к радикальным идеям; не было, по его словам, в 70-е годы и усиления их активности в борьбе за свои права.

«Молодежь чаще меняет работу,— говорил Р. Озанн,— больше переезжает с места на место и чаще несогласна с традициями и образом жизни своих отцов. Возросло среди рабочей молодежи потребление наркотиков и больше стало внебрачных связей... Возможно, молодежь сегодня менее удовлетворена своей работой, если она скучна и однообразна, но это объясняется тем, что молодое поколение не пережило трудностей и лишений, которые перенесли старшие в кризисные 30-е годы и позже, или тем более те, кто иммигрировал в Америку из европейских стран, перенес там военные невзгоды».

Р. Озанну вторил профессор этой школы М. Либертхолл. Он тоже считал, что требования, предъявляемые рабочими, в основном все те же.

Среди важных особенностей нынешних молодых рабочих профессор Либертхолл назвал их более высокий

образовательный уровень. Поэтому они лучше знают свои права. «Не потребности,— подчеркнул мой собеседник,— их они хорошо понимали и прежде, а именно свои права».

Оскар Паскал, ведающий международными делами в департаменте образования Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности (г. Детройт), полагал, что требования, выдвигаемые современной рабочей молодежью, мало чем отличаются от требований, выдвигаемых в 30-е годы. Сегодня молодежь хочет больше свободного времени, улучшения условий труда и настаивает, чтобы труд не был изнуряющим и отупляющим. По его мнению, в отношениях между трудом и капиталом перемены все же происходят. Он говорит, что упразднены «черные списки», в которые некогда заносились активисты, что компании стараются разнообразить труд, идут на отмену часов обязательного прихода на работу и ухода, с тем чтобы сама бригада, заинтересованная в зарплатке, воздействовала на опоздавшего и прогульщика. По мнению О. Паскала, интерес рабочей молодежи к наркотикам и влияние на нее теорий свободы любви преувеличены.

Директор Института трудовых и промышленных исследований в Анн-Арбор (штат Мичиган) доктор Ч. Римус утверждал, что молодые рабочие не так крепко держатся за свое место и открыто выражают желание участвовать в принятии решений по вопросам, касающимся их труда. По мнению научных сотрудников этого института, ряд лет изучающих заводы, где работает в основном молодежь, профсоюзы в 70-е годы стали внимательнее относиться к требованиям рабочих и больше занимались вопросами улучшения их труда.

Директор по образованию Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности Чарльз Янси сетовал на трудности вовлечения молодежи в профсоюз. Поскольку молодые люди не участвовали в борьбе за создание профсоюза, говорил он, они не имеют представле-

ния о том, каких гигантских усилий это стоило, практически не знают, как много рабочие смогли добиться, завоевав и отстояв свое право на организацию и совместные действия. Однако молодежь недовольна: она считает, что профсоюз должен делать больше, что он недостаточно действен и активен. Хотя условия жизни и труда рабочих теперь другие, чем 10—20 лет назад, молодые люди требуют безотлагательного улучшения для себя.

Как можно судить, у молодых трудящихся разочарование ощущается гораздо острее, нежели у рабочих старшего поколения. Неуклонно возрастающая стоимость жизни приводит их в отчаяние. Бичом является безработица, которая особенно высока среди негритянской молодежи. В автомобильной промышленности уже в 1971 г. безработица среди негритянской молодежи, например, в Детройте достигала 50% при общих средних по городу 14% безработных. А в последующие годы положение заметно ухудшилось.

Профессор Л. Карлинер, который специально занимался проблемами рабочей молодежи, считал, что экономическое положение молодого рабочего отличается в худшую сторону от положения рабочего старшего поколения и именно это является главной причиной его недовольства.

Недостаток средств — это только одна из трудностей. Другая серьезная трудность состоит в том, что качество образования, получаемого детьми рабочих в школах, и особенно в тех, которые расположены в небольших городках, недостаточно для успешного соревнования на экзаменах с выходцами из состоятельных семей.

Исследования социологов показали, что молодые рабочие испытывают неудовлетворение и разочарование, работая молодежь год от года все более критически смотрит на общественную систему.

Мне довелось беседовать с молодыми рабочими Детройта. Двадцатипятилетний электрик Д. Стивенс (у него

жена и трое детей) убежденно говорил мне, что многое нужно менять в обществе. Другой молодой рабочий телефонной компании, Т. Шеуэр, убежден, что давно назрела необходимость в коренных переменах. Особый протест как у молодого, так и у старшего поколения вызывает соглашательская политика профсоюзных лидеров.

Коммунистическая партия США отмечала, что молодые рабочие вносят существенный вклад в борьбу профсоюзного движения и именно они стали главной силой массовых выступлений. Вместе с тем американские коммунисты указывали на то обстоятельство, что некоторые молодые рабочие проявляют склонность к неоправданно суровой критике профсоюзов и даже встают на антипрофсоюзные позиции. А иные оказались под влиянием анархистских настроений или стали жертвами пьянства и наркомании¹.

В Тезисах XX Национального съезда КП США подчеркивалось, что много предстоит сделать Союзу молодых рабочих за освобождение для расширения своих рядов и повышения влияния среди молодежи. Критиковалась позиция коммунистов, не понявших необходимости в существовании самостоятельной молодежной организации. Партия призывала к созданию левого движения, которое бы заполнило в колледжах вакуум, возникший с распадом организации «новых левых».

Следуя указанию ЦК партии, СМРО на 2-й Национальной конференции в 1972 г. и позднее периодически рассматривал круг вопросов о влиянии Союза в студгородках и создании там своих ячеек. На выборах в местные органы власти в ряде штатов лидеры СМРО выдвигались кандидатами на административные посты. В партийном строительстве руководство партии стремилось придерживаться ленинского принципа сочетания молодых и старых кадров.

¹ См.: Тезисы XX Национального съезда КП США (февраль 1972 г.).

В 1974 г. в Праге состоялась теоретическая конференция, на которой ученые-марксисты подчеркивали значительную роль молодежи в обществе. «Ни одна партия, ни одно движение, — отмечалось на конференции, — не могут рассчитывать ныне на массовое влияние, на успех, если нет молодежи в их собственных рядах, если они не ведут за собой значительную часть молодого поколения»¹.

В результате классового анализа положения молодежи, ее сущности как специфической социально-демографической группы участники конференции констатировали, что при рассмотрении проблем современной молодежи следует принимать во внимание классовый состав и классовые связи молодежи, избегать как одностороннего преувеличения ее специфических особенностей, якобы социальной однородности молодежи и ее независимости от классовой структуры общества, так и игнорирования присущих ей общих черт, связанных с ее возрастом и социализацией.

Молодому поколению свойственна эмоциональность, увлеченность, неопытность, нетерпеливость. Вместе с тем молодежь стремится к переменам, она смело оспаривает традиционные истины и мнения.

Подвергаясь воздействию тех же общественных процессов, что и старшее поколение, молодежь может иначе их понимать и иначе на них реагировать. Сегодняшнюю реальность она воспринимает не в сравнении с прошлым, а как стартовую позицию. На молодое поколение воздействуют как факты общественной жизни своей страны, так и развитие мировых процессов, международные события. В этом сложном переплетении и формируется ее облик. На конференции отмечалось не только раннее физиологическое и интеллектуальное развитие современной молодежи,

¹ Социальная активность молодежи и коммунисты. Прага, 1975, с. 369.

но и ее ранняя реакция на социальные проблемы. Кроме того, подчеркивалось, что подлинный научный анализ места и роли молодежи в обществе, ее проблем немыслим вне связи с характером социального строя, всем комплексом социальных условий.

Документы Компартии США и Союза молодых рабочих за освобождение говорили о все более возрастающей роли молодежи промышленного рабочего класса в демократической и классовой борьбе. Наиболее динамичной силой стала негритянская молодежь и молодые представители других национальных меньшинств. Во время приуроченного к двухсотлетию США марша на Вашингтон под лозунгом «Дайте работу!» молодежь составила более 60 % из тысяч его участников.

Как отмечалось в документе, подготовленном расширенным Исполкомом СМРО IV Национальному съезду Союза, проходившему в октябре 1977 г., молодежное движение вступило в новую, качественно более высокую фазу развития, в которой особое значение приобретает рабочая молодежь, она выдвигается на авансцену борьбы.

В этих условиях проблема единства действий всей молодежи стала особенно насущной. Именно ее выдвинул Союз молодых рабочих за освобождение. «Единство — ключ молодого поколения к победе» — так озаглавил «Политикл афферс» выдержки из программного документа СМРО. Кроме того, в документе констатировалось, что господство монополий — это главное препятствие к решению экономических проблем молодежи, и прежде всего безработицы. Антимонополистическая направленность борьбы помогает разоблачить расизм, показать его классовую сущность и лживую природу двухпартийной системы. Вместе с тем антимонополистическая стратегия отчетливее выявляет ведущую роль рабочего класса, его историческое место и показывает насущную необходимость поддержки рабочего класса и организованного рабочего движения.

Указывая на углубление в среде молодежи антимонополистических настроений, СМРО призывал превратить эти настроения в прочное антимонополистическое сознание, предлагая выработать программу совместной борьбы за права молодежи, которая помогла бы мобилизации и концентрации ее действий и ее борьбе за право зарабатывать, учиться и жить.

В выступлении на IV Национальном съезде СМРО председатель Союза Дж. Стил от имени молодой Америки выдвинул следующие требования к правительству: президент Картер должен провозгласить условия жизни молодежи национальным бедствием и дать указание предпринять срочные шаги для обеспечения молодежи работой и удовлетворения других ее социальных и экономических потребностей; срочно созвать совместную сессию конгресса для принятия закона о введении сокращенного рабочего дня, при сохранении прежней зарплаты, и принятия решения о переводе фондов из военного бюджета в бюджет прав молодежи. Предлагалось также принять срочные программы массового профтехобучения и бесплатной подготовки в колледжах молодых, ищущих работу.

Союз молодых рабочих за освобождение призывал конгресс принять Билль о правах молодых людей, который бы на деле обеспечил: право на труд, оплачиваемый по установленным профсоюзами ставкам и обеспеченный соответствующей программой профессионального обучения; право на материально доступное образование; право на свободу от милитаризма, от безудержного наращивания вооружений и угроз миру; право жить свободными от всех форм расистской дискриминации, которое включает право угнетаемой по расовым и национальным признакам молодежи на борьбу против неравенства и дискриминации; право на лечение и отдых, на полное развитие физических и умственных способностей; право быть всесторонне представленными в политическом процессе и быть избранными на любую должность с 18 лет.

В связи с резким усилением идеологического противоборства между социализмом и капитализмом значение работы Коммунистической партии США с молодежью намного возросло.

Коммунисты стремились учитывать особенности каждого периода движения и подходить конкретно-исторически к его анализу, а также к выработке тактики по отношению к нему с учетом, что молодежь, как писал В. И. Ленин, «...по необходимости вынуждена приближаться к социализму *иначе*, не тем путем, *не в той форме*, не в той обстановке, как ее отцы»¹.

Именно недооценка СМРО особенностей молодежного движения, стремление копировать компартию являлись препятствием росту его рядов.

На IV съезде СМРО с помощью компартии был сделан серьезный анализ недостатков организации, приводивших к ее отрыву от масс молодежи. Была подчеркнута (при политическом и идеологическом руководстве компартии) организационная независимость Союза. До сих пор СМРО, по меткому выражению Дж. Стила, скорее старался все говорить и делать за молодежь и от ее имени. Не поучать, а терпеливо работать с молодежью, помогать ей самой увидеть ошибочность своих взглядов — такова была задача. На съезде говорилось о необходимости открыть доступ в Союз всей честной молодежи. Только желание присоединиться к борьбе за лучшую, содержательную, творческую жизнь и уверенность в будущем должно было служить критерием при приеме. Центральный комитет Союза был преобразован в Национальный совет. Кроме того, была подчеркнута настоятельная необходимость сделать деятельность Союза более живой, привлекательной, насыщенной культурными и спортивными мероприятиями.

Компартия разъясняла ошибочность тактики терро-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 226.

ризма и большое внимание уделяла разоблачению подрывной деятельности, прикрытой псевдореволюционной фразеологией, анархистских и троцкистских партий и групп.

Молодежно-студенческое движение в США явилось мощным фактором общественной жизни, инструментом воздействия на политику правительства, как внутреннюю, так и внешнюю. Оценивая роль студенческого движения в развитии политического сознания американской молодежи, подготовки условий для проникновения социалистических идей в массы, Гэс Холл заявил, что «именно благодаря студентам колледжей марксизм получил право гражданства в нашей стране. И, таким образом, изучение социалистического пути развития стало обычным делом»¹.

Молодые рабочие сталелитейной и резиновой промышленности, а также угольщики и автомобилестроители принимали самое активное участие в забастовочном движении. Молодые трудящиеся промышленных предприятий, госпиталей и поликлиник, сферы обслуживания шли в первых рядах демонстраций безработных, борцов против дискриминации, за равноправие и гражданские права, выступили против нейтронной бомбы. Такие слова, как мир, империализм, наполнились для них конкретным содержанием.

Исследования социологов свидетельствовали о зрелых оценках молодежью окружающего мира, природы и капиталистической сущности общественного строя США. На рубеже 80-х годов молодежь оставалась одной из серьезных сил, удерживающих империалистические круги от активных милитаристских акций. «Мы можем с огромной гордостью говорить, — заявил Национальный председатель Союза молодых рабочих за освобождение Джеймс Стил, — об ответе нашего поколения на угрозу империализма США совершить прямую агрессию в Анголе. Заплатив высокую цену за агрессивную войну во Вьетнаме, массы молодежи

¹ Daily World, 1976, February 7.

заявили Форду и Киссинджеру: «Мы больше не будем пушечным мясом американского империализма»¹.

Молодежь Америки активно выступила против объявленной правительством регистрации юношей призывного возраста. Новые и новые отряды молодого поколения включились в классовую борьбу с государственно-монополистическим капиталом.

Журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» так характеризовал психологические особенности «послевьетнамского поколения». «Настроенные скептически, часто высокомерные и требовательные, они, видимо, руководствуются старинной поговоркой: «Не склоняйся перед богатством и не раблепствуй перед силой».

Марксистская оценка факторов, определявших политическое лицо послевьетнамского поколения американской молодежи, давалась в «Главном политическом докладе ЦК КП США XXII Национальному съезду партии». Оно, по словам Г. Холла, не привязано к колеснице капитализма, не поддается на трескучие фразы, у него глубже чувство солидарности.

МАНЕВРЫ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ

Стараясь улыбнуться, профессор Фишер показывает мне записку в многотиражке Колумбийского университета. Лига защиты евреев требует от него отчета, открыто угрожает применением санкций и предлагает явиться для объяснений в штаб лиги.

Меня удивил развязно-категоричный тон записки, в которой давалось указание куратору советских специалистов, выделенному руководством университета. По-человечески я не мог не посочувствовать ему и спросил, последует ли он указанию.

— Ну, в штаб я не пойду, а позвоню им по телефону, — смущаясь, ответил профессор.

¹ Political Affairs, 1976, September, p. 15.

Не знаю, как в действительности он поступил, но после этого Фишер стал уклоняться от выполнения моих просьб об организации встреч с американскими коллегами, предлагая действовать самому.

Перебирая в памяти свои встречи с американскими исследователями в различных университетах и научных центрах, я припоминаю случаи, когда мой собеседник явно испытывал беспокойство при разговоре с советским коллегой. И если беседа проходила в отдельном кабинете, то иногда старался оставить дверь открытой, чтобы было слышно, что никаких конспиративных проблем мы не обсуждаем, а ведем беседу о положении, идеалах и настроениях молодежи. Нет, десятилетие охоты на «красных», годы шпиономании для старшего поколения в США не канули в прошлое.

Экономическое положение молодежи во второй половине 70-х годов оставалось сложным. Процент безработицы среди молодых американцев был по-прежнему заметно выше, чем среди взрослого населения. По официальным данным, в 1975 г. среди безработных было 3,5 млн молодых людей в возрасте до 25 лет. Особенно высок уровень безработицы был, как всегда, среди негритянской молодежи. Он поднялся почти до 40% в 1976 г. В отдельные месяцы 1977 г. безработица среди молодых негров достигала 45,5%, а в некоторых городах доходила до 70%. «Безработная черная молодежь — бомба замедленного действия» — так озаглавил тогда журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» статью, посвященную этой проблеме.

Многие американские ученые вновь констатировали подъем волны пессимистических настроений и рост в стране апатии. Если в 1957 г. среди опрошенных молодых людей 20—29 лет 40% сочли себя очень счастливыми, то в 1978 г. таких оказалось лишь 29%.

По данным статистики, среди подростков был самый высокий уровень самоубийств, жестоких преступлений, вандализма, наркомании и алкоголизма. Национальный

союз встревоженных родителей сообщил о беспрецедентном росте числа беременных среди белых девочек моложе 15 лет. Из родительского дома ежегодно убегало и исчезало до 1 млн подростков. Многие подростки становились жертвами преступного мира. В крупных городах девочки 12—13 лет занимались проституцией.

Вновь активизировалась деятельность террористов. Если в 1974 г. было зафиксировано 160 взрывов бомб по политическим мотивам, то уже в 1975 г. их число увеличилось в три раза, а в 1977 г. достигло цифры 1339.

По признанию американских ученых, ценности, зародившиеся в 60-е годы в студенческой среде, к 80-м годам проникли в сознание самых широких масс. Как, например, показал отчет Чикагского совета внешних сношений, большинство американцев хотело, чтобы правительство США отказалось от военного вмешательства в дела других стран и выступило в поддержку разрядки международной напряженности. Получил широкое распространение критический взгляд на стяжательство, выдвигались идеи совершенствования образования, воспитания, искоренения расового неравенства, улучшения положения и роли женщин в обществе.

В этот период молодые американцы хотели больше личной свободы, разнообразия, возможности влиять на ход событий.

Вместе с тем, по свидетельству социологов, вероятно, самой важной переменной в общественном сознании являлось то, что американцы стали выражать сомнения в правильности выбранного Соединенными Штатами пути.

Вот их ответы на эти вопросы (в % к опрошенному населению):

	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1977 г.	1978 г.	1979 г.
США идут по верному пути	16	15	19	41	34	20
США идут по ошибочному пути	74	75	71	44	53	65

Идеи преобразования социальной системы Соединенных Штатов — примечательный факт! — находили себе сторонников среди всех возрастных групп. Довольно значительный процент американцев высказался в пользу национализации некоторых отраслей промышленности:

нефтяной промышленности — 31%, железных дорог — 24, электростанций — 22, телефона — 21, банков — 12%.

Конечно, опрометчиво было бы на основании результатов этого конкретного опроса делать поспешные выводы о решительном несогласии американцев с существующей буржуазной системой. Однако концепции буржуазных идеологов, в которых капиталистическое общество рассматривалось как общество «процветания и благоденствия», теперь у многих граждан вызвали иронию.

Правящая элита лихорадочно искала эффективные средства для перелома настроений, возрождения веры американцев, в том числе молодежи, в капиталистический строй. Большие надежды, как обычно, возлагались на антисоветизм и антикоммунизм. При этом американские идеологи и политики не могли не принимать во внимание опыт пропаганды оголтелого антикоммунизма конца 1940—1950-х гг. Разоблачение его лживых методов одновременно вызвало интерес к идеям марксизма и к Советскому Союзу. Старались они принять в расчет и уроки бесславной «борьбы с коммунизмом» во Вьетнаме и недоверие населения к официальным лицам в результате разоблачений той ожесточенной борьбы за власть, которую вел американский правящий класс. Учитывая все это, антикоммунисты корректировали свою деятельность с целью оказать соответствующее воздействие на массовое сознание.

Серьезные препятствия для них представляла разрядка международной напряженности.

В годы разрядки заметно расширялись контакты американской и советской молодежи. Становились системати-

ческими взаимные поездки групп юношей и девушек США и СССР для ознакомления с образом жизни, правами и возможностями друг друга. По приглашению Комитета молодежных организаций в СССР приезжали не только представители Союза молодых рабочих за освобождение, но и молодые деятели американских квакеров, Ассоциации молодых христиан, организации Будущие фермеры Америки, представители Национальной студенческой ассоциации, Ассоциации ораторского искусства, деятели молодежных организаций республиканской и демократической партий США, Ассоциации американцев, поддерживающих науку и технику. Американские представители активно участвовали в Международной встрече трудящейся молодежи и Всемирной встрече девушек. Посетила СССР делегация молодежи национальных меньшинств.

Уже с 1972 г. начал регулярно работать Форум американской и советской молодежи, проводивший попеременно в СССР и США ежегодные конференции и семинары-дискуссии по широкому кругу актуальных политических и социальных вопросов: о советско-американских отношениях, о перспективах сотрудничества, проблемах войны и мира, европейской безопасности и сокращения вооружений, о роли молодежи в современном обществе и возможностях ее политической карьеры. Не остались в стороне и такие темы, как молодежь и будущее, НТР и молодежь, образование и молодежь, профсоюзы и молодые трудящиеся, и, конечно, вопросы культуры и искусства. Был организован обмен концертными программами. Становился традиционным обмен молодыми рабочими и детскими вожатыми, группами подростков.

В США в ряде случаев часть расходов по пребыванию советских гостей брали на себя профсоюзы, такие, как Объединенный профсоюз рабочих электротехнической промышленности, Объединенный профсоюз мясников и скотобоев, Профсоюз работников связи Америки. Участвовали в финансировании встреч некоторые компании.

В 1973—1974 гг. в Соединенных Штатах с успехом экспонировалась выставка «Советская молодежь». В течение восьми месяцев в шести городах с жизнью, бытом и трудом молодого поколения Страны Советов ознакомились десятки тысяч американцев.

Автору довелось побывать на этой выставке в парке Голденгейт в г. Сан-Франциско. Я приехал туда вместе с внуком Джека Лондона Бартом Эбботтом, его женой и дочерью Тэрнел. С неподдельным интересом ходили мы по залам выставки. Барт всматривался в лица юношей и девушек на фотографиях, восхищался изделиями их рук — сложными приборами, электроникой, летающим мотоциклом. «Ты посмотри, нет, ты посмотри, Элен, что они делают!» — поминутно восклицал Барт, обращаясь к жене. Узнав, что Тэрнел — правнучка Дж. Лондона, художник выставки О. Вишняков усадил ее и принялся рисовать портрет. У молодых людей нашлась общая тема — оба были на Кубе. Для моих друзей выставка «Советская молодежь» была струей свежего воздуха. Они долго о ней вспоминали.

Особой популярностью экспонаты выставки пользовались среди учащихся и преподавателей школ. Для многих молодых американцев она явилась откровением, перевернувшим их представления об СССР.

Вот что написала в отзыве одна из посетительниц, Диана Шокей:

«Я всегда думала о России как о мрачной стране, где небо все время облачное и постоянно идет дождь, где люди одеты в темную одежду, скрывающую лица. Выставка показала мне совершенно другую Россию. Русские — большие умельцы, и мне бы хотелось читать по-русски, русские книги. Это странное ощущение, когда ты осознаешь, что имела неправильное представление о коллективе людей».

Не могу не привести здесь же отзыв молодого американца, побывавшего в те годы в СССР. «До отъезда в Со-

ветский Союз,— сказал Джон Хелминьяк из г. Милуоки (штат Висконсин),— я представлял его себе как весьма мрачное государство, а его народ подавленным сознанием того, что его загнали в ярмо коммунизма. Однако оказалось, что советские люди, с которыми мне пришлось встречаться, были довольны своей системой правления. Почти все они обеспечены работой и зарабатывают достаточно, чтобы жить вполне прилично. Уровень преступности и инфляции очень низок, а транспорт вообще превосходен».

В годы разрядки оживилась переписка между советскими и американскими молодежными организациями. Писали молодые трудящиеся, студенты. Юноши и девушки США посылали письма в Совет Министров СССР, на имя руководителей Советской страны, в ЦК ВЛКСМ с просьбами присылать книги и журналы о Советском Союзе. 24 подростка из средней школы г. Северные Сиракузы выразили желание участвовать в строительстве БАМа.

Связи между молодежью США и СССР расширялись. И если до 1977 г. госдепартамент США разрешал обмен с молодежными организациями республиканцев и демократов, но препятствовал контактам КМО с Союзом молодых рабочих за освобождение, отказывая из года в год в визах советским делегатам, приглашаемым на съезды СМРО, то в 1977 г. представителям советской молодежи выдали визы для поездки на IV съезд Союза молодых рабочих.

Встречи молодежи СССР с представителями различных политических группировок США были шумными. Подчас участники по ряду вопросов не сходились во мнении. Особенно трудно бывало при выработке заключительных документов. Со временем обсуждения становились все более глубокими и всесторонними. И даже после того, как американская администрация начала нагнетать по отношению к СССР атмосферу враждебности, представители американской молодежи заявляли о необходимости прекратить гонку вооружений, выступали за подписание соглашения ОСВ-2.

С приходом в 1977 г. к власти администрации Картера гегемонистские амбиции реакционных империалистических кругов обнажались все очевиднее. «Есть только одна нация в мире,— претенциозно заявлял Картер,— способная на истинное лидерство в сообществе государств. Это Соединенные Штаты Америки»¹. «Война во Вьетнаме,— признавал год спустя американский президент, выступая перед студентами Университета Нотр-Дам 21 мая 1977 г.,— породила глубокий моральный кризис, подорвав доверие к нашей политике во всем мире... Мы должны, веря в себя, стремиться к тому, чтобы вдохновлять, убеждать и вести за собой другие страны». «Мы нашли путь,— успокаивал Картер,— назад, к своим собственным принципам и ценностям, и вернули утраченную веру в себя».

Представители военно-промышленного комплекса внедряли идею, будто разрядка выгодна лишь Советскому Союзу, спекулировали на национальных чувствах американцев, заявляя об отставании и военной слабости США.

Браждебный тон, задаваемый представителями военно-промышленного комплекса, все более охотно подхватывали ведущие деятели администрации США.

Для расширения «психологической войны» американские идеологи занялись поисками «привлекательного лозунга», который, противопоставив реальному социализму, правящая элита могла бы выдвинуть как знамя, увлекающее за собой нацию, и прежде всего молодежь, который бы помог пробудить патриотические чувства американцев. Или, по выражению Дж. Картера, «поднять перед американским народом знамя, достойное его восхищения и гордости». Вскоре он был сформулирован в виде лозунга «защиты прав человека», трактуемого в ключе свободы самовыражения, самораскрытия, свободы выбора, политического плюрализма и даже свободы от общества, то есть вседозволенности и анархии.

¹ *Carter J. Why not the Best. New York, 1976, p. 141.*

Выведенная правящей элитой США формула «защиты прав человека» хотя и походила на лозунги «защиты гражданских, демократических прав», но имела другое содержание.

Эта формула помогала отвлечь от мысли о необходимости создать в обществе экономические условия для всестороннего расцвета личности, удовлетворения ее материальных и духовных потребностей.

По логике буржуазных идеологов, дело было не в реальной возможности учиться, иметь хорошую работу, а в формальном праве на самовыражение, не в гарантированном обеспечении будущего каждой личности, а в провозглашении свободы самоосуществления, в праве на свободную конкуренцию — неимущего с имущим деньги, власть, средства производства.

Это была откровенная спекуляция на социально-психологических особенностях и потребностях молодого человека, жаждущего реализовать свою энергию, ищущего возможности раскрыть свои таланты, стремящегося к поискам своего места в жизни и к самоутверждению, и вместе с тем — расчет на его политическую неискушенность.

Между тем, словно откликаясь на призывы утвердить «права человека», на улицах больших городов стали обращать на себя внимание, как некогда битники и хиппи, группы экстравагантно выглядевшей молодежи с петушиными, невероятно радужными прическами-коками, нередко с выбритыми (страшно смотреть) с двух сторон головами и с яркой клоунской раскраской физиономий... Наяву было стремление поразить обывателя, бросить вызов общественным нормам. Их одежда была тоже призвана шокировать (чем чуднее, тем лучше) представителей истеблишмента.

О таких подростках был написан роман, а вскоре сняли и фильм «Золотой апельсин». Они назвались «панками». Говорят, во времена Шекспира так называли проституток. «Панк» — это подонок, ничтожество, молодой

человек, ничуть не оскорбляемый своей ничтожностью, напротив, ею кичащийся. Группы таких молодых людей создавали музыкальные ансамбли с соответствующим сногшибательным «панк-роком» и выпускали «панк-прессу».

«Наша политика в том,— заявляли они,— что мы говорим то, что хотим». «Мы аполитичны и антиисторичны,— пелось в их песне,— а на прошлое нам наплевать». Сами они свою «невключенность» считали формой протеста. Иногда их деятельность принимала положительное направление. Так, в Сан-Франциско панк-ансамбли однажды послали собранные на концертах деньги бастующим шахтерам. Но в целом «панк-культура» явилась дорогой в никуда, источником спекуляций для ловкого бизнеса.

Лозунг «защиты прав человека» был первой серьезной попыткой Вашингтона после краха вьетнамской авантюры возродить «право» Америки на моральные уроки остальному миру.

Не «новые рубежи» (о каких рубежах можно было говорить в годы растущей инфляции и безработицы!), не «великое общество» и не «общество всеобщего благоденствия», а «защита прав человека», и прежде всего за рубежом,— такова была новая политическая тактика Вашингтона.

В условиях то затихающего, то вновь обостряющегося кризиса правящий класс отвлекал внимание народа от внутренних экономических проблем. В то же время наиболее агрессивные круги получали средство борьбы против разрядки, предлог для раздувания антикоммунизма и антисоветизма, возведения препятствий экономическим и торговым связям, для политических конфронтаций с СССР на межгосударственном уровне.

Как известно, попытки президента Картера добиться перемен в решении внутренних проблем не увенчались успехом. Экономика страны не могла оправиться от кризиса. Тщетны были его попытки изменить законы обще-

ственного развития. Он был не в состоянии выполнить важнейшие пункты своих предвыборных обещаний. Согласно опросам, инфляция стала более тревожить американцев, чем даже безработица. В 1978 и 1979 гг. эта проблема продолжала обостряться.

С 1973 по 1979 г. продовольственные товары в среднем подорожали на 65,8%. Цены на говядину выросли на 50%, на дома — на 68, бензин и керосин — на 124,6, естественный газ — на 139, автомобили — на 48,9, на одежду — на 25,4, медицинское обслуживание — на 74,1, электричество — на 76,1%. Зарплата заметно отставала от роста цен.

Более трети опрошенных возлагало вину за инфляцию на правительство, 20% — на политиков и 15% — на большой бизнес. К осени 1980 г. число безработных, по официальной американской статистике, почти достигло невиданной с 30-х годов цифры 8 млн.

Не принесла ожидаемых результатов и пропагандистская возня вокруг лозунга «защиты прав человека».

15 июля 1979 г. в обращении к народу по телевидению Картер с неподдельной тревогой говорил о кризисе веры, переживаемом страной. «Это кризис,— признавался президент,— который затрагивает самое сердце, душу и дух нашей национальной воли. Мы можем видеть этот кризис в растущих сомнениях в смысле нашей жизни и в утрате единства целей нашего народа. Подрыв нашей веры в будущее чреват угрозой уничтожения самого социального и политического строя США». «Разрыв между нашими гражданами и нашим правительством,— утверждал президент,— никогда не был таким большим... Восстановление в Америке доверия и уверенности является сейчас самой важной задачей, которая нам предстоит,— это подлинный вызов, брошенный нынешнему поколению американцев».

Итак, дивиденды, полученные от кампании в «защиту прав человека», оказались недостаточны для возрождения

патриотических чувств и сплочения нации вокруг правящего класса и даже привели к потерям. Правящий класс пришел к выводу о необходимости усилить идеологическое наступление на реальный социализм, сместив акценты. В ход пускалось проверенное средство для формирования «патриотических чувств и сплочения нации» — внедрение мысли об «угрозе внешнего врага». На первый план была выдвинута идея «советской опасности», «военного превосходства СССР».

Американский президент все чаще прибегает к военным угрозам. Так, выступая в июне 1978 г. перед выпускниками военно-морской академии, Картер на первое место из проблем современного мира выдвинул угрозу «советской экспансии». Он заявил, что Советский Союз «пытается экспортировать тотальную и репрессивную форму правления, ведущую к становлению закрытого общества»¹.

Дополнительным орудием милитаристской и антисоветской пропаганды стали вербовочные военные пункты, сеть которых, после введения с середины 1973 г. наемного принципа набора в армию, значительно выросла, а активность повысилась. Существенно увеличились ассигнования на рекламу, пропагандирующую американские вооруженные силы, на откровенно антисоветски ориентированные кино- и телефильмы. Все больше выходило на экран фильмов, рассчитанных на подростка, с антисоветским зарядом, прославляющих войну и возвеличивающих героя, обожающего войну. Среди подделок подобного рода появилось несколько солидно сделанных боевиков, привлекавших широкого зрителя. Таким был фильм «Паттон», восхваляющий американского генерала второй мировой войны, убежденного в собственном высоком предназначении, готового воевать с русскими.

Наиболее наглым образчиком антисоветского боевика стал фильм «Красный рассвет», повествующий ни много

¹ International Herald Tribune, 1978, June 8, p. 2.

ни мало о «захвате советскими парашютистами» городка на западе США и жестокой их расправе над его населением. «Это не только гимн жестокости,— писала о картине итальянская журналистка,— это попытка изобразить советских людей ищадием ада, которые насилуют женщин, убивают детей и общаются между собой с помощью абсурдных штампов...»

Включив как-то в гостинице Анн-Арбора телевизор, я наткнулся на какой-то, как мне показалось, приключенческий фильм. Поначалу я не мог понять, против кого ведут партизанскую борьбу молодые американцы. Их противник вооружен был американскими танками и вертолетами, а форма войск была странная. Лишь увидев в руке у солдата советский автомат, я догадался, что борьба идет с советскими частями. Переключая каналы ТВ, я наткнулся на «Красный рассвет». Достаточно было посмотреть даже часть этой ленты, услышать, на каком тарабарском «русском» языке изъясняется «советский полковник», чтобы понять, какими низкопробными поделками потчуют американца. Но фильм отнюдь не был безобидным. Он был оскорбителен. И дело не только в вымышленном, провокационном антисоветском сюжете, но в каждом эпизоде. Скажем, в таких кадрах, где советский полк под «Интернационал» зловеще шагает по американскому городу или солдаты «интервентов» под гимн Советского Союза расстреливают американских школьников. Эти и подобные кощунственные сцены, вызывающие справедливое возмущение советского человека, призваны пробудить у американца ненависть к СССР.

Во многих штатах в школах был введен обязательный курс антикоммунизма. В университетах и колледжах пропаганда «развенчания» реального социализма велась под видом изучения марксизма. Цель всей этой деятельности, по характеристике Гэса Холла,— «довести американский народ до состояния истерического национализма, антисоветизма, военного психоза».

Американские политологи были заняты попытками «преобразования» революционного учения Маркса. Особенно активно стали противопоставлять Маркса Ленину, изображая ленинизм «специфически русским» явлением, с тем чтобы «доказать» его непригодность для рабочего движения Запада.

Новой формой антисоветской деятельности стало широкое привлечение для выступлений перед молодежью диссидентов, сионистов и других антисоветски настроенных эмигрантов.

К концу 70-х годов еще одна неотложная проблема оказалась в поле зрения администрации Соединенных Штатов. После отмены воинской повинности Пентагон был не в состоянии укомплектовать вооруженные силы. Учитывая оснащение армии новейшими системами вооружений, серьезное беспокойство вызывал недостаток лиц со средним образованием. Кроме того, процент военнослужащих-афроамериканцев повысился до 30%. Правительство Картера выступило с предложением о внесении в конгресс законопроекта о регистрации молодежи призывного возраста, причем не только юношей, но и девушек.

Такое неожиданное, не знающее прецедентов предложение о женской половине американской молодежи основывалось на надежде хотя бы отчасти противодействовать протесту юношей, отказывающихся от регистрации.

Однако уже на стадии обсуждения законопроекта новые опросы показали, что американские женщины в большинстве высказались против регистрации (49% при 47% за регистрацию).

Билль, предложенный правительством, вызвал решительную оппозицию в различных кругах общества. А начавшиеся к этому времени антимилитаристские выступления молодежи грозили развернуться в движение массового протеста. Против закона о поголовной регистрации устраивались пикеты, собирались митинги, проводились де-

монстрации. Вновь пришел в движение кампус и активизировались пацифистские организации.

В феврале 1980 г. антипризывные демонстрации прошли в университетах Нью-Гэмпшира, Нью-Брансуика, Анн-Арбора, в Калифорнийском университете и ряде других. В Беркли на митинге и в демонстрации протеста приняло участие около 2500 человек. В поддержку протестующих стали выступать профсоюзы. Резолюции и заявления против регистрации приняли Объединенный профсоюз рабочих автомобильной, нефтяной, химической и атомной промышленности, Международный профсоюз портовых грузчиков и складских рабочих, Американская федерация служащих учреждений штатов, графств и городов.

А 22 марта в Вашингтоне на демонстрацию протеста против билля о регистрации молодежи призывного возраста собралось более 30 тыс. участников. Молодежь требовала положить конец политике вооруженных авантур за границей, прекратить гонку ядерных вооружений и эскалацию международной напряженности.

В организации манифестаций протеста по всей стране приняли участие такие крупнейшие национальные организации, как студенческая ассоциация, «Американцы — сторонники демократических действий», «Мобилизация за выживание», «Лига борцов с войной», «Совет мира США», «Национальная организация негритянских студентов». Их инициатива была поддержана более 40 профсоюзными, религиозными, женскими группами и объединениями ветеранов. Протест против регистрации выливался в более широкую антимилитаристскую и антиимпериалистическую акцию. Если в 60-е годы молодому поколению потребовалось несколько лет, чтобы прийти к таким четким политическим лозунгам, то движение 80-х годов сразу приняло ярко выраженную антиимпериалистическую направленность.

Массовые протесты и склонявшееся в пользу антимилитаризма общественное мнение оказали заметное влия-

ние на законодателей. В итоге пункт билля о регистрации девушек поддержан не был.

Несмотря на предусмотренные законом суровые наказания за уклонение (тюремное заключение до 5 лет и штраф 10 тыс. дол.), около 472 тыс. юношей не явилось на регистрационные пункты (почти 9% от общего числа подлежащих регистрации), при этом невыясненное количество молодых людей дало ложные имена и адреса.

Кандидаты в президенты во время предвыборной кампании 1980 г. не могли не учесть настроений избирателей. Стремясь заручиться голосами молодого поколения, кандидат республиканцев Р. Рейган дал обещание отменить регистрацию, которое впоследствии не выполнил.

КТО ОНИ, ИДУЩИЕ НА СМЕНУ

Итак, какие же крупные, западающие в память события оказывали влияние на политические ориентации нового поколения американцев, родившихся в первой половине 60-х годов и вступавших в юношеский возраст на рубеже 80-х годов? Позорное поражение во Вьетнаме, уотергейтский скандал, провалы американской политики в Иране. Все эти факты небезболезненно отразились на общественном мнении. А в условиях нарастающего экономического кризиса все явственнее обозначалось недовольство широких слоев американского общества неспособностью правящей элиты решить обостряющиеся социальные проблемы.

Гегемонистские амбиции под прикрытием лозунга «сплотить нацию вокруг знамени», проявившиеся в период администрации Картера, с приходом к власти Р. Рейгана выявились еще ярче и все очевиднее трансформировались в претензии Вашингтона на мировое лидерство. Внешнеполитический курс, избранный новой администрацией, был призван отвлечь внимание населения от внутренних проблем и «поднять национальный дух», что не в последнюю очередь было ориентировано на зараженную скептицизмом молодежь. Правящая элита торопилась стереть из памяти период «разгула левых», оттеснить радикальные идеалы иными идеалами и ценностями.

Идеологи неоконсерватизма призывали «возродить уважение к религии, семейному очагу, западной культуре

и цивилизации». Они приглашали к возрождению «американской мечты», «неразрывного с ней национального патриотизма» и «веры в избранность и особую ответственность Америки». Подчеркнуто противопоставляя свою нравственно-этическую позицию взглядам «леваков» и превознося до небес достижения американской демократии, они пытались внести в сознание молодого поколения чувство национального превосходства.

«Смотрите, какая мы великая страна! — показывали политики. — Мы учим, поощряем и наказываем другие страны!»

Отныне Америка подчеркнуто демонстрировала свою мощь, а ее толстосумы — свое богатство. В США стало обычным хвастать роскошью, выставять напоказ бриллианты, золото, дорогие меха. В моду вошли смокинги, соболя, платья по полторы тысячи долларов и собственные самолеты. Не случайно возник интерес к «ретро» с его идеализацией и романтизацией прошлого.

По логике предлагаемого стиля жизни быть бедным — тоже норма. Во всем виновата фортуна. Ну и, естественно, при таком подходе каждому надлежит знать свое место. Государство не столь уж обязано заботиться о помощи нуждающимся, потому что, прежде всего, этим оно лишает их стимула, «потворствует лени». В штатах отменялись рейсы автобусов для инвалидов, программы производственного обучения и переквалификации, урезались ассигнования на помощь престарелым, на продовольственные талоны, льготы матерям-одиночкам, средства на школьные завтраки, ссуды студентам малообеспеченных семей. В общем, помощь на эти цели, предоставляемая государством, сокращалась на 20 млрд, а в дальнейшем — на 110 млрд долларов. Основанное в 60-е годы ведомство, занимавшееся в США борьбой с бедностью, вообще было закрыто.

Администрация Рейгана фактически упразднила три главные федеральные программы, по которым малообес-

печенные студенты получали помощь для учебы в вузах. В результате в университетах и колледжах из года в год сокращалась доля молодежи из семей с доходом ниже среднего.

В начале 80-х годов активизировалось наступление правящего класса на жизненный уровень трудящихся и завоеванные ими права. В ряде случаев, столкнувшись с реальной угрозой сокращения производства и увольнений, организованный рабочий класс вынужден был приостановить борьбу за повышение зарплаты в соответствии с ростом инфляции, а иной раз и соглашаться на ее снижение.

Кризисные явления все больше затрагивали малоимущие слои общества. По официальным данным, число безработных в 1980 г. возросло до 8,1 млн. Среди 16—19-летних безработица с 16,1% в 1979 г. поднялась в 1981 г. до 20% (а среди молодых негров — до 46,3%), при средней цифре по стране в 8%. В 1980 г. доля молодежи в общей численности безработных составляла в США почти половину (45,7%). Особенно резко проблема занятости встала перед специалистами с высшим образованием.

К июлю 1982 г. безработица среди молодежи достигла 24%, а среди негритянской молодежи — 49,5% (при средней 9,8%). То есть каждый четвертый молодой американец и каждый второй молодой негр не мог устроиться на работу.

К осени 1982 г., когда общий процент занятых поисками работы превысил 10%, он соответственно вырос и для молодого поколения.

При такой драматической ситуации с занятостью, которая более всего затрагивала молодежь, продолжался рост цен. Из таблицы, составленной весной 1981 г. на основе опросов института Гэллапа, ясно, что из трех наиболее важных проблем, стоящих перед страной, американцы всех возрастов выделили именно инфляцию (в % к каждой возрастной группе).

Возрастные группы	Инфляция	Безработица	Энергетические проблемы
18—24	71	5	6
25—29	76	10	5
30—49	72	9	6
50 и старше	73	8	4

Из этой таблицы видно, что та самая возрастная группа, у которой процент безработных выше, чем у других групп, кажется менее обеспокоенной остро стоящей перед страной проблемой трудоустройства. Можно объяснить реакцию этой группы непониманием такого пагубного явления капиталистического мира, как безработица, недооценкой ее негативного воздействия на личность. Однако все обстоит сложнее.

Известное влияние на реакцию молодежи, несомненно, имело то обстоятельство, что администрация США, а также средства массовой информации неустанно твердили, что самое главное зло — инфляция, устранив ее, можно будет устранить и безработицу. Кроме того, младшая возрастная группа — это те, кто еще тесно связан с родителями, пользуется их материальной поддержкой. Они не обременены собственной семьей, большинство из них бездетно. Это юноши и девушки, только начинающие свой трудовой путь. Пока они заняты поисками своего призвания, интересной работы, удовлетворяющей их запросы. На данном этапе их может устроить и временная, и работа с неполным рабочим днем. Во всяком случае, в отсутствии постоянной работы они не видят такой беды, как в растущей дороговизне. К тому же их не особенно прельщает работа по найму. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что у молодых людей этого возраста при обострении материальных затруднений есть и такой крайний выход, как вербовка на государственные харчи — в армию.

Следует обратить внимание и на то, что в формулировке вопроса безработица рассматривалась как «проблема страны». А американцы всех возрастных групп не отождествляют (хотя и не отделяют непроходимой стеной) свои личные проблемы с проблемами страны. При другой формулировке, когда речь бы шла о личных проблемах американца, процентное соотношение выглядело бы несколько иначе.

Тем временем продолжалось снижение покупательной способности доллара. Так, например, по официальным данным, с 1976 по 1981 г. в США в среднем продукты питания подорожали на 52,3%, из них мясо — на 45,5%. Стоимость дома — на 58,7%, медицинская помощь — на 59,3, электроэнергия — на 65,5, газ — на 113,4, одежда — на 20,2, автомобили — на 45,6, бензин — на 131,3%. С 1979 по 1984 г. стоимость продуктов возросла еще на 29,4%.

С весны 1981 г. борьба американской молодежи развернулась вокруг проблем инфляции и занятости. Во время выступлений против роста цен и безработицы, против сокращения ассигнований на образование выдвигались также и антимилиитаристские лозунги, требования урезать ассигнования на вооружение.

В кампусах ряда вузов, протестуя против политики новой администрации, студенты бойкотировали выступления ведущих деятелей правительства. В университете Ховарда, например, были выставлены пикеты во время лекции вице-президента Буша, в Сиракузском университете — против приезда госсекретаря Хейга, в университете Питтсбурга и Тринити-Колледже (Вашингтон) — против выступления представителя США в ООН Дж. Киркпатрик (в том самом колледже, в котором она недавно преподавала).

Для борьбы с антимолодежной политикой Вашингтона на ряде этапов объединяются такие организации как «Молодежь Национальной ассоциации содействия прогрессу

цветного населения», Молодежный совет организации «Американцы за демократические действия», «Национальная студенческая ассоциация США», и молодежные советы других организаций.

Активно участвует молодое поколение в работе организаций «Американцы за разумную ядерную политику», «Мобилизация ради сохранения человечества», «Комитет за национальную безопасность», «Народная мобилизация против войны» и др.

Газета «Дейли уорлд» подчеркивала, что молодежь, включая молодых рабочих, безработных и студентов доказала в ряде крупных демонстраций способность выступать плечом к плечу, она была готова вести борьбу как за экономические, так и за политические права.

В том же 1981 г. молодые рабочие Объединенного профсоюза машинистов и рабочих аэрокосмической промышленности написали письмо Р. Рейгану, в котором высказывались против производства нейтронной бомбы, квалифицируя такой шаг, как угрозу превратить Европу в атомную пустыню.

Важные антивоенные мероприятия проводил Союз молодых рабочих за освобождение. Милитаристским планам правительства противопоставлялась программа из 10 пунктов в защиту экономических и социальных прав молодежи. В русле борьбы за мир СМРО устраивал демонстрации солидарности с революцией в Никарагуа, с борющимися патриотами Сальвадора и Гватемалы.

Важным прецедентом международной солидарности прогрессивной молодежи было совместное заявление Союза молодых рабочих за освобождение (США) и Социалистической рабочей молодежи (ФРГ) по поводу встречи Рейгана и канцлера Шмидта в мае 1981 г., в котором эти организации высказывались против нагнетания напряженности и подготовки атомной войны.

К началу 1983 г. проблема безработицы (при некотором замедлении темпов инфляции) становится преоблада-

дающей. В феврале 1984 г. уже 67 % американцев считают ее главной проблемой.

Социологические обследования молодежи показывали, что новое поколение в основной своей массе настроено более материалистично. По данным опросов, больше студентов, чем когда-либо прежде, хотели быть хорошо материально обеспечены, обладать большей властью, добиться большего признания, обеспечить себе более высокий статус¹. Молодежь проявляла меньше интереса к точным и гуманитарным наукам, больше — к инженерным профессиям.

А журнал «Ю. С. ньюс энд уорлд рипорт» сообщал об оживлении в американских вузах организаций новых правых и неоконсерваторов. Щедро финансируемые некоторыми корпорациями и отдельными частными лицами, они пропагандируют национал-шовинизм, пытаются оказывать давление на либерально настроенных профессоров, выступают против связей университетов с компаниями, налаживающими торговлю с СССР.

В кампусе Каролинского университета (г. Рали) группа шовинистически настроенных студентов отметила вторую годовщину вторжения США на Гренаду маршировкой под звездно-полосатым знаменем с военными лозунгами. Богатые пожертвования позволили правым начать в некоторых студгородках публикацию своих газет и журнала. Однако половина этих изданий — два из четырех, не найдя спроса, вынуждены были вскоре прекратить свое существование.

В условиях охватившей страну безработицы студент теперь должен был трижды подумать, прежде чем принять участие в каком-нибудь массовом выступлении. Он тщательнее взвешивал, как его политическая активность отразится на репутации, на дальнейшей судьбе.

¹ Из 10 заветных желаний больше очков (70 из 100) собрало в феврале 1984 г. «желание стать богатым», 65 очков — «желание путешествовать» и 48 — «иметь лучшую работу». — *Прим. авт.*

Вернулась на круги свои и американская мода. Молодые люди стали одеваться опрятно, их прически и наряды не шокировали американцев старшего поколения. Но тот, кто близко общался со студентами, отметил, что их убеждения не всегда соответствовали внешнему поведению. Молодежь признавалась, что ради карьеры вынуждена играть разные роли, в зависимости от того, каким ее хочет видеть преподаватель. Всепоподчиняющая, главная цель жизни — получить выгодную работу в фирме — затмевала вопрос о том, состояться или не состояться как личности. Теперь все решалось на примитивном уровне: в зависимости от способности человека найти более или менее приличную работу.

Американские социологи отмечали отчетливо проявившееся у молодежи недоверие к людям.

Тревожные заявления администрации США о «военном превосходстве» СССР, о необходимости довооружаться порой казались американцам малоубедительными и нелогичными. Так, заявляя о превосходстве Советского Союза в ядерных зарядах, ведущие деятели американской администрации в то же время угрожали ему «ограниченной», а затем и «затяжной» ядерной войной, в которой, по их словам, Соединенные Штаты одержат победу. Бывало и так, что ораторы в пылу полемики высказывали мысли, противоречащие их официальным речам. Такое откровение вырвалось у президента Р. Рейгана в беседе с известным телекомментатором Барбарой Уолтерс в ноябре 1981 г.

«Величайшая опасность, которая угрожает Америке? — переспросил журналистку президент. — Я по-прежнему не считаю, что это угроза извне, опасность нападения со стороны. Я полагаю, что величайшая угроза та, которую мы можем снять с помощью нашей так называемой экономической программы... Линкольн однажды сказал, что если когда-либо нашей стране суждено погибнуть, то это будет не убийством, а самоубийством».

Чем больше кризисные явления охватывали страну и чем очевиднее становились провалы администрации в решении внутренних проблем, тем жестче становился внешнеполитический курс, особенно в отношении социалистических стран. Нередко Вашингтон прибегал к шантажу и грубому нажиму, нагнетал напряженность, угрожая ядерной войной. Напряженность и международные конфликты к тому же подогревали спрос на оружие и военную технику, главным мировым торговцем которых выступали США. Военно-промышленный комплекс не жалел средств на идеологическую обработку населения.

В начале 80-х годов идеологическая диверсия против стран социалистического содружества была открыто возведена в ранг государственной политики. Объявляя «крестовый поход» против коммунизма, Вашингтон ратовал за право США открыто вмешиваться во внутренние дела других стран. Кроме того, как полагала правящая элита, «крестовый поход» против стран социалистического содружества помогал поднять престиж страны в глазах союзников и народа Соединенных Штатов. Запугивая СССР и другие социалистические страны, Вашингтон стремился втянуть их в гонку вооружений и привести к экономическому истощению.

Широкая антисоветская и милитаристская кампания была развязана в связи с событиями в Польше, Афганистане, на Ближнем Востоке, в Центральной Америке. В шовинистическом духе трактовались и внешнеполитические неудачи США. Массовая идеологическая обработка населения делала свое дело. Процент опрошенных американцев, высказывавшихся за более жесткую линию в отношении СССР, вырос с 53 % в 1978 г. до 67 % в 1980 г.

В это же время в США был создан специальный комитет, который должен был координировать усилия в целях «противодействия советскому мирному наступлению» и «выработки рекомендаций пропагандистской нейтрализации движения в США за замораживание ядерного оружия».

Антисоветская пропаганда сопровождалась кампанией раздувания милитаристских и шовинистических настроений. Установка военно-промышленного комплекса на всемерное ослабление социализма стала у империализма главной. Для раздувания антисоветизма и национал-шовинизма не брезговали ничем. «Советским проникновением» объясняли революцию в Никарагуа и гражданскую войну в Сальвадоре, им пытались оправдать свою интервенцию в Гренаду и даже шпиономанию при подготовке Олимпийских игр в Лос-Анджелесе. Динамику настроений населения США (в данном случае речь идет о населении в целом) можно оценить по ответу на вопрос: «Следует ли США защищать военной силой своих главных европейских союзников, если кто-либо из них будет атакован Советским Союзом?» Ответили «да»: в 1974 и 1975 гг.— 48%, в 1976 г.— 56, в 1978 г.— 62, в 1979 г.— 64, в 1980 г.— 70%. В последующие годы увеличилось число сторонников восстановления воинской повинности в стране. С 1979 по 1981 г. на целую треть повысили жалование военнослужащим, увеличили субсидии на образование для тех, кто отслужил в армии, в то время как программы помощи обычным студентам резко сокращались. Пентагону стало легче набирать добровольцев в армию и на курсы подготовки офицеров резерва.

Однако это только одна сторона сложного процесса формирования общественного сознания американской молодежи. Несмотря на усиленную психологическую обработку, 25% опрошенной молодежи не одобряли политику Рейгана в отношении Советского Союза по сравнению с 21% американцев в возрасте 50 лет и старше. 83% населения США в возрасте 25—29 лет выступили за встречу с СССР для переговоров о ядерном разоружении. В поддержку соглашений между США и СССР о ликвидации всех ядерных вооружений высказалось почти 50% населения в возрасте 18—29 лет.

В конце 1981 г. на вопрос «Все ли США делают для

сохранения мира?» «нет» ответили: американцы в возрасте 18—24 лет — 50% опрошенных, 25—29 лет — 45, 30—49 лет — 41, 50 и старше — 29%. А в поддержку соглашения вообще не производить оружия высказалось: в возрасте 18—24 лет — 73%, 25—29 лет — 79, 30—49 лет — 71, 50 и старше — 70%.

Такое отношение молодого поколения к актуальным проблемам, касающимся войны и мира, свидетельствовало о все более серьезном отношении молодежи к угрозе атомной войны, изменениях в ее политическом сознании.

Подобный вывод подтверждается и ответом молодежи на вопрос: «Разрешать ли коммунистам быть преподавателями?» По результатам опросов 1972—1980 гг. (средние цифры), ответы сгруппировались следующим образом. Ответили утвердительно: 20—29 лет — 55%, 30—39 лет — 52, 40—49 лет — 41, 50—59 лет — 34, 60—79 лет — 32, 80 и старше — 37%. Огромное большинство юношей и девушек выступило против расовой дискриминации. По данным опросов 1972—1980 гг., на вопрос «Должны ли черные и белые дети ходить в одну и ту же школу?» ответили «да» 93% американцев в возрасте 20—29 лет.

Предложение не принимать закон, запрещающий межрасовые браки (опрашивались только белые), в 1972—1980 гг. одобрили: 20—29 лет — 83%, 30—39 лет — 73%.

Об отношении современной молодежи к богатым, а косвенно и к частной собственности, дает представление ее ответ на вопрос: «Следует ли деньги и богатства в США распределить более справедливо?» К этому предложению присоединилось более 70% опрошенных 18—29-летних.

На вопрос «Горды ли вы тем, что вы — американец?» почти треть молодых людей ответила отрицательно.

Большинство организаций, выступивших в США против ядерного оружия, родилось в Кембридже — в университетском городе Новой Англии.

Среди организаторов антиядерного и антимилиитаристского движения немало и тридцати- и сорокалетних, то

есть тех самых мужчин и женщин, которые 10—15 лет назад были убежденными участниками антивоенного движения протестующей молодежи.

Показательно, что, несмотря на угрозу тюремного заключения, за два года свыше 700 тыс. молодых военно-обязанных уклонилось от регистрации. Над «отказниками» начались судебные процессы, первым после трехдневного разбирательства был приговорен к тюремному заключению студент Гумбольдтского университета в Сан-Диего (штат Калифорния) Бенджамин Сасвей.

Итак, несмотря на усилия неоконсерваторов и махровой реакции, среди молодых американцев получили сравнительно меньшее распространение милитаристские настроения и была проявлена большая заинтересованность в переговорах с СССР. И к традиционной «двухпартийной демократии» они относились с большим недоверием, нежели старшие поколения. При некотором предпочтении демократов, наибольший их процент высказывался за независимую третью или «третьи» партии.

Нет ничего удивительного в том, что среди участников антивоенного движения, в борьбе за замораживание ядерных арсеналов в США, в выступлениях против расовой дискриминации, за гражданские права самый высокий процент молодых американцев. Свообразия взглядов молодого поколения не могли не учитывать в своей деятельности левые и антимилитаристские силы.

Коммунисты совместно с активом СМРО провели ряд обсуждений с целью добиться единства действий в борьбе за мир.

Национальный совет СМРО принял решение об учреждении новой молодежной организации. 1 мая 1983 г. на специальном собрании вместо СМРО была создана Лига коммунистической молодежи, которая развернула работу по вовлечению в свои ряды самых широких слоев недовольной общественными условиями молодежи — трудящихся, студентов, безработных, в том числе и тех, которые

не избежали влияния расизма и антисоветизма. А ее призыв «Лучше быть активным сегодня, чем радиоактивным завтра!» был с энтузиазмом встречен в широких слоях трудящихся.

Антивоенные настроения получают все большее распространение среди американской молодежи. Так, при общей поддержке большинством американцев вторжения на Гренаду 41% опрошенной американской молодежи 18—29 лет (при 30% 30—49-летних и 26% тех, кому за 50 лет) выразили неодобрение такому решению президента Рейгана.

В некоторых университетах состоялись массовые выступления против американской интервенции: в Беркли, Индианаполисе, Анн-Арборе, Кливленде, Конкорде, Амхерсте, Де-Мойне, Литл-Роке и других.

Существуют и другие значительные проблемы, по отношению к которым позиции части молодежи заметно расходятся, а то и прямо противоречат позициям вашингтонской администрации. Как показывают систематические опросы, угроза ядерной войны из года в год все более тревожит молодое поколение. Если в ноябре 1981 г. 43% опрошенных 18—24-летних заявляли о серьезности такой угрозы, то через два года их стало 49%.

С 1982 г., обретая все более отчетливые формы, движение за замораживание испытаний, производства и развертывания ядерных вооружений распространялось шире, охватывая новые слои американцев. Активную роль в нем играли ученые, врачи, общественные и политические деятели, церковь, некоторые отделения профсоюзов. Среди тех, кто поддерживал антивоенное движение, были и бывшие «ястребы».

Весной 1982 г. крупные антивоенные митинги состоялись в Чикаго, Сиэтле, Детройте, Вашингтоне, Де-Мойне, Атланте и в ряде других городов. В апреле, в течение одной недели, благодаря усилиям активистов антиядерного движения, в основном молодежи, более миллиона аме-

риканцев приняли участие в просмотре антивоенных фильмов, в дебатах и митингах, в подписывании петиций. Молодежь распространяла листовки, собирала подписи под требованием о замораживании ядерных арсеналов и прекращении гонки вооружений. Движение нашло живой отклик в 650 городах, 350 колледжах и в более чем 1200 средних школах США. Заметно активизировалась антимилитаристская деятельность в конгрессе.

В июне мощная демонстрация состоялась в Нью-Йорке. В этой крупнейшей за всю историю политической манифестации приняло участие более миллиона американцев, требовавших немедленного замораживания ядерных арсеналов в качестве первого шага на пути прекращения гонки вооружений. В результате полицией было произведено почти 1600 арестов. Столько же участников антивоенных шествий было задержано в Калифорнии во время демонстрации у Ливерморской лаборатории, где разрабатываются новейшие системы ядерного оружия. Среди арестованных высокий процент молодежи.

Резолюции с требованием замораживания поддержали жители 420 городов и законодательные собрания ряда штатов. Организаторы выступлений призывали перейти к требованию полного запрещения всех видов ядерного оружия. Был проведен сбор подписей за референдум о замораживании ядерных арсеналов.

В августе и сентябре антиядерное движение превзошло по массовости даже выступления против войны во Вьетнаме, и оно было лучше организовано. В общенациональной кампании против размещения в США ракет МХ приняло участие более ста различных организаций. Обозреватели вновь отмечали активную роль студенчества в антиядерном и антиракетном движении.

2 ноября 1982 г., во время промежуточных выборов, в 9 штатах, 30 округах и городах за замораживание ядерного вооружения проголосовало 10 765 тыс. американцев (при 7170 тыс. против). Это была внушительная демон-

страция мнения большинства. А проведенный в 1984 г. с помощью счетно-вычислительной техники, основанный на новейших принципах комплексный анализ общественного мнения¹ показал, что в группе, которую составили американцы с наиболее высоким уровнем беспокойства об опасности ядерной войны, больше всего молодежи. Именно эти граждане США высказывались в поддержку дружбы и учета взаимосогласованных интересов в советско-американских отношениях. К тому же в этой группе был выше процент тех, кто выступает за прекращение гонки вооружений.

Антиядерное движение, в котором активнейшую роль играла молодежь, продолжало развиваться в разных формах. Однако военно-промышленный комплекс и реакционные группировки в правящих кругах США не хотели прислушиваться к голосу масс, они не желали отказываться от баснословных прибылей военного бизнеса. Заявления официальных лиц с фальшивыми «доказательствами» военного превосходства и угрозы «свободному миру» со стороны СССР следовали одно за другим. Если США не будут сильнее, не станут действовать решительно, пугали политики, то страна лишится свободного доступа к источникам сырья, энергии, и тогда разразится катастрофа пострашнее «великой депрессии».

«Мы стараемся сделать так,— заверяли представители Белого дома, оправдывая в выступлении перед студентами политику правительства,— чтобы никто больше не мог безнаказанно угрожать жизни американских граждан».

Стремясь в год выборов заручиться поддержкой молодого поколения, президент внес в конгресс законопроект о заработной плате и улучшении возможности трудоустройства молодежи, предусматривавший создание летом

¹ Так называемый «кластерный анализ», позволяющий делать выборку одновременно по нескольким параметрам.

400 тыс. рабочих мест. В своих выступлениях он признавал сложность молодежных проблем и свою готовность к их решению.

Выступая 3 ноября 1984 г., перед самыми выборами, в Литл-Роке, президент обещал, что если он останется на второй срок, то ни один человек, пользующийся системой социального страхования, не пострадает от сокращения пособий и что налоги будут повышены только «через его труп». Он дал понять, что предпримет новые попытки заключить соглашение о контроле над вооружениями и улучшит отношения с СССР.

Угроза лишиться поддержки молодежи была сочтена республиканцами серьезной проблемой. По данным журнала «Ньюсуик», лишь за последнюю неделю предвыборной кампании они истратили около полумиллиона долларов на политическую радиорекламу, специально адресованную американцам от 18 до 24 лет.

К молодым американцам и поколению «бэби-бума» пытался апеллировать и кандидат демократов Г. Харт. Ему удалось добиться определенных (хотя и весьма кратковременных) успехов на этом направлении. Так, в апреле 1984 г. избиратели 18—24 лет отдавали Г. Харту предпочтение по сравнению с У. Мондейлом. Студенты ряда университетов и колледжей вызвались безвозмездно участвовать в кампании Харта в ходе первичных выборов, которая все же не привела его к успеху.

В ходе голосования Р. Рейган получил голоса 59% избирателей в возрасте от 18 до 24 лет, 56% — от 25 до 29 лет. По этим показателям он не только обошел своего конкурента от демократической партии, но и превзошел свои результаты на прошлых выборах.

В американской печати высказывалось мнение, что голосование молодых избирателей за Рейгана на выборах в президенты отнюдь не означало одобрения его политики. Молодежь одобряла то, как он исполняет должность, как держится, ведет себя на публике, как выглядит во время

выступлений и официальных встреч, показываемых средствами массовой информации. Сторонники этой точки зрения приводили в подтверждение результаты опросов института Гэллапа. Скажем, если в январе 1985 г. 70% молодых людей одобрили то, как он исполняет свои президентские обязанности, то с его экономической политикой, по тем же опросам, согласились лишь 52% и с его внешней политикой — лишь 51% тех же самых молодых американцев. А то, как он ведет дела с СССР, одобрило всего лишь 47% молодежи. Положительное отношение к его позиции на переговорах с СССР о разоружении выразил еще меньший ее процент — 45%. Отсюда многие американские наблюдатели делали вывод, что среди молодых американцев распространяется суждение об опасности для дела мира внешнеполитического курса Рейгана. Всего лишь 29% опрошенных заявило, что в результате деятельности его администрации шансы мира стали лучше. Иными словами, доверие молодежи к политике президента имело определенные пределы, а его политика в отношении СССР была одним из факторов ее серьезных сомнений и несогласия.

Вместе с тем, как говорилось в тех же исследованиях, значительная часть молодежи разделяла веру в созданный американской пропагандой имидж президента, видела в Рейгане патриота, правдивого человека, обеспокоенного международным престижем страны. Однако после того, как молодые люди, широкая общественность узнали о разоблачениях, связанных с американскими поставками оружия Ирану, популярность Белого дома резко упала.

Опасность международного военного конфликта среди других проблем, по мнению широких кругов молодежи, в 80-х годах стала главной проблемой страны. На втором месте — тревога по поводу безработицы. Привожу соответствующие результаты опросов 1985 года о серьезных проблемах страны (в % к каждой возрастной группе).

Возрастные группы	Опасность войны	Безработица	Дефицит бюджета	Высокая стоимость жизни	Бедность	Преступность
19—24	39	21	12	12	4	2
25—29	31	24	13	11	7	5
30—49	26	22	17	11	5	2
50 и старше	21	16	23	10	7	5

Передовые, наиболее мужественные люди молодого поколения, обеспокоенного гонкой вооружений и рискованной политикой военно-промышленного комплекса, ведут борьбу, изыскивая новые формы для пропаганды мира. На стенах домов появляются рисованные красками или мелом скорченные силуэты людей. Эти «тени» испарившихся человеческих тел призваны напоминать населению о жертвах грядущей ядерной катастрофы, если не остановить сегодня ее провокаторов. Молодежь Портленда ложится на рельсы, перекрывая путь белому составу, везущему ядерные ракеты. Аналогичное происходит в других штатах. В Вайоминге, как и 15 лет назад, у городка Шайенн, и в далеком штате Айдахо, у местечка Нампа, и в г. Бангор (штат Пенсильвания) происходило то же самое. Чтобы не пропустить эти поезда смерти, с неравными промежутками отходящие от техасского города Амарилло (где производится сборка ядерных головок), активисты антиядерного движения установили дежурство на трассе.

Участники антивоенных маршей не только протестуют, но прибегают порой к более решительным действиям. Они демонстрируют около военных баз и появляются даже на их территории. А в г. Эгане (штат Миннесота) 28-летний Джон Лафорд и 26-летний Барб Катт проникли в помещение завода, производящего компьютеры для ядерного оружия, и стали их крушить. В г. Сиракузы сотрудники авиакомпании повредили несколько бомбардировщиков и крылатых ракет. А в г. Орlando 8 участников антивоенно-

го движения вывели из строя ракетную пусковую установку.

Тысячи сторонников мира брошены в США за решетку. Более трех тысяч человек, преимущественно молодежи, было арестовано у ядерной лаборатории в районе военно-воздушной базы Ванденберг — месте испытаний ракет МХ. Только 20 июня 1984 г. полиция арестовала здесь более тысячи человек.

Для неусыпных наблюдений за молодым поколением и координации средств воздействия на него под крылом Пентагона, ЮСИА, ЦРУ и других правительственных учреждений создан специальный межведомственный комитет. Им разработаны «программы нейтрализации марксистских идей», учреждена особая организация «За академическую точность», развернувшая свою инквизиторскую деятельность в 150 университетах.

Объектом преследований новоявленных маккартистов становятся профессора и преподаватели, выступающие с прогрессивных позиций. Берется под контроль круг чтения молодежи. Из библиотек колледжей и школ изымаются «опасные» с точки зрения реакционеров книги. В списки запретных внесено более 600 произведений мировой и американской литературы.

Весной 1985 г. молодое поколение Америки приняло самое деятельное участие в продолжавшейся четыре дня общенациональной манифестации под лозунгом «За мир, работу и справедливость». А 24 апреля в знак солидарности с негритянским населением Южной Африки, выступившим против апартеида, по всей стране прошли студенческие демонстрации, митинги, «сит-ины» в 90 университетах и колледжах. В ряде вузов студенты вышли с транспарантами, призывающими прекратить вмешательство США в Центральной Америке, требующими освобождения лидеры борцов за равноправие Нельсона Манделы, амнистии студентам — участникам движения протеста. В Калифорнийском университете большинство

студентов бойкотировали занятия. В Стэнфордском университете — 8 тыс. участников демонстрации. В Беркли — почти 10 тыс. Выступили студенты Колумбийского, Висконсинского, Гарвардского и других университетов. Вновь десятки арестованных. В одном Беркли задержан 161 человек.

В Колумбийском университете группа студентов, забаррикадировавшись в административном здании, устроила многодневную голодовку протеста против политики апартеида и расизма, которой потворствует американский бизнес и правительство. Отчаянная акция молодежи привлекла внимание широкой общественности и вызвала жаркие дискуссии. С заявлениями о солидарности выступили местные отделения профсоюзов. Во многих городах молодежь действовала совместно с рабочими. В университете штата Огайо коалиция студентов и профсоюза работников связи вынудила-таки руководство университета разорвать отношения с ЮАР и отозвать фонды, вложенные в развитие связей с учреждениями этой расистской страны.

В октябре того же года, в день национального протеста против апартеида, митинги и демонстрации с массовым участием молодежи, «сит-ины», пикеты были организованы более чем в 100 городах и в десятках вузов, причем и в таких знаменитых, как Гарвардский, Йельский, Калифорнийский, Нью-Йоркский, Корнельский университеты.

Весной 1986 г. мне вновь довелось наблюдать жизнь и политическую активность молодежи США, беседовать с десятками молодых американцев.

На центральной площади студгородка Мичиганского университета, что в Анн-Арборе, напротив входа в главную библиотеку, я заметил какую-то постройку — то ли хижину, то ли шалаш, сооруженный из старых досок, кусков фанеры и картона.

— Что это такое? — спрашиваю я Энн Фицпатрик,

студентку факультета социологии, которая помогала мне в тот день сориентироваться в лабиринте университетских корпусов.

— Это шантиз,— стрельнув в меня быстрыми глазами, отвечает Энн.

Так вот они какие, эти шантиз, в буквальном переводе — хибары. Теперь, когда мы приблизились, я вижу, что убогая постройка вся облеплена плакатами и листовками, призывающими выступить против апартеида в ЮАР, а у дверей сидит дежурный активист движения.

Такие шантиз, по мысли их строителей, наглядно показывают американцам, в каких жалких условиях живут обитатели черных гетто — негритянское большинство ЮАР. Подобные хибары сооружены студентами во многих университетских городках США. Я видел их также в Беркли и в Колумбийском университете (в Нью-Йорке). Они служат своеобразными агитпунктами борьбы против расизма.

Весной и осенью 1986 г. тысячи студентов по всей стране организовано выступили против апартеида и в защиту Никарагуа. Снова пошли демонстрации по городам, митинги и «сит-ины» в учебных корпусах, снова были аресты и облавы, пущены в ход полицейские дубинки.

Движение в защиту Никарагуа — это ведь тоже одно из направлений антивоенной борьбы. Американцы все более опасаются, что политика вашингтонской администрации может вовлечь страну в нечто подобное вьетнамской войне.

В Беркли студентами было сооружено 15 шантиз и начались столкновения с полицией, пытавшейся разогнать молодежь (там были не только студенты). 3 апреля полицейские набросились на большую группу учащихся, выстроившихся с плакатами у самого административного здания. По головам и спинам юношей и девушек заходили дубинки. Наиболее упорным противникам апартеида выкручивали руки и утаскивали в полицейские фургоны —

выяснить фамилии для соответствующих досье ФБР. Юноши и девушки отчаянно отбивались. Ребята покрепче схватили палки, в «блустителей порядка» полетели камни. 11 студентов доставлено в больницу, 87 арестовано, ранено 18 полицейских. Всего за неделю отчаянной схватки арестовано почти 150 активистов.

В Дартмутском колледже «проклятые шантиз» по указанию властей уничтожали бульдозерами. Бурные демонстрации против финансовых связей университета с американскими компаниями, сотрудничающими с ЮАР, прошли в Йельском университете. Они практически сорвали торжественную церемонию вступления в должность нового ректора.

Так или иначе, но к середине 1986 г., побуждаемое движением против апартеида, руководство американских вузов вынуждено было изъять более полумиллиарда долларов, вложенных ранее в акции компаний, действующих в ЮАР.

В Сан-Франциско перед муниципалитетом под лозунгами «Миру мир!», «Долой ядерное оружие!» состоялась массовая манифестация школьников акватории залива.

Высокий процент молодого поколения более серьезной опасностью считает не отставание США от СССР по ядерным вооружениям, а их гонку. Серьезную озабоченность американская молодежь проявила в спорах о «стратегической оборонной инициативе» Р. Рейгана.

В студгородках ряда штатов в 1985—1986 гг. имели место выступления против СОИ. Молодые активисты антивоенного движения развернули кампанию против участия вузов в научно-технических разработках для СОИ. В апреле 1985 г. студенты и преподаватели 62 американских университетов и колледжей публично взяли обязательство не участвовать в таких разработках. Но в оценке значения СОИ в среде молодежи нет единодушия. В ответ на вопрос о том, увеличивает или уменьшает СОИ возможность соглашения с СССР по ядерному оружию и ра-

зоружению, число ответивших положительно и отрицательно оказалось равным. А на вопрос о желательности дальнейшего развития системы СОИ (при том, что более высокий процент молодежи, чем старшие, ответил отрицательно) все же половина опрошенных 18—24-летних сказала «да».

В некоторых высших учебных заведениях имели место выступления против вербовщиков ЦРУ. В Массачусетском университете, например, в знак протеста против работы вербовщиков ЦРУ студенты захватили административное здание. Вмешавшаяся полиция арестовала более 70 участников беспорядков. Зачинщикам грозит суд.

Бывало и так, что борьба шла не только с полицией и местными властями. Скажем, в Сан-Франциско вслед за 20-тысячной демонстрацией против бомбардировки американскими самолетами Ливии состоялась многочисленная контрдемонстрация в поддержку этой агрессивной акции.

Распространенное в США мнение об аполитичности молодых американцев не подтверждается данными опросов по проблемам внешней политики. Молодые американцы, согласно опросам, менее других поколений склонны ныне одобрять способ, каким Вашингтон решает ситуацию на Ближнем Востоке и в Южной Африке. Отношение к объявленному Советским Союзом в конце 1985 г. в одностороннем порядке мораторию на ядерные испытания было неоднозначным. Хотя он встречен был американцами положительно, но сам по себе не привел к расширению массовой базы борцов за присоединение к мораторию. Лишь молодежь по-прежнему твердо стояла за прекращение американских испытаний. 62% опрошенных 18—24-летних высказались в апреле 1986 г. за присоединение к советскому мораторию.

Студенты из Портленда, с которыми мне вновь довелось беседовать весной 1987 г., подтвердили, что, как и прежде, главными вопросами, вокруг которых объединя-

ётся недовольная молодежь, остаются инвестиции и сотрудничество американского большого бизнеса с ЮАР (то есть борьба против апартеида) и борьба против вмешательства правительства США в дела Центральной Америки, против помощи контрас.

При массовой обеспокоенности военной угрозой, однако, далеко не все молодые люди готовы еще принять участие в движении за мир. Лишь 15% опрошенных заявило о том, что они активно работают в организациях, выступающих за ядерное разоружение.

Понять поведение тех молодых людей, которые, являясь сторонниками протестующих, не присоединяются к ним, опять-таки помогли мои друзья из Портленда. Ведь активистам движения, говорили они, приходится жертвовать своим временем в ущерб занятиям и заработкам, в которых они нуждаются для частичной оплаты расходов на учебу (в их частном колледже плата за нее особенно высока). Меньше участвуют в движении студенты первого курса и второкурсники, так как те и другие еще осваиваются, не вошли в колею. Участнику молодежных манифестаций и «сит-инов» нужно быть внутренне подготовленным к арестам и даже к тюремному заключению. Среди сверстников и соседей по общежитию его зачастую ждет отчуждение, а среди вузовского начальства — ярлык неблагонадежного, который впоследствии окажет решающее влияние при устройстве на работу, непоправимо скажется на дальнейшей карьере.

Многие молодые американцы к тому же не верят в действенность антивоенной борьбы, поскольку ее достижения далеко не всегда видны. Во всяком случае, деятели администрации избегают признавать ее влияние на политику правительства. Тем более ценны проскальзывающие иной раз ее признания. О многом говорит, к примеру, такой факт, когда один из «ястребов» среди советников Белого дома, Р. Пайпс, заявил, что при решении вопроса о переговорах с СССР сыграли свою роль и анти-

ядерные демонстрации. Характерно, что по мере развития диалога между правительствами СССР и США позиции республиканцев среди молодежи крепли.

Однако выборы 1986 г. в сенат, палату представителей и в губернаторы обнаружили парадоксальную ситуацию. Большинство молодых американцев, считая себя по взглядам ближе к республиканской партии и причисляя себя к ней, отдали свои голоса представителям демократов. Такой парадокс может быть объяснен только тем обстоятельством, что в момент принятия конкретных решений главную роль в глазах избирателя сыграла более гуманная программа и личные качества данного кандидата.

Если республиканцы, по мнению молодых американцев, превосходили демократов в решении таких вопросов, как создание обороны, сокращения бюджетного дефицита, в реформе налоговой системы, сокращении инфляции, ведении дел с СССР и в таком вопросе, как процветание, то демократы, согласно опросам, были явно сильнее в решении проблем фермеров, престарелых, в контроле за расходами на вооружение, в заботах о проблемах отдельного человека, защите и расширении прав женщин и национальных меньшинств, в обеспечении работой, защите природы и т. д.

Сложные процессы формирования общественного сознания различных отрядов американской молодежи продолжают развиваться. В последнее время из среды поколения «бума рождаемости», то есть 1946—1964 гг., ученые начали выделять группу молодых честолюбивых профессионалов, сокращенно «йаппов», для которых характерен сугубо прагматический подход к жизни, и еще более многочисленную группу так называемых «новых воротничков», получивших высшее образование сыновей и дочерей рабочих, которых всерьез пугает угроза войны.

«Новые воротнички» (иногда их еще называют «подсиненными воротничками») — это часть поколения «бэ-

би-бума», сравнительно молодые трудящиеся с доходами от 15 до 30 тысяч в год, представители низшего звена «среднего класса», ибо по своим доходам они располагаются между бедными и зажиточными. К «новым воротничкам» относятся 51% всех конторских служащих, 52% квалифицированных рабочих и секретарей, 54% водителей грузовиков, 57% операторов ЭВМ и 63% технических работников.

84% поколения «бэби-бума» окончили среднюю школу, более четверти — выпускники колледжей. Это гораздо более образованное поколение в сравнении со старшими: в возрастной группе 40—64 лет таких всего лишь 14% — свидетельство изменения социально-возрастной структуры американской армии наемного труда.

В настоящее время «новые воротнички» составляют 13% электората, а в 1988 г., ко времени президентских выборов, по подсчетам демографов, поколение «бума рождаемости» составит почти половину электората. Его идеалы и ценности несут на себе печать социально-политических движений 60—70-х годов. И его политическая воля до конца века, вероятно, станет определяющей. Естественно предположить, что та партия и те политики, которые сумеют отразить запросы этого поколения, привлечь его на свою сторону, наверняка смогут обеспечить себе победу над политическими конкурентами.

Экономическое положение американской молодежи остается нелегким, имеющим тенденцию к ухудшению. Высокий процент ее трудится в сфере услуг. Молодых людей привлекает свободный график и широкие возможности неполного рабочего дня, что насущно необходимо учащимся и тем, кто начинает трудовой путь, занят поисками хорошего места. Основная масса работников этой сферы не требует к тому же серьезной профессиональной подготовки: в сервисе, торговле после небольшой тренировки может работать почти каждый.

И как раз в этой отрасли за последнее время занижены

ставки. А ведь работник неполного рабочего дня, кроме того, дает предпринимателю дополнительную выгоду своей способностью трудиться интенсивнее, полнее выкладываться.

Новичкам, желающим получить работу в ряде отраслей, таких, например, как авиакомпания, предприятия энергетической и химической промышленности, в торговле, хозяева ставят категорические условия — согласие работать за 2/3 установленной зарплаты, то есть по официально вводимому субминимуму. Средний уровень зарплаты молодых трудящихся, таким образом, заметно снизился. Добавим к этому неуклонное падение реальной стоимости стипендий и дотаций в условиях продолжающейся инфляции, при росте из года в год стоимости образования. В 1986/87 г. средняя стоимость обучения в частном колледже поднялась до 11 тыс. дол. в год.

Безработица среди молодежи остается на высоком уровне. По данным журнала «Тайм», в апреле 1985 г. при средней по стране безработице 7,3% среди 16 — 19-летних тщетно искали работу: белые — 14,9%, черные — 39%.

Тот же «Тайм», подытоживая анализ экономического положения поколения периода «бума рождаемости», пришел к печальному выводу, что уровень жизни этого поколения, несомненно, будет ниже уровня, к которому они привыкли с детства, так, они будут не в состоянии сохранить достаток, обеспеченный их родителями, и приобрести дома, в которых они выросли.

Участились случаи поддержки студентами бастующих рабочих. В г. Оберлин (штат Огайо) учащиеся организовали специальный комитет для оказания помощи стачечникам-сталелитейщикам. А аспиранты-юристы Гарвардского университета публично объявили об отказе служить в компаниях, которые препятствуют работе профсоюзов (в Сан-Франциско, Чикаго, Сиракузах — всего пять фирм). Их поступок был высоко оценен руководством АФТ — КПП.

Среди национальных приоритетов в 1986 г. молодое поколение назвало правительственную помощь фермерам, борьбу с преступностью и наркоманией, снижение безработицы, а также установление контроля за ядерным оружием. Не осталась без внимания и настоятельная необходимость улучшения отношений с СССР.

К сожалению, в профсоюзах США числится лишь 14% рабочих до 35 лет, при 19% организованной рабочей силы в среднем по стране (1985 г.). Это низкий процент. И профсоюзы ставят задачу вовлечения в свои ряды молодежи. А для этого необходимы изучение и учет ее интересов.

Большинство современных молодых рабочих, до 35 лет, судя по данным последних опросов, интересуется возможностью продвижения по службе, наличие детских садов, нормальных условий труда и качество выполняемой работы. Насущной потребностью они считают гарантированную возможность овладения новой профессией и право голоса при решении вопросов о том, как выполнять свою работу. Обеспеченность работой названа тоже в числе важных потребностей, наряду со скользящим графиком.

Оценивая характерные черты молодого поколения 80-х, в сравнении с тем, что было десять лет назад, американские социологи обнаружили в его основной массе отсутствие коренных расхождений между 13—19-летними и родителями во взглядах по таким вопросам, как, например образование, важнейшие жизненные ценности, роль женщины, значение религии. Вместе с тем, теперь у молодежи гораздо более проявлялось недоверие к людям, с которыми ей приходится иметь дело и, напротив, больше доверия, чем у старших, к профсоюзам. Все большее значение придается способностям и образованию.

Многие студенты, опасаясь трудностей, которые могут возникнуть у них в будущем при трудоустройстве, стали высказываться за поддержание порядка и дисциплины. Среди них резко выросло число тех, кто желает специализироваться в сфере бизнеса, электроники, вычислитель-

ной техники, и в то же время сократилось число желающих идти по ниве просвещения, да и число историков, социологов, политологов и других гуманитариев уменьшилось — тенденция, как видим, обратная тому, что было в 60-е годы.

Меньший процент молодежи теперь принимает участие в деятельности в помощь беднякам, бездомным, больным, хотя большинство ее согласно, что на социальное обеспечение страна тратит слишком мало денег. Преобладающими все более очевидно становятся эгоистические и индивидуалистические черты личности, приписываемые обычно влиянию консервативных тенденций. Отношение современных студентов к политике один американский социолог сформулировал в такой фразе: «Поддерживай нас сильными, но не вовлекай».

Американские средства массовой информации вновь забили тревогу, подробно сообщая о росте самоубийств среди подростков и молодежи 15—24 лет: число их с 1950 г. возросло в три раза. В 1985 г., по данным ФБР, дети 12 лет и моложе привлекались к ответственности за 21 убийство, 436 изнасилований, 3545 нападения при отягчающих обстоятельствах, 1735 ограблений. Причем многие из малолетних преступников не впервые привлекаются к уголовной ответственности.

Размеры настоящего бедствия приобрело из года в год увеличивающееся число беременных девочек в возрасте 11—14 лет.

Такая деградация среди молодежи — результат, как утверждает «Тайм», изменений нравов, распространения наркомании, алкоголя и кризиса семейных отношений. Подчас поступки и проступки малолетних — это наивный и отчаянный способ в состоянии депрессии привлечь к себе внимание, их трагическая попытка разрешить неразрешимые жизненные проблемы. Главная причина — условия жизни, разочарование в окружающей действительности, психологическая отчужденность.

Те десятки молодых американцев, самого разного возраста, с которыми довелось мне встречаться и беседовать в разных уголках США и у нас в стране, производили хорошее впечатление своей открытостью, неподдельным интересом к другому миру, его точке зрения и почти всегда доброжелательностью.

— А у вас какие жизненные планы? — спрашиваю я восемнадцатилетнего Майкла Кэрни. Мы устроились за круглым столом во дворике просторного одноэтажного дома. Мы — это я и четырнадцать школьников калифорнийского городка Сономы. Мы ведем беседу о жизни и волнующих вопросах. Время действия — март 1986 г.

— На будущий год, — отвечает Майкл, — после окончания школы, я собираюсь поступить в Бельмонтский колледж, а потом в университет в Вашингтоне, где буду изучать политические науки.

Арти Филиппсу 14 лет, он после школы хочет пойти в Калифорнийский университет, а в дальнейшем думать стать пилотом, как и его отец. Стюарт Споренг (ему 16 лет) мечтает уехать в Голливуд, чтобы, поступив там в музыкальную школу, развивать свои музыкальные способности. Он играет на банджо.

Кристе Конфорти 15 лет. Она интересуется психологией и юриспруденцией, а ее 12-летней сестре ближе коммерция. Эмили Стон тоже 12 лет. Ее хобби — танцы. После школы она хочет пойти в колледж, где, наверное, будет изучать бизнес, чтобы в будущем открыть свой магазин. У всех без исключения подростков планы сугубо мирные. Эрни Тагер (16 лет) — широкая натура, она любит язык и литературу, химию и историю, играет в волейбол. У нее много друзей, с которыми она делится самым сокровенным. Эрни хотела бы побывать в СССР.

Монике Мерфи 17 лет. Она переписывается с девочкой из Италии, увлекается музыкой и театром, сама поет, играет на пианино. Моника встречала русских. Это были спортсмены-велосипедисты. Они плохо говорили по-анг-

лийски, «но мы понимали их лучше,— уверяет она,— чем других. Страшно подумать о новой войне. Нет, это пезовозможно. Нужно доверять друг другу». То же самое говорит и Джессика Фудим: «Хочу, чтобы мы доверяли друг другу».

Скоту Рэмси 17 лет. Он намерен поступить в университет, защитить диссертацию по биологии и стать профессионалом. Он за мир, понимает, что «советское правительство честно старается предотвратить угрозу ядерной войны, а в Вашингтоне не хотят пойти навстречу». Нужно использовать все шансы для сохранения мира. Его мысль продолжает одноклассник Дэви Паркер: «Дружба между нашими странами насущно необходима, так как мы способны уничтожить друг друга. Народы ведь не хотят погибнуть. Уверен, что так думают вообще все люди. У вас своя государственная система, у нас своя. Раз у вас она есть, значит, она вам нравится». Дэви любит изобретать, создавать что-то полезное для других. Он хочет сказать советской молодежи, что отнюдь не питает к ней ненависти. Хотел бы встретиться с ней, найти друзей, мечтает поехать в СССР.

Честно признаюсь, меня поразил тот уровень здравого смысла, который услышал я в рассуждениях этих школьников из глубинки американского Дальнего Запада, этих ребят и девочек, живущих хоть и вдали от главных центров антисоветской пропаганды, каковыми являются Вашингтон и Нью-Йорк, но все же в атмосфере антикоммунизма и злобной лжеинформации, смотревших такие махрово антисоветские ленты, как «Рембо» и «Красный рассвет».

Упомянутый выше Стюарт Споренг вновь вступает в разговор: «У нас, в США, есть невежественные люди, думающие, что у вас все плохо. Они считают, что ракеты их спасут, тратят на них миллионы. А я считаю, то, что мы должны лучше знать и понимать друг друга. Ему нравится советская музыка. Он собирается поехать в Чехо-

словакию, а в будущем хотел бы посетить Советский Союз.

И вновь говорит Майкл Кэрни. Проблемы войны и мира — это самые главные проблемы. Мы должны сказать правительствам, что не хотим больше новых и новых вооружений, взволнованно подчеркивает он. Мы можем работать вместе. Мы скажем своему правительству, а вы — своему, что не хотим уничтожения, что пора прекратить производство новых и новых ракет, надо начать их демонтаж. Только так мы обеспечим себе безопасное будущее.

На мой вопрос, как бы они назвали свое поколение, мои юные друзья почти единодушно отвечают, что хотят его назвать «созидающим поколением». А позже, в Лос-Анджелесе, студентка Сью Кэспери сказала запавшую мне в память фразу: «Пусть люди в СССР знают, что у американцев огромное желание больше знать о них и что мы хотим, чтобы у нас было будущее!»

Мои американские коллеги старшего поколения в ответ на просьбу попытаться одним словом определить существенное качество современного молодого поколения наряду с такими эпитетами, как «отчаявшееся», «неуверенное», предлагали мне назвать его «мидиа-дженерейшн», то есть поколением, воспитанным средствами массовой информации (прежде всего телевидением) и находящимся под их доминирующим влиянием. Я тогда понял, что страх перед «агрессивными русскими», распространяемый масс-мидиа и правящей элитой, сыграл двоякую роль: акцентируя общественное мнение на военной мощи СССР и пробуждая к нам недоверие, он в то же время побуждал многих американцев к поискам диалога, мирных решений, вызывал благородное стремление добиваться взаимопонимания, ни в коей мере не доводя отношения до конфликта.

Мирные инициативы СССР, проводимая им политика нового мышления и перестройки международных отноше-

ний, встречи руководителей СССР и США вызывают большой интерес и все большее понимание американской общественности. Популярны высказывания тех политиков, которые проявляют обеспокоенность за будущее человечества, за его выживание в ядерно-космическую эру.

Заправилы военно-промышленного комплекса, всевозможные правые, новые правые и ультраправые организации оказывают давление на правящие круги, с тем чтобы продолжать гонку вооружений и осуществить милитаризацию космоса.

К борьбе за взаимопонимание и сотрудничество, за ликвидацию стереотипа врага, за дружбу народов ныне подключились (вещь невиданная!) даже школьники — и не только старших классов. Мы прекрасно это видели на примере незабвенной Саманты Смит и путешествий группы «дети-миротворцы» и во время дружеского телемоста между детьми СССР и США.

Молодые американцы создают организации, которые выступают за укрепление взаимопонимания и расширение контактов молодежи США и Советского Союза. «Это хорошо,— подчеркнул М. С. Горбачев на встрече с группой американских студентов и школьников из организации «Прямые связи»,— что вы думаете о судьбе своей страны, о связях между народами, с молодежью Советского Союза и других стран. Это делает вам честь»¹.

Американская молодежь вместе со старшими активно участвовала в мирном походе по городам и селам США и СССР, демонстрируя свою волю к миру и дружбе с советским народом.

Идеи, лозунги и боевая практика молодого поколения шестидесятых сохраняют свою актуальность и ныне, а са-

¹ Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 7—10 декабря 1987 г. Документы и материалы. М., 1987, с. 114.

моотверженная борьба молодежи за спасение своего будущего и будущего всех людей не может не вызвать глубокого уважения. Опыт протестующего поколения неизменно играет свою роль, преломляясь в делах и намерениях, в нелегкой борьбе американской молодежи.

Время идет, на смену одному поколению приходит другое. Столкнувшись с острейшими экономическими и социальными проблемами, правящий класс США бросает все силы, все средства идеологического и пропагандистского арсенала для воздействия на умы молодежи, восстания подорванной ее веры в американский социальный строй и государственные институты.

Процесс борьбы за умы молодого поколения нет основания упрощать. Член Национального комитета, ветеран Компартии США Гил Грин подчеркнул в беседе со мной сложность психологии и проблем современной молодежи. Нынешнее поколение молодежи лучше информировано и образовано, но классовое ее сознание менее развито. «В мои молодые годы,— отметил Гил Грин,— то есть до войны, было легче найти верную дорогу». Влияние социально-психологических последствий новой фазы технологической революции, усложнение проблем мирового развития, социалистического и коммунистического движения, новых форм общественных движений, противоречивость интересов и претензий различных социальных групп, всплеск консерватизма — это реальности времени. На фоне этих и других факторов идеологического развития молодым поколением Америки все отчетливее выделяется вопрос вопросов современности — проблема ответственности за судьбы цивилизации и самой жизни на Земле. Оно горосует за дружбу и мирное будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
МОЛЧАЛИВЫЕ ИЛИ ЗАПУГАННЫЕ?	7
ЗА ЧТО БОРОЛАСЬ ПРОТЕСТУЮЩАЯ МОЛОДЕЖЬ	29
ПОСЛЕВЬЕТНАМСКОЕ ПОКОЛЕНИЕ	135
КТО ОНИ, ИДУЩИЕ НА СМЕНУ	171

Быков Виль Матвеевич

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО

Политическая эволюция
молодого поколения США
(50—80-е годы)

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редактор *Т. Г. Климова*

Младший редактор *В. В. Пасечник*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 5050

Сдано в набор 19.01.88. Подписано в печать 17.06.88. А00086. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,10. Усл. кр.-отт. 9,54. Уч.-изд. л. 9,34. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3496. Цена 50 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

UNCLAIMED STORAGE &
UNCLAIMED HOUSEHOLD
GOODS SALES

UNCLAIMED
STORAGE
GOODS SALE

FORMERLY PAUL PERRY
WICKS APPLIANCE SHOP
5000 MISC. ITEMS

BUSVA
MOVING & STORAGE
WAREHOUSE
SALE

VETERANS FOR PEACE

VETERAN VETS FOR PEACE

50 коп.

